

ISSN 2225-5346

**СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ**

2018

Том 9

№ 3

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2018

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2018
Том 9
№ 3

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2018.
111 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением учредителя

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИКА И ОНТОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

- Герасимов С.В., Тульчинский Г.Л.* События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии..... 5
- Крылов С.А.* Онтологическая таксономия как способ инвентаризации элементов семантического метаязыка когнитивного анализа (на материале монографии Е. В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен (семантика и сочетаемость)») 25

СЛОВО И ДЕЛО: ЯЗЫК В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

- Писарь Н.В.* Особенности функционирования лексических экспликаторов модальности необходимости в Ветхом и Новом Завете (на примере Синодального перевода на русский язык) 55
- Кочеткова О.Л., Гапонова Ю.В.* Агиографическая топика в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» 64
- Малащенко В.В.* Между верой и безверием: тема жизни и смерти в романе Ю.Н. Иванова «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни» 72
- Куракина Н.А.* Возрастные характеристики английских, американских и русских комплиментарных высказываний 83

РУСИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

- Костанди Е.И.* Дискурсивные практики русской диаспоры Эстонии: языковые контакты 95

CONTENTS

SEMIOTICS AND ONTOLOGY: THE PROBLEMS OF DESCRIPTION

Gerasimov S. V., Tulchinskiy G. L. Events as a semantic framework for the construction of reality: the prospects of a transition to a dynamic ontology 5

Krylov S. A. Ontological taxonomy as a means to inventory the elements of the semantic metalanguage of cognitive analysis (based on E. V. Rakhilina's monograph *Cognitive Analysis of Object Names (Semantics and Collocations)*)..... 25

WORD AND DEED: LANGUAGE IN DISCURSIVE PRACTICES

Pisar N. V. Lexical explicators of the modality of necessity in the Old and New Testament (the Synodal translation into Russian)..... 55

Kochetkova O. L., Gaponova Yu. V. The hagiographic topic in I. S. Shmelev's novel *The Inexhaustible Chalice* 64

Malashchenko V. V. Between faith and disbelief: the theme of life and death in Yu. N. Ivanov's novel *Dances in the Crematory: Ten Episodes from the Life of Königsberg*..... 72

Kurakina N. A. Age-related characteristics of English, American, and Russian compliments..... 83

RUSSIAN STUDIES ABROAD

Kostandi E. I. Discursive practices of the Russian diaspora in Estonia: language contacts 95

УДК: 141; 115

СОБЫТИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА К ДИНАМИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ

С. В. Герасимов¹, Г. А. Тульчинский^{2,3,4}

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

² Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

⁴ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 29.05.2018 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-1

События являются главным элементом формирования и представления картины мира во всех научных дисциплинах, включая естественные, гуманитарные и точные науки. Познание, осмысление действительности предполагает учет и построение данных, описаний, зависимостей, нарративов, в которых ключевую роль играют конкретные события. В данной работе анализируется связь между событием и реальностью. При этом главное внимание уделяется событиям в социальной сфере в управленческом аспекте. Такой подход позволяет не ограничиваться в рассмотрении описаниями, но вести его в контексте возможностей конструктивного преобразования реальности. Решаются три основные задачи.

Во-первых, это изучение возможности динамического описания природы событий. В этой связи обособлен переход к конструктивно-динамической парадигме онтологии. Выявляется функция события по созданию, управлению и разрушению реальности. Показывается необходимость конструктивной модели специального события, учитывающей временной фактор развития реальности.

Во-вторых, это задача выработки теоретического (математического) аппарата, позволяющего выразить эту динамику. В этой связи определена математическая семантика событийных процессов: для выработки модели используются методы максимумов / минимумов, исчисления бесконечно малых, анализа пороговых значений событийной функции.

В-третьих, решается задача верифицировать предлагаемую модель и обозначить некоторые возможности ее применения. В этом плане показаны возможности применения предложенной модели в прогнозировании и развитии специальных событий, в том числе и в интерактивном режиме.

Ключевые слова: *конструкционизм, менеджмент специальных событий, событие, модель, реальность, социально-культурный инжиниринг, реализация моделей.*

Введение

События — главный элемент смысловой картины мира, ее онтологического основания. Познание, осмысление действительности предполагает построение данных, описаний, зависимостей, нарративов, ключевую роль в которых играют конкретные события. Неслучайно термином «событие» оперируют различные науки — и гуманитарные, и естественные, и точные. Этот термин имеет множество определений и в первую очередь интуитивно связывается с явлением различного происхождения.

События можно охарактеризовать по-разному, в зависимости от того, в каком предметном поле события рассматриваются, а также — от того, какой функционал событий берется во внимание. В данной работе нас будут интересовать прежде всего события как явление социальной жизни, которая развивается на основе событий, выступающих импульсами и маркерами этого развития. Это относится как к историческому процессу, анализу состояния социума, развитию конкретных сторон жизни социума, так и к социальной коммуникации, формированию нематериальных активов — все эти сферы прирастают событиями, которые привлекают внимание, формируют память, закрепляют картину мира. В этом плане событие может быть явлением и бытовым, и научным, и политическим, и религиозным. Если отвлечься от такой социальной обрисовки, нас интересует феномен социального события в управленческом аспекте, что позволяет не ограничиваться в рассмотрении описаниями, но вести его в контексте возможностей конструктивного преобразования реальности.

В этой связи события выступают как специфическая практика и даже дисциплина «менеджмента событий», а точнее — менеджмента специальных событий (*special events*). Существует, кроме того, специальный рынок услуг, на котором действуют профессионалы-«ивентштики» и ивент-агентства, обслуживающие бизнес, политику, некоммерческую сферу, культурные индустрии, спорт и т.д. Речь идет о достаточно специфической особенности современного информационного общества, в котором события не столько потому освещаются, что происходят, а происходят для того, чтобы о них сообщалось. Функции таких событий достаточно разнообразны: от создания новостных поводов и формирования медийного пространства до рекламы, стимулирования продаж в маркетинге и реализации внутренней и внешней позиции. Можно говорить уже о сложившейся индустрии специальных событий и социальных мероприятий.

Однако за всей этой многогранной деятельностью стоит большое значение событий не просто как части социальной реальности, а как фактора ее формирования, что ставит их в фокус не только управленческого, но и философского осмысления. Причем, как мы постараемся показать, такое осмысление оказывается принципиально важным и для практики организации событий.

Обычно события описываются статично, как некие факты. Между тем, принципиально важна возможность анализа их динамической природы. Поэтому в данной работе предпринята попытка решить три задачи. Во-первых, это поиск возможности динамического описания природы событий. Во-вторых, — выработка математического аппарата, позволяющего выражать эту динамику. И в-третьих, верификация предлагаемой модели и обозначение некоторых возможностей ее применения для создания возможной таксономии специальных событий. Структура работы выстроена в соответствии с последовательностью решения этих задач.

К сожалению, в связи с философским акцентом рассматриваемого междисциплинарного вопроса за рамками статьи остается множество актуальных тем, связанных с различными методологическими возможностями работы со специальными событиями. Эти темы, связанные с операционализацией, прикладными технологиями, различными системами автоматического и ручного управления, многовекторной оптимизации, как и многие другие, — вероятно, предмет дальнейшего направления изучения заявленной темы.

Что такое событие?

С самого начала необходимо оговорить, что в данной работе будет пониматься под событиями. События — это процесс, который регистрируется наблюдателем через изменение некоторого параметра или группы параметров (характеристик, определений) денотата во времени. Тогда можно говорить, что событие — это некоторая сущность, описывающая изменение других сущностей по какой-то оси координат (например, по времени). С этой точки зрения события как явления во времени, формирующие опыт, рассматривал А. Бергсон (Bergson, 1946). С точки зрения А.Н. Уайтхеда, события являются основным элементом строения реальности: он понимал их как пространственно-временные происшествия (Whitehead, 1947). Они имеют свои имена, уникальность, значения и в аристотелевском понимании — сущность.

Б. Спиноза утверждал, что события — это причинно-следственная основа пантеизма, и в этом мире нет такой реальности, форм, элементов и единиц, которые не были бы событийны (Спиноза, 1997). М. Хайдеггер описывает событие как базовый элемент, род первоначального различия, которое описывает являемость бытия (Хайдеггер, 1997). Как и Бергсон через понятие *durée* (протяженность, длительность), Хайдеггер определяет событие как уникальное явление, которое не привязано к пространственно-временным координатам, а составляет вот-бытие или здесь-бытие через понятие *Dasein*. При этом оба этих понятия связаны через событие. Как понятие, развязанное (не имеющее привязки) со временем и пространством в трактовке Бергсона, использует событие и А. Бадью: «...Событие не принадлежит к порядку реальности. Мысль здесь ориентируется на отличие события от его текущей имитации, которую можно назвать фактом... Событие есть то, чего недостает фактам, и то, что задает этим фактам истинность» (Бадью, 2005, с. 53–54); ср. с приложением подобного подхода к выделению событий в (Золян, 2017а; 2017б)

В этой связи оказывается полезным вспомнить введенное Аристотелем понятие модальности как способа бытия какого-либо объекта или протекания какого-либо явления, события (Аристотель, 2006). При этом событие приобретало модальность, потому что ему придавалось значение управляемого процесса, который готовили, проводили, завершали, ждали и так далее. Действительно, если уподобить событие сигналу то оно будет определяться передачей некоторой системы знаков, которые регистрируются каким-нибудь одним или несколькими органами чувств, непосредственно или опосредованно, через различные приборы, несущие информацию о каком-либо событии, состоянии объекта либо передающие команды управления. Таким сигналом может быть выстрел, кодовое слово, знак, начало движения или остановка, жест, изменение температуры, давления, радиации. Все что угодно попадает под описание события как сигнала. В этом смысле событие — разновидность процесса, так что все события являются подмножеством множества процессов, и выделяются из этого множества своим свойством внесения изменения в систему. Существует одно необходимое и достаточное условие — отличие события от фонового изменения, называемого «шум»: этот сигнал должен получить наблюдатель или регистратор, которому оно адресовано. Подразумевается наличие у такого наблюдателя возможности для приема сигнала, дешифровки и системы анализа, заданной заранее, до начала события. В технике сигнал всегда событие, то есть изменение состояния системы или любого ее компонента, опознаваемое логикой системы как значимое. Событие, не опознаваемое системой наблюдателя, его логической или технической системами отношений как значимое, сигналом не является. Событие в рамках данного исследования — это значимое для системы изменение предыдущего состояния. Это определение — необходимое и достаточное для построения модели события. Далее понятие специального события будет пониматься как спланированная заранее и регламентированная во времени коммуникация двух или более групп в социальной реальности.

В дальнейшем, выделяя специальные события во множестве событий, мы будем говорить об определении именно социальной реальности в общем событийном пространстве.

Однако для непосредственного перехода к такой модели требуется одно важное методологическое уточнение.

О переходе к конструктивно-динамической парадигме онтологии

В настоящее время сложилось доминирующее представление о социальных науках, включая социологию, экономику, политологию, как исследованиях с опорой на эмпирические данные с их обработкой качественными и количественными методами, что позволяет строить индуктивные обобщения, а также аргументированно представлять следствия из этих обобщений. При этом ключевым моментом объяснения оказывается подведение предмета рассмотрения под некую общую категорию: как на стадии определения предметной области, так и на ста-

дии формулировки итогов проведенного анализа. Главной становится возможность операционализации качеств (свойств), задающих данную категорию, без чего исследование не может обратиться к таким процедурам, как наблюдение, измерение, что лишает исследование эмпирического содержания. Эта классическая модель гипотетико-дедуктивного метода (Nempel, 2000), на которой построена вся позитивистская методология, дает возможность обрабатывать эмпирические данные, проследивать зависимости между ними, предлагать различные модели, формулировать гипотезы, подтверждать и опровергать их.

Вместе с тем реализация позитивистской методологической программы применительно к социальным наукам выявила, как минимум два класса проблемных издержек: оценочной категоризации и элиминации социального субъекта (Тульчинский, 2017, с. 76–98). Научное объяснение предстает сведением разнообразия к некоей общей теоретической рамке и все более тщательной детализации предзаданного паззла в этой рамке. При этом «эмпирика» оказывается обусловленной теоретически заданными представлениями относительно того, что есть «факт», а сама «теоретическая рамка», определяющая такие представления о реальности, уже зависит от используемого метода.

В результате позитивистская парадигма позволяет строить все более детализированные характеристики настоящего, но оказывается в затруднении при объяснении реальной динамики происходящего, реальных социальных сил, обуславливающих эту динамику как равнодействующую столкновения их волей. Это убедительно показали не только нашумевшие истории с провалом прогнозов относительно президентских выборов в США, Brexit-голосования, но и тупики с объяснением развития российской экономики, перспектив мультикультуральной толерантности в Европе, феномена постсекулярности, природы исламского радикализма.

Оба вектора проблем — и издержки подведения под общую категорию, и элиминация вменяемого социального актора — указывают на возможную фокусировку их решения. Речь идет об учете конструктивного (порождающего) характера человеческой активности, и научного познания в том числе. И такая фокусировка оказывается в тренде общей методологической рефлексии последних полутора столетий начиная с попыток решения проблемы оснований математики (Д. Гильбертом и далее — Л. Брауэром, А. Гейтингом, А. Марковым, Н. Шаниным) и выявления зависимости представлений о реальности от используемых средств и методов (соотношения неопределенностей В. Гейзенберга, принцип дополнительности Н. Бора) в физике — до вышедших на первый план дигитализации, алгоритмизации, программирования. Анализ смещается на процессы, порождающие предмет знания. Объяснение становится не подведением под известное общее, а указанием порождающей процедуры. Эту познавательную установку Ф. Бэкон — основатель методологии опытного знания и индуктивной логики — называл выявлением «скрытого схематизма» явления, а применительно к истории Р. Коллингвуд и применительно к теории литературы

В. Шкловский называли «сделанностью» вещи. Никакое знание теории не научит человека плавать или водить машину.

Технически, технологически ориентированная эпистемология распространяется на все большие области науки. Примерами такого распространения являются «дискурсивный поворот», общее смещение внимания к языковым, коммуникативным практикам (Habermas, 2001; Dijk, 1998; McCloskey, 1998), неоинституционализм, ориентирующий на процесс порождения и развития социальных, правовых институтов (North, 2005; Acemoglu, Robinson, 2012), когда институты предстают не только и не столько как результат коммуникативных процессов, сколько как процессы устойчивой коммуникации.

Отмеченный тренд хорошо прослеживается на примере маркетинга как практики и теории преобразования социальной реальности, представшего системообразующим принципом деловой активности, включающим в себя анализ ситуации, выработку идеи продукта и его производства, продвижение (коммуникацию, рекламу, специальные события) и реализацию (сбыт). Уже к середине прошлого столетия маркетинг стал эффективной технологией не только бизнеса, но и формирования определенного образа жизни.

Этим трендам соответствует модель науки И. Галтунга (Galtung, 1977, p. 41–71), согласно которой развитие социальной науки происходит в постоянном движении между тремя образующими треугольник «полюсами»: данными, теорией и ценностями. Осмысление эмпирических данных с ценностных позиций реализует критицизм («критическая компетентность»). Синтез теории и эмпирических данных реализует эмпирицизм с его попытками объяснения и предвидения развития. Синтез теории и ценностей дает конструктивизм — как возможность построения образа желаемого, предпочтительного будущего. Конструктивистский анализ возможности достижения предпочтительного мира открывает возможность выработки предложений по проведению изменений, воплощению новой или исправлению старой реальности.

Смысловая структура научной идеи представляет собой синтез знания описаний (как их соответствия реальности), оценок (соответствия реальности цели, образу желаемого будущего) и нормы (как возможности, пути достижения цели) (Тульчинский, 2001). И в этом плане она аналогична структуре целевой программы — каковой, собственно, и является любое научное исследование. В этой связи вполне обоснованно ставить вопрос об общенаучном статусе конструкционистского (технологического, «программно-целевого») подхода наравне с другими междисциплинарными стратегиями познания: функциональным, структурным, системным, комплексным подходами. Более того, конструкционизм выступает их развитием и дополнением, использует их как свою предпосылку и основание: структурный подход раскрывает «сделанность» предмета как состоящего из некоего набора компонентов и их связей; функциональный подход объясняет, что порождает структуру; комплексный подход разъясняет уже ряд функций; системный подход — что интегрирует комплекс функций; конструктивно-

технологический подход — что задает целостность системы, ее «назначение». В этом плане конструкционистско-технологический подход предстает как обобщение и развитие теоретического и методологического потенциала других указанных подходов.

Тем самым можно говорить о складывающихся предпосылках перехода парадигмы социального знания от статико-структурных констелляций к анализу процессов изменения и развития. Такой переход сродни переходу в физике от статики и кинематики — к динамике.

В этой связи событие предстает важнейшим примером конструктивного порождения реальности. Но не как со-бытия, как «существования рядом», как включенности в некий общий контекст, а именно — как включения в процесс порождения реальности

Необходимость модели для идентификации события в разных мирах

Рассмотрим место события в системе генерации реальности. Существует N субкультур. Отличительное свойство субкультуры — наличие своего языка, своего мира как системы описания, семантики, системы предикатов. Соответственно, существует $N+$ систем знаков (десигнаторов, «означающих»), определяющих однозначно связь событий и их толкование. Закрепим алгоритм создания семантики произвольной системы: Событие — анализ — синтез — закрепленное значение, десигнатор. При общем алгоритме получим уникальную и оригинальную модельную систему для конкретной субкультуры. Более того, наличие данного алгоритма в реальной системе присутствует у всех и их объединяет, потому что является единственным антропологическим свойством перцепции. В рамках этого алгоритма появляется уникальность, или оригинальность, определяющая идентичность, например подпись, логотип, клеймо, товарный знак, бренд.

Если допустить, что денотаты («означаемые») у всех субкультурных миров (в основном) одинаковые, а десигнаторы (как особенности культуры) — разные, то можно говорить о том, что у всех миров разные условия или функции в рамках общих алгоритмов создания десигнаторов. Работа алгоритма по генерации десигнаторов — функция, зависящая от уровня развития. Здесь надо обратить внимание на то, что различие культур измеряется не достижением ими технологического прогресса, а только наличием той переменной, которая в силу внешних средовых условий более развита. Так, например, в англоязычной среде большее разнообразие терминологии технологического характера по сравнению с языком зулу. Но на языке зулу существуют уникальные знаки (слова) описывающие более 35 оттенков зеленого листа, а в языках народов крайнего Севера — более 80 оттенков описания снега.

Язык как система функций находится в двух состояниях:

1) Генерация десигнаторов. Это явление, описывающее коллективное действие, попытку договориться об описании окружающего мира с помощью изображений, знаков, жестов, звуков голоса. Словом, это коммуникация в чистом виде. Одним из наиболее распространенных

направлений в генерации является исправление ранее принятых значений и смыслов события. Исправление происходит по мере развития общего уровня образования и просвещения социума. В этом процессе осуществляется исправление ошибок старой генерации и приход к новой общей семантической системе. Наибольшую эффективность процессу исправления придает кросскультурное обсуждение событий в социальной или публичной коммуникации. Скорость и качество процесса генерации и регенерации смыслов и значений событий тормозится личной, субкультурной и общекультурной унификацией. Каждый человек, как и сообщества людей, воздвигает барьеры на пути кросскультурного дискурса, пытаясь сохранить свою идентичность и уникальность. В истории борьба унификации против уникальности ведется давно и с переменным успехом. Создаются и распадаются империи, меняются культурные стили, но по-прежнему актуально сопротивление персонального восприятия коллективному — «Всех под одну гребенку», «прокрустово ложе».

2) Замораживание обсуждения — создание словарей, закрепление, ликвидация в алгоритме «Событие — анализ — синтез — закрепление значения знаком». Этот процесс редуцируется до алгоритма: «событие — знак, совет». Например: «Идет дождь — возьми зонт». При этом игнорируется рассуждение в виде анализа и синтеза. Стандартное рассуждение выглядит так: «Идет дождь — можно намокнуть — нужна защита — нужно взять зонт». Упрощенная форма лишена рассуждения, ограничиваясь прямым советом. Одной из форм замораживания или фиксации отношения к событию служит формирование табу — запрещенных тем. Рассмотрим в качестве примера такое событие, как восход Солнца над горизонтом. В системе представлений о реальности до Галилея Солнце восходит над горизонтом, и это событие описывается как «восход» и «истинное». Но в системе после Галилея движения Солнца нет. Земля поворачивается, и наблюдатель видит появление Солнца. Интуитивно сформировалось табу, запрет на изменение описания, осуждение автора новой концепции. Спустя много лет восприятие реальности по-прежнему рисует нам реальность «до Галилея», несмотря на всеобщую информированность.

В любом сообществе происходит эргономический процесс сокращения рассуждения до стереотипической реакции. Это хорошо, потому что экономит время, экономит ресурсы человека. Как бы мы затормозились бы, если бы размышляли каждый раз, как нам переставлять ноги при ходьбе или пользоваться ложкой во время еды. Но в этом наблюдается и явный негативный процесс, который сводит обучение человека к системе реакций на внешние события. «Пробежала кошка — плюнь через плечо». Рождается в субкультуре группа ленивых, которая «канонизирует» связь событие — десигнатор. Появляются скрепы, «святое», добавляются групповые переживания и так далее. Более того, система примет, инструкций к жизни вошла в систему образования. Она строится на знаниях — умениях — навыках по использованию предыдущего наследия в большинстве, и на обучении анализировать в меньшинстве случаев.

Полученные множества A , состоящие из событий, сопоставляются множеству B социальных реакций на эти события. В случае, когда появляются новые события, а в множестве B нет соответствующих реакций, логично было бы предположить новый виток анализа и синтеза. К сожалению, так происходит не всегда, чаще методом перебора человек пытается «пристроить» существующие десигнаторы к новым событиям или предметам. В случае, когда это удастся, мы имеем использование одного знака для двух событий или двух толкований, как в классическом треугольнике Г. Фреге: разные денотаты *собака Шарик* и *маленькая сфера* имеют одинаковый десигнат.

Каждое событие по определению наблюдаемо, регистрируемо. А вот с интерпретацией по-прежнему проблема. Эта проблема заключается в том, что, наблюдая одинаковое или одно событие, зрители могут описать, означить его по-разному и придать ему различный смысл, в соответствии со своим мировосприятием. Можно научить интерпретировать «правильно». Но откуда кто знает, как правильно? Что правильно, а что — нет? Необходимо создание модели, которая описывала бы модальные логики и системы события в рамках этих модальностей. Так модельная основа события может стать основой целого семейства типовых событий, происходящих при похожих условиях.

Процесс описания денотатов первичных (по Аристотелю) сущностей с помощью системы предикатов порождает вторичные сущности. Событие является функцией, описывающей не сами сущности первого рода, а изменение этих сущностей, то есть, сущностью второго рода.

Любое изменение в мире как системе описания состояний, состоящего из сущностей, предикатов и логических союзов, можно описать с помощью системы событий. А если допустимо говорить о системе действий, то можно воспользоваться для ее описания математической семантикой, определить событие (или систему связанных событий) как величину, описывающую состояние изменения системы. Математическая семантика позволит моделировать реальные события, создаст описание, которое позволит определить тождественность события в возможных мирах. Сложность возникает при рассмотрении события как инструмента создания реальности, с одной стороны, и как анализа созданной системы — с другой.

Математическое моделирование события

Каждое событие уникально и никогда нельзя сказать, что произошло то же событие в силу того, что у события существуют координаты и время, которые, в частности, делают событие уникальным. Кроме этого, существует система причинно-следственных связей, которая расставит события в зависимости от его порядка в общей истории. Так же невозможно говорить и о том, что для человека события могут повториться. На каждое последующее событие человек смотрит с точки зрения своего предыдущего опыта.

Несмотря на это, если мы введем в употребление модель события, в которой наблюдатель может пренебречь несуществующими для исследования деталями, в первую очередь временем и координатами, то по-

явится возможность совпадения различных родовых свойств у разных событий в разных системах. Очевидна закономерность: чем грубее модель, чем больше в ней погрешностей и допущений, тем больше семейство или множество событий, которые она может представлять. Верно и обратное свойство — чем точнее модель, чем больше в ней параметров и свойств, тем связанное с моделью событие более уникально. Тем не менее можно выделить общие свойства у всех событий и описать их языком математического моделирования.

В этом смысле допустимо то, что событие, непосредственно привязанное к предметной области, является индивидуальной, или первичной сущностью, а модели, или собирательные образы с родовыми признаками, — общей сущностью или сущностью второго рода. С точки зрения взаимной связи первичных и вторичных сущностей Аристотель отмечал, что указать сущность явления (события) — это определить его через род и видовое отличие. При этом он утверждал, что индивидуальные сущности единичны в отличие от общих сущностей; кроме этого, существуют, видимо, переходные сущности, которые объединяются в рода по одному или нескольким свойствам. В этом смысле стоит обратить внимание на дифференциально-интегральные идеи Лейбница, в которых он, в частности, постулировал, что сущности достаточно одного из ее определений (общего предиката) для идентификации. Спор о существовании различных сущностей продолжается с античных времен, достигая своего апогея в средневековом противостоянии реалистов и номиналистов, и представляет собой важную основу современного дискурса. Несмотря на очевидную схоластичность постановки проблемы, аргументирования и определения универсалий, в разное время к дискуссии реалистов и номиналистов подключались такие авторы, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Р. Декарт, Б. Спиноза, Дж. Беркли, Д. Юм, Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, И. Г. Фихте. Можно утверждать, что вопрос об определении сущности лежит в предметном поле феноменологов и экзистенциалистов М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, М. Шелера и Ж.-П. Сартра. Конструктивистская установка, о которой говорилось выше, позволяет избежать спора об универсалиях в духе концептуализма П. Абеляра, подчеркивавшего посредничающую конструктивную роль мышления.

Специальное событие в математической семантике. Метод определения производной Г. В. Лейбница

Для формирования модели специального события как производной от изменения системы предикатов воспользуемся методикой Лейбница, изложенной им в 1684 году как «Новый метод максимумов и минимумов». В ней на основе теории бесконечно малых величин проводится анализ связи между изменениями в области определения и изменении области значения. Лейбниц связал декартовы координаты (по оси абсцисс и ординат) в понятие функции и применил их к анализу в работе о дифференциальном исчислении в 1692 году. В современном виде мы их получили в редакции его ученика Г. Ф. Лопиталья, который опубли-

ковал систему дифференциального исчисления в работе «Анализ бесконечно малых» (Лопиталь, 1935), ввел в нее понятие движения неизвестной (X). Саму функцию позже привел к современному виду Л. Эйлер как аналитическое выражение переменного количества, составленное каким-либо образом из этого количества и чисел или постоянных количеств (Эйлер, 1961).

Опишем систему, в которой отсутствует событие. Создадим функцию описания системы как $y = f(x)$, где x — денотат, y — десигнатор, f — предикат. В условиях, когда система не изменяется, находится в состоянии покоя либо движется (развивается или деградирует) равномерно и прямолинейно, мы можем говорить о том, что события не существует. Система стабильна и постоянна во времени. В случае изменения системы нам потребуется производная от $y = f(x)$ или y' .

Если аргумент функции находится в области денотатов, то изменение состояния системы можно описать следующим образом. Допустим, существует x_0 — свойство денотата, n — количественная величина изменения этого свойства. При условии, что и рассматриваемое свойство денотата (x), и изменение (x_0) (то есть регистрацию наблюдателем его нового состояния) какого-то выбранного параметра можно записать как $\Delta x = x - x_0$. Теперь надо проследить, как изменилось значение функции от этого изменения. Общее значение измененной функции (нового десигнатора) обозначается как $\Delta f(x) = f(x_0 + \Delta x) - f(x_0)$ по свойству x . Так мы можем записать эффект от изменения приращения аргумента как $\Delta y = \Delta f(x)$.

Теперь можно описать событие по всем стадиям: от отсутствия события до его максимального эффекта и обратно, до статуса, следующей формулой:

$$y'(x_0) = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{\Delta y}{\Delta x} = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{f(x_0 + \Delta x) - f(x_0)}{\Delta x}$$

Эта формула содержит предел (\lim). Лимит означает, что значение переменной по оси абсцисс может вызывать неоднозначные величины в значениях функции при большом лаге. Например, возьмем приращение функции по времени. Берем лаг в год и рассматриваем событие в рамках этого лага ($x - x_0$). За год в области определения функции произошло несколько событий. Возможно, искомое событие размыто на их фоне, и мы не можем выделить его в общем событийном ряду в этой модели. Поэтому мы сокращаем время на оси абсцисс до 0, чтобы узнать значение функции в моменте тогда, когда до этого было в прошлом, а в следующий момент будет будущим. Именно это моментальное значение будет использоваться при преобразовании модели в событие с помощью интегрирования, или составления «суммы Римана». Зная моментальные значения производной, можно выяснить значение функции в любом ее месте. Данная формула описывает события как предел отношения изменения десигнатора к изменению аргумента при стремлении самого аргумента к нулю.

Если производная равна 0, то это означает, что событие не происходит. При изменении аргумента отсутствует изменение в предикате, то $\Delta x = 0$, $\Delta f(x) = 0$. Это означает, что событие не происходит в области определения. При этом мы должны взять как ограничение, что если событие, например извержение вулкана, длится неопределенно долго, то с точки зрения модели это уже не событие, а постоянный фон.

1) Если производная больше 0, то событие развивается; если меньше 0, то затухает.

2) Если производная равна 0 и до этого было положительное значение, а после отрицательное, то это экстремум — «максимум», если было падение, а после прохождения 0 рост, то это «минимум».

3) В случае если были отрицательные значения до и отрицательные значения после, то это перегиб при затухании. Если же были положительные значения, которые после прохождения 0 снова стали положительными, то это перегиб во время роста.

Непрерывность событийной функции

Непрерывная функция — это функция, у которой малые изменения аргумента приводят к малым изменениям значения функции.

Возьмем для примера такое событие, как землетрясение. На нашей планете происходит большое количество микроземлетрясений в каждый момент. То есть вибрации в Земле происходят непрерывно. Как определить, в какой момент обычный фон становится важным событием? Для этого специалисты договорились, какое регистрируемое значение колебаний Земли по амплитуде будет считаться за 1 балл землетрясения. В реальности много событий, происходящих плавно, без ярко выраженных скачков, и наступление их — предмет для коллективного выяснения и определение порога, за которым событие считается отличным от внешнего фона.

Согласно методике Лейбница о бесконечно малых величинах, необходим порог, который как знак определяет, наступило событие или нет. Этот порог является результатом коллективного обсуждения. В случае с двумя непрерывными переменными одна из них определяет величину порога наступления события, а другая — необходимое количество «критической массы», определяющих это пороговое событие. Получается система из двух уравнений, одно или оба из которых могут быть дифференциальными. Переменная, определяющая количество людей, означающее пороговое значение, в частном случае может быть равна 0. В этой точке система не определена, потому что при нулевом значении функции, определяющей значение пороговой функции самого события, сама пороговая функция не существует. В остальном в отношении функций количества, определяющих порог значения наступления события, действуют простые распределения, связанные с вероятностной логикой — системными решениями К. Гаусса и производными его метода, например хорошо известной кривой распределения Гаусса.

Из этой системы уравнений следует вывод, частный для системы, но важный для метода: некоторые системы событий и единичные события существуют только при наличии означающего. Другими словами, в отсутствие регистрирующего изменение события неопределенно, то есть тождественно отсутствию события.

Системы недифференцируемых событий — также частный случай общей системы. Это, например, события с заложенным пороговым значением. События, существующие в рамках пороговых функций: допустим, событие существует слева от x_0 и не существует справа. Также пороговой функцией можно назвать модели, в которых переходными процессами между «да, существует» и «нет, не существует», можно пренебречь. Например, включение света в комнате обычным включателем — это пороговая функция события, а с помощью диммера или реостата, который может плавно включить свет и отрегулировать его яркость — дифференцируемая непрерывная. В случае непрерывной функции мы снова окажемся зависимыми от означающих: включен свет или еще нет? О проблеме непрерывного и порогового значения функции пишут многие исследователи, много лет существует дуальность квантово дискретной и волновой теории. Проблему взаимосвязи и порога дискретного и непрерывного хорошо иллюстрирует знаменитый парадокс «кота Шрёдингера», разрешение которого предполагает установку порога регистрации события в минимальном значении без субъективного участия означающего.

С точки зрения событий и их управления в социальных системах интерес представляют события с участием человека как элемента события, его кванта. Кроме этого, интерес представляют события с участием человека как создателя модальной логики события с последующей генерацией событий формированием семиотики и описания мира. В подобном мире событие наступает в ожидаемом пространстве с ожидаемой функцией, подчинено логике системы, может быть в ней принято и расшифровано.

В частном случае, когда событие описывается гармонической функцией с явной периодичностью, можно наблюдать трансформацию события из явного сигнала в общий фон. Это свойство определяется наблюдателем. В первый раз, регистрируя изменение показателей в системе (допустим, это будет восход Солнца), он регистрирует его как событие. Это и есть событие с точки зрения наблюдателя, находящегося на поверхности планеты, но периодичность превращает ежедневные рассветы в элемент фона или «шума», на фоне которого существенным событием будет затмение. Другими словами, денотаты остаются прежними, мы видим трансформацию десигнатора, описывающего событие.

Событие как функция управления системой

Описав событие как пороговую функцию, можно заметить, что в тот момент, когда сумма изменений системы подходит к ее пороговому значению, событие выполняет роль критического изменения системы,

после которого произойдет переход из состояния «А» в состояние, например, «не А». Подобно тому, можно спровоцировать снежную лавину в горах точным выстрелом. В этом значении событие играет роль той самой соломинки, которая сломала спину верблюда. Для реализации роли спускового механизма необходимо регистрировать состояние системы на всем протяжении подготовки к событию. Событие становится управляющей функцией, когда сумма накопленных изменений в системе отличается от критической на величину значения функции события. Особенно ярко в социальной среде проявляется использование события в реализации протестного потенциала группы людей. Если состояние протеста уже перегревает систему, то достаточно любого по своей сущности импульса, который реализует накопленное напряжение в системе. В радиотехнике широко описаны и применяются слабботочные системы управления большими мощностями. Такую функцию выполняет изменение напряжения на базе биполярного или на затворе полевого транзистора, на сетке вакуумной лампы, расположенной между анодом и катодом. Та же логика работает в тиристорах, реле и прочих усилителях сигналов. Событие может служить таким управляющим компонентом в системе. Такие события известны как протесты, митинги, забастовки и т. д.

Событие может выполнять и обратную функцию в том случае, если значение события вычитается из «перегретой» и готовой на срыв системы. В технике эту роль выполняют шунты различной конструкции, клапаны сброса лишнего давления и т. д. Или поток, грозящий устроить наводнение, направляется по подготовленному водосбросу. В политике известно много способов событийной разрядки в обществе. В Средние века решению этой задачи служили карнавалы. Аналогично сублимации реализуются в современной индустрии развлечений: спорт, шоу, массовые праздники и т. п.

Роль события как функции управления находится в области переключения потоков и потенциалов, переключения с одного пути развития событий на другой. Роль переключателя, триггера, играют такие события, как спортивные игры, перенесения участников в фантазийные пространства и нереальные системы миров, компьютерные сетевые пространства, где они и реализуют свой потенциал.

Система событий может выполнять функции по созданию субкультур, генерации новых реальностей с новыми системами предикат, новыми семантиками. Таким образом, при правильном структурировании задачи событие в социуме может выстраивать любые модальности и логики, выступая инструментом социально-культурного инжиниринга.

Переход от реальности к модели и обратно

В процессе создания производной функции специального события по методике Лейбница теряется уникальность по многим показателям, и чем более общая модель, тем больше индивидуальных характеристик она теряет. Первыми уходят функции времени и координат, потом

особенности национальных культур. При обратном переходе используется процесс интегрирования функции. При этом интеграл функции приводится к реальности методом отождествления подынтегральной функции некоему стандарту с появлением большого количества констант (С), постоянных деталей, которые были осознанно потеряны при дифференцировании. Это означает, что модель можно экстраполировать с помощью интегрирования в существующую или добавленную (включая фантазии) реальность с точностью элементарных функций. И в этих реальностях можно задать время, координаты:

1) Определить мир, состояние, задать коллективные признаки априорной перцепции с учетом возможных идентификаторов.

2) Построить семантику мира, язык, систему предикатов, задающих описание и логические союзы.

Модель события можно реализовать при схожих ситуациях, ее можно тиражировать, сочетать с другими моделями и событиями, управлять отдельно взятой территорией его реализации. При этом нельзя говорить о том, что это тождественное событие, — просто у этих событий одна модель, один источник.

Говоря о процессе реализации модели в конкретной реальности, необходимо помнить, что речь идет не о спонтанных процессах, а о событиях искусственных, созданных людьми специально в целях манипуляции другими людьми (Герасимов, 2015, с. 34).

Для успешного составления алгоритма необходимо моделировать и исследовать систему, и если в системе есть неоднородность, напряжение разной этиологии, то точечным нажатием в нужном месте в нужное время можно проделать гигантскую работу. В качестве кейсов могут быть рассмотрены политика Трампа в США и Брекзит в Великобритании.

В международной практике поиски и реализацию точечных событий, меняющих или переверачивающих всю систему, называют «черным лебедем». Под *черным лебедем* понимают ситуации, вероятность возникновения которых без точного моделирования бесконечно мала. Термин принадлежит Насиму Талебу, американскому экономисту и трейдеру (Taleb, 2007). Для успешной реализации модели необходимо исследовать систему на наличие напряженных участков с большим потенциалом протестных или иных настроений. В условиях реального процесса, вероятностная политическая модель должна быть проверена на праймериз. У Трампа из 80 праймериз математические модели дали правильный прогноз для 76 случаев. В работе психометрических алгоритмов использовалось протестное настроение части американского общества. Реализация, интегрирование модели «Трамп» в реальность, основывалась на детализации с использованием баз данных, технологий психометрии (компьютерного моделирования, сбора и обработки информации, называемой за рубежом *Big Data*). Точно так же использовалось интегрирование модели в работе по созданию *Brexit*. И в том, и другом случае точкой напряжения в системе стало недовольство населения поведением элит. В случае «Трампа» население увидело победу белого англосаксонского протестанта (WASP) из среднего класса в США над различными меньшинствами.

В Великобритании недовольство элитами выразилось в программе *Brexit*, которая использовала стремление британцев к свободе от обязательств перед относительно бедными государствами, такими как Греция и страны Восточной Европы, куда, по мнению британцев, уходили все их материальные блага. Именно формирование вокруг этого *Brexit* протестных гражданских движений обеспечило выход королевства из Евросоюза.

Хорошим примером вживления модели в реальность служит опыт компании *Cambridge Analytica*, которая прямо декларирует, что занимается изменением поведения больших групп с использованием активных методов. Девиз компании: «Мы не добываем, а понимаем данные». *Cambridge Analytica* является подписчиком данных у всех основных брокеров данных типа *Axiom*, обладающим сведениями о более чем миллиарде жителей планеты в среднем по 150 параметрам. Также данные приобретаются у *Google*, *Facebook*, регистрирующих фирм, бюро кредитных историй и т.д. На основе данных с использованием собственных психометрических алгоритмов *Cambridge Analytica* составляет психологические профили групп и отдельных граждан, включая их уязвимые точки, черты характера, мотивацию и т. п.

Процесс точного моделирования потребовал больших ресурсов вычислительной техники. К работе по проекту «Трамп» были привлечены Стив Бэннон и его аналитическое агентство *Breitbart Embassy* с самым мощным в США компьютерным центром, стоимостью 1,3 миллиарда долларов, командой из 200 ведущих аналитиков, которые повернули предвыборную кампанию в президенты США. Подобный маркетинг с использованием *Big Data* дает новые возможности управления поведением в духе технологии подталкивания (*nudge*), о которой много писал и говорил ставший нобелевским лауреатом Р. Талер (*Thaler, Sunstein, 2008*), и в которой события играют ключевую роль.

Заключение

1. Система событий имеет возможность создавать реальности, регламентировать в них все процессы, управлять их скоростью, провоцировать изменения состояний, разрушать реальности.

2. Динамика возникновения и развития события может моделироваться с использованием математического аппарата.

3. Обращение к опыту современного маркетинга (включая политический маркетинг) показывает возможности успешного управления развитием событий, формирующих новую социальную реальность.

С точки зрения конструирования генерации реальности события имеют в области определения набор денотатов, у которых появляется набор предикатов, которые в свою очередь фиксируют предметно-понятийные связи с помощью десигнаторов. Вся эта система эволюционирует в реальном мире, создает на базе десигнаторов описываемые миры, культуру и систему коммуникаций, в которой осуществляется избирательный подход в выборе денотатов. Чем больше развиваются

язык, система описания, аксиология, культура, тем избирательнее идет процесс отбора. Таким образом, происходит поэтапный отрыв от одной реальности и генерирование новой реальности. В новой реальности цикл повторяется, и события будут определять саму систему и избирательность ее описания. В этом цикле развивается дихотомия между осознанным и ответственным управлением реальностью и осознанием социального субъекта (наблюдателя, политика, группы) себя результатом или следствием событийной инженерии.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Аристотель. Метафизика. М., 2006.
- Бадью А. Метapolитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метapolитике. М., 2005.
- Герасимов С.В. Замыкая круг манипуляций // Философские науки. 2015. №5. С. 34–41.
- Золян С.Т. «Одно и то же» историческое событие. Семантика и прагматика. // Гуманитарные чтения РГГУ-2016. М., 2017а. С. 438–462.
- Золян С.Т. «Повторяемость» событий в историческом дискурсе: семантика и прагматика. // Репрезентация событий. Интегративный подход с позиций когнитивных наук. М., 2017б. С. 186–208.
- Лопиталь Г.Ф. Анализ бесконечно малых. М., Л., 1935.
- Спиноза Б. Соч. : в 2 т. СПб., 1999.
- Тульчинский Г.Л. Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. СПб., 2001. С. 28–58.
- Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017. №1. С. 76–98.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
- Эйлер Л. Введение в анализ бесконечных. М., 1961. Т. 1.
- Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y., 2012.
- Bergson H. The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics. N.Y., 1946.
- Dijk T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. L., 1998.
- Galtung J. Essays in methodology. Copenhagen, 1977. Vol. 1 : Methodology and ideology.
- Habermas J. On the pragmatics of social interaction: Preliminary studies in the theory of communicative action. Cambridge, MA, 2001.
- Hempel C.G. Science, Explanation, and Rationality. N.Y., 2000.
- McCloskey D. The Rhetoric of Economics. Madison, 1998.
- North D. Understanding the Process of Economic Change. Princeton, 2005.
- Taleb N.N. The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable. N.Y., 2007.
- Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. New Haven, 2008.
- Whitehead A.N. Essays in Science and Philosophy. L., 1947.

Об авторах

Сергей Викторович Герасимов, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: votje82@mail.ru

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; исполнитель проекта РНФ (№18-18-00442).

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Герасимов С.В., Тульчинский Г.Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 5–24. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-1.

EVENTS AS A SEMANTIC FRAMEWORK FOR THE CONSTRUCTION OF REALITY: THE PROSPECTS OF A TRANSITION TO A DYNAMIC ONTOLOGY

S. V. Gerasimov¹, G. L. Tulchinskiy^{2,3,4}

¹St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

²Higher School of Economics' National Research University

16, Soyuza Pechatnikov St., St. Petersburg, 190008, Russia

³St. Petersburg State Economic University

21, Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia

⁴Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russia

Submitted on May 29, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-1

Events are the main element in the formation and presentation of a worldview across all the research disciplines in the humanities and other sciences. Cognising and understanding reality requires the consideration and construction of data, descriptions, correlations, and narratives, to all of which concrete events are the key. In this article, we analyse the connection between an event and reality, with a special focus on social events in the context of management. Such an approach does not confine us to descriptions. On the contrary, we can benefit from considering the phenomena in the context of opportunities for the constructive transformation of reality. We address three major problems. The first problem concerns the possibility of a dynamic description of the nature of events. In this context, we justify a transition to a constructive-dynamic ontological paradigm. We identify the functions of an event that consists in the creation, management, and destruction of reality. We demonstrate the need for a constructive model of a special event – a model taking into account the temporal factor in

the development of reality. The second problem concerns the development of theoretical (mathematical) tools to describe such dynamics. In this connection, we identify the mathematical semantics of event processes. To build the necessary model, we use the methods of maxima/minima and infinitesimal calculus and carry out an analysis of the threshold values of the event function. The third problem is the verification of the model and the description of its possible applications. In this context, we demonstrate how this model can be used in forecasting and developing special events, including those in interactive mode.

Keywords: constructionism, special event management, event, model, reality, sociocultural engineering, model implementation

References

- Aristotle, 2006. *Metafizika* [Metaphysics]. Moskva, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy (in Russ.).
- Badiou, A., 2005. *Metapolitika: možno li myslit' politiku?* [Metapolitics: Is it possible to think politics?]. Moscow, Logos (in Russ.).
- Gerasimov, S.V., 2015. Closing the circle of manipulation. *Filosofskie Nauki* [Philosophical Sciences], 5, pp. 34-41 (in Russ.).
- Zolyan, S.T., 2017a. "One and the same" historical event. Semantics and pragmatics. In: E.I. Pivovarov, ed. *Gumanitarnyye chteniya RGGU – 2016* [Readings in Humanities in RSUH – 2016]. Moscow, pp. 438-462 (in Russ.).
- Zolyan, S.T., 2017b. "Repeatability" of events in historical discourse: semantics and pragmatics. In: *Reprezentatsiya sobytij. Integrativnyy podkhod s pozitsiy kognitivnykh nauk* [Representation of events. An Integrative approach from the standpoint of cognitive sciences]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 186-208 (in Russ.).
- L'Hôpital, G.F., 1935. *Analiz beskonechno malykh* [Analysis of infinitesimal]. Moskva; Leningrad: Gostekhizdat (in Russ.).
- Spinoza, B., 1999. *Sochineniya v 2 tomakh* [Works. In 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka (in Russ.).
- Tulchinskii, G.L., 2001. Ideas: sources, dynamics and logical content. In: *Istorija idej kak metodologija humanitarnykh issledovanij* [History of ideas as a methodology for humanitarian research]. St. Petersburg, Tsentr istorii idej, pp. 28-58 (in Russ.).
- Tulchinskii, G.L., 2017. Explanation in political science: constructivism vs positivism. *Publichnaja Politika* [Public Policy], 1, pp. 76-98 (in Russ.).
- Heidegger, M., 1997. *Bytie i vremja* [Being and Time]. Moscow, Ad Marginem (in Russ.).
- Euler, L., 1961. *Vvedenie v analiz beskonechno malykh* [Introduction to the analysis of infinite]. Vol. 1. Moscow, GI Fizmatlit (in Russ.).
- Acemoglu, D., Robinson, J.A., 2012. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown Business.
- Bergson, H., 1946. *The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics*. New York: Philosophical Library.
- Dijk, T. van., 1998. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London.
- Galtung, J., 1977. *Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology*. Copenhagen: Christian Ejlertsen.
- Habermas, J., 2001. *On the pragmatics of social interaction: Preliminary studies in the theory of communicative action*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Hempel, C.G., 2000. *Science, Explanation, and Rationality*. New York: Oxford University Press.
- McCloskey, D., 1998. *The Rhetoric of Economics*. University of Wisconsin Press.
- North, D., 2005. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press.

Taleb, N.N., 2007. *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House.

Thaler, R.H., Sunstein C.R., 2008. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press.

Whitehead, A.N., 1947. *Essays in Science and Philosophy*. London: Philosophical Library.

The authors

Dr Sergey V. Gerasimov, Associate Professor, Department of Communications, Technology and Public Relations, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: votje82@mail.ru

Prof. Grigoriy L. Tulchinskiy, Department of Applied Political Science, Saint Petersburg branch of the 'Higher School of Economics' National Research University; Department of Interdisciplinary Synthesis in Natural Sciences and the Humanities, Saint Petersburg State University; Immanuel Kant Baltic Federal University (Russian Science Foundation project No.18-18-00442), Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Gerasimov S. V., Tulchinskiy G. L., 2018, Events as a Semantic Framework for the Construction of Reality: The Prospects of a Transition to a Dynamic Ontology, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 5 – 24. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-1.

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТАКСОНОМИЯ
КАК СПОСОБ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ
СЕМАНТИЧЕСКОГО МЕТАЯЗЫКА КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА
(на материале монографии Е. В. Рахилиной «Когнитивный анализ
предметных имен (семантика и сочетаемость)»)**

С. А. Крылов¹

¹ Институт востоковедения РАН
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12
Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-2

Настоящая работа посвящена проблемам инвентаризации того семантического метаязыка, с помощью которого в специальной литературе по когнитивному анализу описываются смысловые и сочетаемостные характеристики предметных имен. В ней устанавливаются соответствия между элементами семантического метаязыка, с помощью которого объясняются значения языковых единиц и речевых отрезков, встречающихся в тексте монографии Е. В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен (семантика и сочетаемость)» (Рахилина, 2010). Предметом изучения являются единицы семантического метаязыка, то есть слова и словосочетания, обозначающие явления действительности, обозначаемые единицами изучаемого естественного языка-объекта. Они составляют основной лексический фонд того метаязыка, на котором строятся семантические рассуждения автора семантических описаний. Инвентаризация семантических элементов указателя организована по алфавитно-гнездовому принципу. «Онтологическая таксономия» охватывает гнезда, вершиной которых являются обозначения фрагментов мира (действительности), отражаемого внутренней стороной языковых единиц. Эти обозначения выражены существительными преимущественно обобщающего значения: «предмет», «контейнер», «поверхность» и т. п. В данной статье с целью достижения относительной компактности приводится лишь третья из этих частей, то есть онтологическая таксономия. Результаты исследования – онтологическая таксономия метаязыка исследователя – представлены в виде прилагаемого словаря.

Ключевые слова: онтологическая таксономия, семантического метаязык, когнитивный анализ, сочетаемость.

0. Введение

0.0. Настоящая работа посвящена проблемам инвентаризации того семантического метаязыка, с помощью которого в специальной литературе по когнитивному анализу описываются смысловые и сочетаемостные характеристики предметных имен.

0.1. Предметом изучения являются единицы семантического метаязыка, то есть слова и словосочетания, обозначающие явления действительности, обозначаемые единицами изучаемого естественного языка-объекта. Они составляют основной лексический фонд того метаязыка, на котором строятся семантические рассуждения автора семантических описаний. Такие единицы могут быть простыми и составными.

Типичные примеры простых единиц семантического метаязыка (их можно назвать «категориально-семантическими элементами» = КСЭ) – «ситуация», «факт», «действие», «деятельность», «состояние», «процесс», «качество», «количество», «признак», «свойство», «предмет», «лицо», «деятель», «объект», «субъект», «время», «причина», «цель», «условие», «следствие», «оценка», «множество», «элемент», «достижение», «обладание», «пространство», «отношение», «следование», «предшествование», «одновременность», «отсутствие», «наличие» и т. п.

Составные единицы (их можно назвать «семантическими комплексами» = СемК) имеют неэлементарную структуру. В их составе можно выделить стержневой (ключевой, опорный) элемент (ядро) и его распространитель (модификатор). Модификаторы бывают двух типов: характеризующие (ХМ) и параметрические (ПМ). ХМ позволяет выделить некоторую разновидность или подкласс того, что обозначено ядром СемК. Типичные примеры таких СемК – «действие конкретное», «предмет неодушевленный» и т. п. Повтор стержневого элемента в гнезде заменяется на символ тильды (~)¹.

ПМ позволяет выделить некоторый параметр, атрибут, признак или составную часть того, что обозначено ядром СемК. Типичные примеры таких СемК (ниже ядро дано перед черным ромбиком, а ПМ – после него) – это: «действие → результат»; «действие → способ»; или «ситуация → участники»; «результат → достижение»; или «предмет → признак» и т. п.

Функционально-семантические элементы (ФСЭ) – это модифицирующие компоненты составных терминов, обозначающих языковые единицы (ЯЕ). ФСЭ обозначают семантические характеристики ЯЕ. Они призваны дать семантическую спецификацию тех ЯЕ, которые обозначаются ядрами соответствующих терминов. ФСЭ употребляются в составе семантически ориентированных терминов (СОТ). В составе многих СОТ ФСЭ обозначают подклассы ЯЕ, выделяемые по признаку наличия тех или иных (соответствующих) семантических характеристик у внутренней стороны этих ЯЕ. Ядра таких СОТ разнообразны, но чаще других в этой роли можно встретить термины «глаголы», «существительные», «прилагательные», «предложения», «конструкции», «местоимения». В составе СОТ ФСЭ часто функционируют в роли заполнителей второй валентности собственно ономаσιологических терми-

¹ Иногда в указатель включается транспонированная (синтаксически производная) форма от предиката, употребленного в тексте в предикативной форме. Такие случаи помечены астериском (*) в конце транспонированной формы (как правило, причастной).

нов, в роли которых чаще всего выступают термины «имена», «названия», «обозначения», «наименования», а также глаголы «называть», «обозначать», «выражать», «передавать» и конверсивные им глаголы «обозначаться», «выражаться».

ФСЭ бывают адъективными (ср. ФСЭ «температурный», «реляционный», «посессивный» в составе терминов типа «температурные прилагательные», «реляционные имена», «посессивные конструкции») и субстантивными (ср. ФСЭ типа «родство», «восприятие», «состояние» в составе терминов «имена родства», «предикаты восприятия», «глаголы состояния» и т.п.). Субстантивные ФСЭ входят в онтологическую таксономию, а адъективные ФСЭ нередко представляют собой адъективные дериваты от соответствующих субстантивных ФСЭ, в том числе супплетивные дериваты. Примеры адъективных супплетивных дериватов: «действие» – «акциональный», «отношение» – «реляционный», «восприятие» – «перцептивный», «бытие» – «экзистенциальный» и т.п.

0.2. Настоящая работа стремится установить соответствия между элементами семантического метаязыка, с помощью которого объясняются значения языковых единиц и речевых отрезков, встречающихся в тексте монографии Е. В. Рахилиной (Рахилина, 2010), и номерами страниц указанной книги². Инвентаризация семантических элементов указателя организована по алфавитно-гнездовому принципу. Полная версия семантического указателя включает 3 раздела:

1) «Семасиологическая таксономия» охватывает гнезда, вершиной (т.е. вершинным заголовком) которых являются собственно грамматические термины («имена», «существительные», «прилагательные» и т.п.). Этот раздел фактически построен по семасиологическому принципу «от двусторонней языковой единицы – к значению».

2) «Ономасиологическая таксономия» охватывает гнезда, заголовками которых являются адъективные компоненты собственно семантических терминов, объединенных общностью тех семантических полей, которые выражены этими адъективными компонентами. Этот раздел в значительной степени (хотя и не целиком) построен по ономасиологическому («активному» по Л. В. Щербе) принципу, так как в составе одного гнезда поданы термины-сочетания с общей «семантической» частью. Поэтому в состав одного гнезда часто попадают термины, относящиеся к одному и тому же «функционально-семантическому полю» (в понимании А. В. Бондарко и Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики). Объединяющим для таких терминов является некоторый адъективный термин (производный или непроизводный), обозначающий некоторое семантическое поле (напр., «пространственный», «посессивный», «температурный»).

3) «Онтологическая таксономия» охватывает гнезда, вершиной которых являются обозначения фрагментов мира (действительности),

² Работа сделана в интегрированной информационной среде StarLing, созданной С. А. Старостиным и усовершенствованной Ф. С. Крыловым.

отражаемого внутренней стороной языковых единиц. Эти обозначения выражены существительными преимущественно широкого (обобщающего) значения: «предмет», «контейнер», «поверхность» и т. п.

Целью работы является первичная металингвистическая систематизация элементов инвентаря того семантического метаязыка, с помощью которого Е. В. Рахилина описывает семантику предметных имен. В данной статье с целью достижения относительной компактности приводится лишь третья из этих частей, то есть онтологическая таксономия.

Обратим особое внимание на то, что, вопреки первому поверхностному впечатлению, возможному при невнимательном чтении этой статьи, приводимый в ней (данный) семантический указатель никоим образом не должен восприниматься:

— ни как разновидность «терминологического указателя», так как входами в него служат элементы, по преимуществу нетерминологические, то есть по крайней мере не являющиеся лингвистическими терминами;

— ни как разновидность «лексического указателя» («указателя лексем»), так как входами в него служат отнюдь не лексемы, составляющие предмет семантического описания (толкования), то есть не лексемы, **толкуемые (семантические описываемые, explicanda)** в исходном тексте, посвященном когнитивному анализу, а напротив — элементы семантического метаязыка, с помощью которых дается семантическое описание (толкование), то есть элементы, служащие инструментом (орудием, средством) семантического описания (толкования) — элементы **семантически описывающие (толкующие, explicanta)**.

1. Онтологическая таксономия

абстрактное vs. конкретное 374	артефакт ♦ имя 323	величина ♦ измерение ♦ система 120;
агенса 76–77, 80, 87, 345, 370, 387	артефакты 171, 173, 176, 179, 181, 184, 195, 203, 205, 208, 212, 325, 338, 339, 341;	~ оценка 129;
агенса ♦ творительный 75	~ созданные 334	~ прилагательные 130
агентивность 116	артефакты ♦ имена 35, 189, 208, 234, 339–342, 346;	верёвка 245
адресат 11, 36, 166, 318, 392; ~ неодушевлённый 332	~ имена ♦ количество 341;	верёвки 245
адресат₂ подарка 36	~ части 342	верёвки ♦ конец 247
актанты неодушевлённые 333; ~ одушевлённые 344	ассерция 63, 355, 373, 405	вертикальность 290, 292
активность 100	атрибутивность 109	вертикальность / горизонтальность 290
антропоцентричность картины мира 189, 257; ~ размера 133	база 65, 362, 370–372	верх 112, 150, 263, 265, 292–293, 402
аппарат перцептивный 363	беспорядок в помещении 263	верх-низ 264, 293–294
артефакт 16, 93, 171, 200, 212, 234, 339, 340, 341, 351	бок 43, 75, 258, 260–262, 266, 294	вес 51, 113
	величина 120–121, 123, 126–127, 130, 136	вехи температурные 233
		вещества 49, 71, 83, 124, 132, 168, 214;
		~ бесформенные 163;
		~ природные 171

- вещества** ♦ движение 85;
 ~ имена 71, 89, 117, 124, 132, 142, 159;
 ~ класс 70, 124;
 ~ ~ таксономический 70;
 ~ названия 67, 70, 117
вещество 71, 78, 124, 234;
 ~ бесформенное 237;
 ~ красящее 192;
 ~ парализующее 145;
 ~ проницаемое 280;
 ~ содержащееся 95
вещество ♦ виды 70, 71;
 ~ количество большое 70;
 ~ слой ♦ толщина 142
вещи 173, 205, 213, 349;
 ~ старые 198;
 ~ съедобные 112
вещи ♦ использование 170
вещь 111, 212, 341;
 ~ небольшая 49;
 ~ подаренная 329;
 ~ созданная 204
вещь ♦ структура 16;
 ~ функция 117
вид ♦ представители 173;
 ~ экземпляры 72
видение 393
виды вещества 70–71;
 ~ воска 184;
 ~ деятельности человека 342;
 ~ книг 72;
 ~ круглых предметов 377;
 ~ металлов 237;
 ~ продукта 173;
 ~ разные 71–72
висение 307
владелец 36, 57
владение 36, 335
вместилище 48–49, 217, 252, 257, 269
водоём естественный 225
воздействия внешние 151
вознаграждение 331
возраст 106–107, 146, 207–209, 211, 213;
 ~ большой 146;
 ~ лица 211;
 ~ человека 208
волосы ♦ цвет 175, 177, 179, 184–186
восприятие 275, 358, 378;
 ~ человеческое ♦ особенности 381;
 ~ внешнего мира 240;
 ~ действительности 19;
 ~ зрительное 276, 358, 375;
 ~ концепта 377;
 ~ концептов 373;
 ~ музыки 20;
 ~ на слух 375;
 ~ отношения часть-целое 56;
 ~ пространства ♦ модель научная 240;
 ~ ситуации 281;
 ~ слуховое 276;
 ~ тактильное 375;
 ~ тактильных ощущений 81;
 ~ цвета ♦ психология 363;
 ~ чувственное 276;
 ~ языковое 363, 398
восприятие ♦ когнитивные аспекты 401;
 ~ модель 406, 407;
 ~ этапы 240
воспроизведение 340
вращение 5, 194
времена лучшие 294;
 ~ старые 210
время 32–33, 80, 108, 146, 197, 199, 207, 211, 213, 223, 249, 300, 306, 329, 334, 362, 367–370, 380, 397, 401, 404, 414;
 ~ vs. пространство 246–247;
 ~ внутреннее 197–198;
 ~ дореволюционное 183;
 ~ минимальное 26;
 ~ настоящее 199;
 ~ небольшое 226;
 ~ процедуры 219;
 ~ процесса 368
время ♦ единица 80;
 ~ измерение в секундах 26;
 ~ измерение ♦ ситуация 171;
 ~ концептуализация языковая 398;
 ~ модели 407;
 ~ момент данный 53;
 ~ моменты 248;
 ~ ~ недлительные 248;
 ~ ~ различные 248;
 ~ отрезки 80;
 ~ отрезок 80, 247, 276;
 ~ период 80, 89, 152, 220, 246–249;
 ~ период ♦ часть 243;
 ~ периоды 83, 152, 217, 218, 219, 224, 228, 246, 248, 317;
 ~ промежуток длинный 80;
 ~ ~ неограниченный 300;
 ~ слои мёртвые 152;
 ~ творительный 75, 83;
 ~ течение 203, 207, 211
высота 16, 115, 118, 120, 122, 135, 143–144, 150, 297–298, 361, 366;
 ~ большая 137, 143, 144, 316
высота ♦ увеличение 144
гвоздь тонкий 127
геометрия 120–121, 361;
 ~ евклидова 121;
 ~ наивная 120
глубина 118, 121, 125, 127, 133, 135, 142–143, 148–152, 241; ~ большая 124–125, 143–144, 149, 150, 316;
 ~ измеряемая 149;
 ~ колодца 132;
 ~ контейнера 143;
 ~ страны 125;
 ~ ямы 132
глубина ♦ измерение 115, 132
горизонтальность 290
город 27, 343
грани ситуации 359–360
граница 15, 149, 243, 246–247, 250, 254;
 ~ верхняя 243, 252, 257;
 ~ верхняя ♦ обозначение 243;
 ~ геометрическая 244;
 ~ жёсткая 47, 221, 225;
 ~ между стержнями 245;
 ~ начальная 245;
 ~ нежёсткая 82;

- ~ неназванная 15;
~ необъёмная 251;
~ нижняя 252;
~ объекта 15, 251;
~ опасная 242;
~ открытая 252;
~ плоская 251;
~ поверхности 242;
~ простая самая 149;
~ протяжённого объекта 253;
~ протяжённой поверхности 241
граница ♦ значение 149;
~ название 257
границы 38, 149, 158, 188, 232, 256, 273;
~ видимой плоскости 160;
~ временные 369;
~ временные 369;
~ деления 68;
~ круглых объёмных объектов 256;
~ нечёткие 24;
~ объекта 383;
~ применения 193;
~ пространственные 251, 257, 369;
~ собственные 381;
~ таксономические 237;
~ точные 89;
~ языковые 257
границы ♦ имена 252;
~ названия 252, 257;
~ обозначения 249, 350
давление 146
даритель подарка 36
движение 6, 84–86, 135, 143, 148, 151–152, 194, 218, 259–260, 275–279, 282–283, 287, 305, 307, 313, 315–316, 321–322, 329, 374, 378, 381, 390, 392, 405–407;
~ vs. покой 288;
~ абстрактное 274, 304, 321, 374;
~ абстрактное ♦ пункт конечный 322;
~ бесконечное ♦ природа 4;
~ быстрое 84;
~ вверх 150;
~ внезапное резкое 84;
~ вниз 135, 150;
~ вообразаемое 317;
~ вынужденное 318;
~ горизонтальное быстрое 84;
~ действительное 143;
~ дистантное 285;
~ колебательное ♦ глаголы 5;
~ конкретное ♦ ситуации 374;
~ контактное 285;
~ контролируемое человеком 315;
~ лабильное более 315;
~ метафорическое 276–277;
~ неметафорическое 276–277;
~ неправильное 260;
~ произвольное 315;
~ неуправляемое 315;
~ нецеленаправленное 282;
~ объекта 84, 328;
~ обычное 150;
~ особенное 85;
~ партитивное 278;
~ партитивное ♦ разновидности 278;
~ перевёрнутое 260;
~ перцептивное 275–276, 280–281;
~ перцептивное ♦ фон 280;
~ плавающего транспорта 314;
~ рефлексивное 278;
~ свободное ♦ возможность 311;
~ собственное 218;
~ физическое 274–276, 280;
~ целенаправленное 316
движение ♦ база 150;
~ виды 283;
~ глаголы 5, 86, 263, 306, 362, 368, 372, 374, 402;
~ ~ простые 356;
~ глаголы ♦ типология 362;
~ каузация ♦ идея 391;
~ ~ конструкция 390–391;
~ маршрут 250;
~ ~ проложенный 79;
~ направление 283, 318;
~ ориентир 382;
~ особенности характерные 85;
~ предел 135;
~ ~ своеобразный 135;
~ предикат 84;
~ предикаты 259;
~ предикаты ♦ лексикализация 362;
~ профиль 374;
~ пункт исходный 244–245, 274, 283, 333;
~ ~ конечный 244, 274, 282, 380;
~ путь 321;
~ распорядок строгий 314;
~ результат 143, 282;
~ свобода 315;
~ ситуация 259, 283;
~ ситуация ♦ представление 321;
~ ~ участник 274;
~ содержание 85;
~ способ 85, 312, 314, 315, 391;
~ ~ конкретный 315;
~ способ ♦ глаголы 3;
~ способы 312;
~ среда 279–280, 283;
~ субъект 318;
~ суть 374;
~ тип 280, 362;
~ ~ характерный 85;
~ точка конечная 244, 321;
~ траектория 79, 260, 274–275, 277, 283, 316;
~ ~ фиксированная 79;
~ участок стандартный 79;
~ фон 280;
~ характер 277;
~ ~ особый 84;
~ ~ перцептивный 274;
~ ~ физический 274;
~ ход 259;
~ целенаправленность 313, 348;
~ цель 320;

- ~ этап промежуточный 274
дейксис 16, 396
действие 36, 77, 111, 116, 284, 304;
 ~ моментальное ♦ глаголы 396
действие ♦ имена 36;
 ~ мотивы 62;
 ~ направленность 75;
 ~ начало 243;
 ~ образ 82, 390, 406;
 ~ образ ♦ значение 390;
 ~ объект 342;
 ~ осуществление 116;
 ~ отрезок 247;
 ~ производитель ♦ названия 407;
 ~ совершение ♦ момент 197;
 ~ способ ♦ имена 344;
 ~ субъект ♦ переменные 339;
 ~ сюжет 247;
 ~ характер целевой 62
действительность 15, 16, 39, 175, 349, 359, 367, 371, 403;
 ~ vs. семантика 359;
 ~ ~ язык 160;
 ~ внеязыковая 255, 257;
 ~ окружающая 6, 379;
 ~ реальная ♦ проецирование 373;
 ~ русская 176;
 ~ современная 202
действительность ♦ восприятие 19;
 ~ концептуализация 27;
 ~ мир 359–360;
 ~ образ 14;
 ~ объект 25, 131, 246;
 ~ ~ живой 177;
 ~ отражение 360;
 ~ проекция 378;
 ~ членение 19
действия 116, 306;
 ~ военные 334;
 ~ контролируемые 69;
 ~ неконтролируемые 283;
 ~ человека 229
деление географическое 101;
 ~ национальное 101
деньги 329, 331
дерево 288
деревья 16, 68, 163, 199, 359
деформация 113, 117, 161, 164–166
деятель 79;
 ~ профессиональный ♦ имя 343;
 ~ реальный 116
деятель ♦ имена 337, 342;
 ~ ~ отпредикатные 337
деятельность 343;
 ~ актуальная 300;
 ~ интенсивная 227–228;
 ~ профессиональная 343;
 ~ творческая 213;
 ~ трудовая индивидуальная 343
деятельность ♦ виды 342;
 ~ области 332;
 ~ результат 386;
 ~ ситуация 78, 81
диаметр 123, 129;
 ~ маленький 127;
 ~ небольшой 246;
 ~ поперечный 123
диапазон 221, 225;
 ~ температурный узкий 225
дистанция 125, 321;
 ~ временная 277;
 ~ пространственная 277
длина 118–119, 122, 126–128, 134–135, 361, 364;
 ~ большая 119;
 ~ волны 213;
 ~ ~ спектра 177;
 ~ нормальная 122;
 ~ фиксированная 26
длительность 26
дно тонкое 133
документ 183, 330
должности 208;
 ~ сменные 209
должности ♦ названия 207
должность 230
дом 171, 183, 343
дом ♦ части 50
дополнители 45, 47–51, 54, 65, 310–311
дополнитель 47–48, 50, 53–54, 310–312
дополнительность 41, 47–48, 50, 53–54, 229, 309, 311
дополняемое 50, 53–54
еда 182, 214, 216, 219–220, 222, 225, 234;
 ~ горячая 235;
 ~ жидкая 221;
 ~ охлаждённая специально 222;
 ~ холодная специально 215
единица 80;
 ~ времени 80;
 ~ временная 80
ёмкости 121, 133, 137, 142;
 ~ мягкие 123;
 ~ полые 133
ёмкости ♦ имена 124;
 ~ класс 93
ёмкости-артефакты 133
ёмкость 93–94, 115, 124, 132–133, 148, 241, 389
ёмкость ♦ значение 94;
 ~ контексты прагматические 124;
 ~ форма 124;
 ~ часть внутренняя 373
животное 17, 22, 24, 41, 93, 243, 258, 262, 264, 288, 359, 366;
 ~ домашнее 21;
 ~ ~ четвероногое 23;
 ~ крупное 22
животное ♦ мясо 339;
 ~ положение перевёрнутое 264
животные 22–23, 123, 174–175, 186, 236, 249, 262, 264, 289, 296, 299, 315, 364;
 ~ большие 130;
 ~ домашние 21–22;
 ~ ~ своеобразные 23;
 ~ домашние ♦ название 22;

- ~ мелкие 296;
~ млекопитающие сельскохозяйственные 22;
~ прототипические ♦ цвета прототипические 175;
~ сельскохозяйственные домашние 22
животные ♦ имена 180, 299;
~ классификация 289;
~ масть 176;
~ мех ♦ цвет 177;
~ названия 123, 174–175;
~ описание 243, 289;
~ положение 289
жидкости 151;
~ плотные 151
жидкость тяжёлая 151
завершение 286;
~ жизненного цикла 201
зад 261
занятия ♦ имена 207;
~ свойства 207
звания 146
звери 185–186, 188, 262;
~ движущиеся постоянно 299;
~ дикие 21;
~ одушевляемые 199;
~ серые 180;
~ экзотические 262
зверь 44, 262, 264;
~ когтистый 145;
~ откормленный специально 123
звук ♦ глаголы 403
звуки протяжённые 248;
~ речевые 248;
~ характерные 86
звуки ♦ типы 248
звучание ♦ глаголы 390–392
здание 360
здания 172
значения абсолютные 216;
~ температурные 222
значимость функциональная большая 190
зона предметная 212;
~ температурная 215, 222;
~ тёплая 214;
~ холодная 221
зрение 100
иерархия качественная 147
изделие ♦ назначение 93
изделия 90;
~ из вещества 71;
~ ~ материи 252
изменение ландшафта 135
изменения 207
измерение 26, 115, 120, 121, 126, 133, 135, 151, 361;
~ вертикальное 306
изображение 49
имущество принадлежавшее 329;
~ унаследованное 329
инструмент 76–77, 81, 87, 115–116, 148, 268, 284, 327, 390;
~ активный 149
инструмент ♦ творительный 74
инструменты 78, 81, 83, 116, 315, 318
инструменты ♦ класс 81
интенсивность мысли 148
интенсивность ♦ значение 150;
~ метафора 151
искусство ♦ произведения 203, 351;
~ произведения 237, 340
использование 90, 205, 297, 326;
~ длительное 113;
~ нормальное ♦ процесс 339
использование ♦ идея 338;
~ процедура 130;
~ процесс 16, 114, 117, 130, 132, 170, 339, 341, 349;
~ ситуация 116;
~ способ 73, 131, 134, 136, 340;
~ ~ основной 38;
~ ~ постоянный 35;
~ ~ стандартный 112, 323
источник 333, 370;
~ водный 95;
~ движения 320;
~ жара 217;
~ зноя 229;
~ тепла 217, 221–223, 229, 232, 234
источники жара 217;
~ тепла 217;
~ человеческого тепла 229
карта географическая 251
картина мира пространственная 135;
~ пространственная ♦ индикаторы 131
картинки пространственные 149
каузация 380
качества 98–99;
~ азиатские ♦ набор 101;
~ английские 100;
~ ~ эталонные 102;
~ внешние 101;
~ восточные 101;
~ мужские 103;
~ наднациональные 101;
~ национальные 103;
~ национальные ♦ отмеченность 97;
~ немецкие 99, 102;
~ ~ эталонные 102;
~ отрицательные 101;
~ отрицательные ♦ распределение 101;
~ положительные 101;
~ русские 99;
~ ~ отмеченные 98;
~ французские типично 100;
~ человеческие различные 96
качество 99, 100, 103, 130, 284;
~ отмеченное лингвистически 98
качество ♦ модификация закреплённая 96;
~ проявление максимальное 96;
~ проявление ♦ степень высокая 96;
~ типичность 96
квазиконтейнер 302
квалификация 107
квант света 237
квантификаторы 150
квантор общности 34, 318

- класс** аспектуальный 202, 204, 210—212;
 ~ возрастной 208;
 ~ таксономический 38, 70—72, 78, 81, 91, 94—95, 324, 328, 348, 372;
 ~ топологический 161, 165
классификация аспектуальная 203, 206;
 ~ таксономическая 212, 235, 350;
 ~ температурная 235, 236
классы аспектуальные 206, 210—212;
 ~ естественные 326, 340—342, 347, 362, 364;
 ~ полярные 236;
 ~ таксономические 72, 78, 91, 94, 235;
 ~ температурные 237;
 ~ топологические 135
климат 220, 225, 229, 235
количество 106, 341, 365, 376, 380;
 ~ большое 144, 151;
 ~ большое ♦ показатели 151;
 ~ вещества 70;
 ~ фиксированное 72;
 ~ экземпляров 171
количество ♦ увеличение 150
коллектив 343
комплекс азиатский 101;
 ~ восточный 101—102
конец 204, 240, 243—245, 247, 354;
 ~ временной 249;
 ~ второй 244—245;
 ~ геометрический второй 245;
 ~ маршрута 244;
 ~ острый 20—21;
 ~ периода времени 249;
 ~ повествования 246;
 ~ прагматический второй 244;
 ~ протяжённый 245;
 ~ пути 282, 318, 382;
 ~ срока 200;
 ~ точечный 245
конец ♦ образы зрительные 247;
 ~ представление 247
конечности 299
конечность 42, 267
консистенция 85
контакт 51, 53, 265—266, 277, 302—303, 312, 378—379;
 ~ интенсивный 305;
 ~ ~ менее 280;
 ~ непосредственный 216;
 ~ плотный 302—306;
 ~ поверхностей 302;
 ~ предметов 302;
 ~ трёхмерный 302—305;
 ~ фона и фигуры 303—304
контакт ♦ метафора 304;
 ~ наличие 274;
 ~ отсутствие 274, 283;
 ~ степень 303
контейнер 4, 15, 131—132, 143—144, 149, 302—304, 306, 379, 383;
 ~ глубокий 115, 133;
 ~ пассивный 149
контейнер ♦ глубина 143;
 ~ метафора 148, 304;
 ~ отверстие входное 135;
 ~ роль 305;
 ~ содержимое 147;
 ~ топология 269;
 ~ форма постоянная 142
контейнеры 15, 121, 124—125, 132, 135, 153, 303—304, 383
контейнеры ♦ имена 131;
 ~ класс 125
контрагент 149, 325, 332—334, 351;
 ~ неодушевлённый 332
контрагент ♦ валентность 333, 335
контроль 384, 404
контур 153, 192, 372
контур 24—25, 373
конфигурация 51, 131, 249, 299;
 ~ жёсткая 316;
 ~ жёсткая ♦ предметы 127, 141;
 ~ фиксированная 122, 136
концы 257;
 ~ вытянутых объектов 256;
 ~ геометрические 244;
 ~ ~ реальные 245;
 ~ два 243—245, 252;
 ~ маршрута 245;
 ~ противоположные 135;
 ~ сомкнутые 156
лабильность 33
ландшафт ♦ изменение 135
лапы задние 264
лекарство 73
линии 257
линия поперечная 275
линия ♦ протяжение 119
лист плоский 241
лица 208—209;
 ~ конкретные 337;
 ~ конкретные ♦ группа 337
лица ♦ группа 337, 347;
 ~ группы ♦ имена 343;
 ~ ~ особенности 343;
 ~ имена 197, 199, 202, 206—209, 211, 229, 298, 338, 342—343;
 ~ ~ общие 209;
 ~ класс 210;
 ~ названия ♦ группа 337
лицо 48—49, 212, 338, 342, 343, 347;
 ~ заинтересованное 36;
 ~ использующее артефакт 339;
 ~ конкретное 337;
 ~ частное 347
лицо ♦ возраст 211;
 ~ действие 116;
 ~ имя 208, 339, 342, 343, 346;
 ~ принадлежность национальная 343;
 ~ характеристика 211;
 ~ ~ возрастная 208;
 ~ ~ профессиональная 207
лицо-передатчик 276
лицо 44, 257—258;
 ~ человеческое ♦ цвет 184
лицо ♦ кожа 188;
 ~ части 185

- локализации** контактные 399
- локализация** 305;
~ ощущений 403
- локативность** 398
- маршрут** 80, 244–245, 250, 313, 315–317, 370;
~ длинный 240;
~ заданный жёстко 315;
~ зрительный ♦ начало 244;
~ ~ окончание 244;
~ определённый 323;
~ проложенный 79;
~ фиксированный 79
- маршрут** ♦ конец 244;
~ концы 245;
~ объяснение 240
- мастерство** 207
- мебель** 90, 114, 121, 173;
~ жёсткая 114
- мебель** ♦ предметы 124
- мера** времени 204;
~ естественная 204
- мереология** 38–40, 45, 65–66, 73, 351
- место** 79, 132, 137, 230, 240, 319, 334, 387;
~ использования 93;
~ на временной оси 249;
~ нахождения 93;
~ прикрепления 252;
~ службы 230;
~ события 166;
~ трубы 50
- место** ♦ творительный 75, 77
- местонахождение** 43, 84, 245, 267, 288, 301, 374
- местонахождение** ♦ глаголы 267, 288, 292;
~ каузация 84
- местоположение** 239, 244, 307, 370, 380;
~ исходное 321
- местоположение** ♦ глагол 307–308;
~ перемена 390;
~ предикат 84
- мир** 17, 25, 97, 136, 349, 397;
~ внешний 195, 257;
~ внешний ♦ восприятие 240;
~ ~ объекты 6, 230, 239, 288;
~ ~ описание 140;
~ ~ отражение 25, 30;
~ ~ устройство 28;
~ действительности 359–360;
~ действительный ♦ объекты 25;
~ ~ палитра цветовая 17;
~ динамический ♦ языки 397;
~ окружающий 29;
~ отраженный языком 19;
~ реальный 349;
~ реальный ♦ отражение в языке 349;
~ ~ свойства 26;
~ физический 169, 214, 313;
~ художника внутренний 17;
~ цвета 168;
~ человеческого 131;
~ языковой 313
- мир** ♦ видение ♦ способ 240;
~ доминанта-ось 294;
~ картина 16–19, 24, 28, 200, 370;
~ ~ антропоцентричная 131, 148;
~ ~ культурно-историческая 14;
~ ~ наивная 19, 97, 149, 229, 230, 338, 403;
~ ~ народная 14;
~ ~ научная 26;
~ ~ пространственная 135;
~ ~ реальная 240;
~ ~ русская 148, 185, 214, 261;
~ ~ языковая 13–18, 25–27, 120–121, 139–140, 148, 163, 175, 182, 188, 199, 205, 208, 218, 233–234, 237, 241, 252, 255, 294, 314, 349, 359–361, 397, 400, 406–407;
~ картина ♦ антропоцентричность 189;
~ ~ отражение 403;
~ ~ фрагмент 257;
~ картины 28;
~ ~ национальные 120;
~ концептуализация языковая 398;
~ модели 403;
~ модель балканская 407;
~ ~ наивная 396;
~ структура 295;
~ ~ горизонтальная 295;
~ устройство внеязыковое 11
- мифология** наивная 95
- множества** 39, 373;
~ объектов организованные 317;
~ размытые 366
- множества** ♦ мереология 40, 73
- множественность** оттенков 178
- множество** 21, 22, 40, 177, 205;
~ видов 70;
~ деформаций формы 164;
~ исходное ♦ отсутствие 162;
~ пар объектов 65
- множество** ♦ элемент 205, 261
- модальность** 399
- модель** пространственная 361
- момент** 200, 209;
~ возникновения 202;
~ воспоминания 202;
~ времени данный 53;
~ данный 17, 111, 179, 318, 367;
~ настоящий 367;
~ произвольный 55;
~ речи 46, 197, 203–204;
~ рождения 19;
~ совершения действия 197;
~ создания 209;
~ статический 248;
~ тот 135;
~ этот 298–299
- моменты** времени 248;
~ ~ различные 248
- моменты** ♦ названия 83
- мотивировка** 325, 330–331, 352
- мотивы** 62

- наблюдаемость** 87
наблюдатель 85, 100, 134, 135, 159, 164, 181, 244, 249, 253, 254, 258, 260, 315–319, 322, 359, 371, 387
наблюдение 284;
 ~ внешнее 85
наблюдение ♦ инструмент 284
навык 207
навыки специальные 207
назначение изделия 93;
 ~ объекта 324
назначение ♦ место 244;
 ~ пункт 245
напитки 146, 220, 222, 224;
 ~ холодные всегда 222;
 ~ ~ специально 223
напиток 351
направление 84–85, 119, 135
направленность 75
напряжение 146
насекомые 186, 188, 296, 299, 392
нахождение внутри 383
начало 209;
 ~ действия 243;
 ~ зрительного маршрута 244;
 ~ лета 249;
 ~ пути 316;
 ~ роста 183
начало ♦ точка 244
независимость объекта 312
неотторжимость 46
неотторжимость ♦ значение ♦ выражение 400
неотчуждаемость относительная 47
неотчуждаемость ♦ категория 399
непротяжённость звука 248
несимметричность встроенная 368
низ 263, 265, 293, 402
норма 130
нос 258, 302
носитель ума 148
обладание 400
обладатель индивидуальный 338;
 ~ индивидуализированный ♦ существование 338
область военная 227
обмер объекта геометрический 361
образ 25;
 ~ действительности 14;
 ~ действия 390, 406;
 ~ действия ♦ творительный 82;
 ~ зрительный 14, 86, 245;
 ~ категории 24;
 ~ культурный 14;
 ~ метафорический 144;
 ~ нерасчлененный 363;
 ~ объекта зыбкий 24;
 ~ пространственный 153;
 ~ противоположный полностью 188;
 ~ физический единый 145;
 ~ целостный 271;
 ~ человека 396;
 ~ языковой 2, 14, 25, 160–161, 233, 252, 351
образы 26, 386;
 ~ зрительные 247;
 ~ искаженные 25;
 ~ конкретных объектов 6;
 ~ мыслительные 193;
 ~ цельные 373;
 ~ языковые 350, 364
образы ♦ множество 145;
 ~ объединение 145;
 ~ профили 373
общество 341
объект 11, 14, 16–17, 25, 30, 34, 39, 47, 55, 58, 75, 77, 84, 90, 93, 113–115, 118–121, 124, 126–127, 131, 134–135, 139–140, 143, 145, 155, 159–162, 165, 167–171, 190–192, 196, 198–199, 203, 205, 212, 215–216, 219–220, 236–237, 241–244, 246–247, 249, 251, 254–255, 259, 268, 274, 277, 279–280, 286, 288, 293, 295, 302, 307, 309, 311–312, 317, 324, 326, 328–329, 334, 339, 347, 349, 351, 361, 363, 369–370;
 ~ vs. отверстие 275, 280;
 ~ вводимый 170;
 ~ вертикально вытянутый 361;
 ~ вертикальный 144, 243, 257, 291;
 ~ внешний 81;
 ~ внеязыковой 195;
 ~ возникший естественно 333;
 ~ высокий 361;
 ~ ~ прототипически 135;
 ~ вытянутый 243, 245, 249, 287;
 ~ ~ соответствующий 243;
 ~ вытянутый ♦ граница 246;
 ~ горизонтальный 291, 296;
 ~ горячий 215;
 ~ движущий рефлексивный 381;
 ~ движущийся 148, 274, 279, 371, 381–382;
 ~ ~ <потенциально> 369;
 ~ деревянный 160;
 ~ длинный 244, 361;
 ~ живой 177, 200;
 ~ и locus 95;
 ~ идущий 318;
 ~ измеряемый 133;
 ~ каузации 84;
 ~ конкретный 25, 128, 173, 361;
 ~ конкретный ♦ характеристики 173;
 ~ круглый идеально 153;
 ~ линейный 279;
 ~ материальный 120, 192;
 ~ множественный vs. единичный 70;
 ~ наблюдаемый значимый 260;
 ~ небольшой сравнительно 27;
 ~ независимый 312;
 ~ ~ топологически 154;
 ~ неодушевленный 48, 374;

- ~ несамостоятельный 361;
~ нефункциональный 90;
~ нечленимый целый 39;
~ обозначаемый 38;
~ обозначаемый ♦ виды 71;
~ объёмный 286, 287;
~ ~ шарообразный 160;
~ окрашен(ный) 173;
~ описываемый 35;
~ ориентированный вертикально 263;
~ ориентируемый 258;
~ особый 44;
~ оценки 162;
~ передачи 36;
~ плоский 296;
~ плоский ♦ граница 251;
~ посессивного отношения 36;
~ посторонний 311 – 312;
~ предыдущий 201;
~ природный 200, 203;
~ природный ♦ имя 199;
~ произвольный 126;
~ промежуточный ♦ осмысление 279;
~ прототипический 261;
~ расположенный дистантно 125, 144;
~ самостоятельный 255, 298;
~ сменный 213;
~ созданный 199, 203 – 204;
~ сплошной 275, 278, 280;
~ ~ структуры 280;
~ существующий 198;
~ третий 55;
~ трёхмерный 259, 268;
~ физический 134, 148, 170, 276;
~ ~ конкретный 177;
~ физический ♦ параметры 141;
~ фоновый 302;
~ функциональный 90;
~ цельный единый 265
объект ♦ форма вытянутая 138;
~ величина 118, 121, 126;
~ величина ♦ измерение 120;
~ вид 71;
~ включённость 348;
~ восприятие ♦ ракурс 128;
~ выражение одно-временное 333;
~ выход 381;
~ глубина 132;
~ граница 245, 247, 251;
~ ~ всякая 15;
~ ~ геометрическая 244;
~ ~ открытая 252;
~ границы 240, 383;
~ границы ♦ выражение 239;
~ дарение 36;
~ движение 84, 328;
~ ~ партитивное 278;
~ изменение качественное 249;
~ измерение ♦ способ 133;
~ ~ стратегия 133;
~ измерения разные 127;
~ имена 344;
~ имя 110;
~ интерпретация 229;
~ ~ зрительная 246;
~ использование 16, 38, 112, 323, 341;
~ использование ♦ способ 112, 134;
~ конец 244 – 245, 247;
~ ~ другой 135;
~ ~ один 279;
~ концы противоположные 135;
~ местонахождение 245, 288, 380;
~ местоположение 307;
~ назначение 324;
~ несоответствие 164;
~ ~ исходной канонической форме 163;
~ номинация 173, 197;
~ обмер геометрический 361;
~ образ 252;
~ ~ зрительный 14;
~ ~ зыбкий 24;
~ ~ пространственный 153;
~ ~ языковой 2, 160, 233, 350;
~ объём исходный 160;
~ определение 153;
~ опущение 34;
~ ~ известное 34;
~ ориентация 259 – 260, 266, 293, 295;
~ ~ вертикальная 261;
~ ~ горизонтальная 261;
~ ~ общая 261;
~ ~ постоянная 164;
~ ~ правильная 293;
~ ориентация ♦ описание 257;
~ ~ форма 2;
~ ориентирование ♦ способы 121;
~ ориентированность 134;
~ параметр 129;
~ параметры отдельные 361;
~ передача 328;
~ передача ♦ пункт 329;
~ перемещение 36;
~ ~ самопроизвольное 315;
~ поверхность вертикальная 114;
~ ~ данная 242;
~ ~ исходная 156;
~ ~ ровная 156;
~ поверхность ♦ периметр 254;
~ погружение 302;
~ положение 28;
~ ~ горизонтальное 261;
~ ~ значимое 294;
~ ~ маркированное 259;
~ ~ независимое 361;
~ получение 330;
~ природа 131;
~ проекция видимая 164;
~ протяжённый ♦ граница 253;
~ размер 130;
~ ~ человеческий 349;
~ размер ♦ описание 126;
~ ~ параметр 139;
~ размеры 138, 140;
~ ~ конечные 128;
~ расположение горизонтальное 293;
~ ~ дистантное 143;
~ роль 78;

- ~ свойства 15, 31, 118, 239, 340, 349;
 ~ ~ денотативные 251;
 ~ ~ семантические 251;
 ~ ~ сиюминутные 232;
 ~ ~ топологические 268;
 ~ свойство 113;
 ~ ~ естественное 368;
 ~ сдвиг 164;
 ~ семантика 170, 330;
 ~ смена 201;
 ~ смещение 164–165;
 ~ создание 340;
 ~ создание ♦ способ 324;
 ~ состояние 200, 307;
 ~ ~ изменилось 218;
 ~ состояния 382;
 ~ срок жизненный 204;
 ~ сторона рабочая 134;
 ~ температура 219, 225–226;
 ~ тип 73, 338;
 ~ ~ топологический 14, 153;
 ~ тип 288;
 ~ удаление большее 370;
 ~ украшение 237;
 ~ управление =ом ♦ тип 334;
 ~ фиксированность 125, 305;
 ~ форма 124, 131, 138, 152–153, 159, 161, 163, 167, 364;
 ~ ~ исходная 153, 159, 167;
 ~ ~ исходная ♦ несоответствие 163;
 ~ ~ каноническая ♦ несоответствие 163;
 ~ ~ неизвестная 128;
 ~ ~ определённая 153;
 ~ ~ правильная 163;
 ~ ~ собственно 121, 163;
 ~ ~ характерная 85;
 ~ форма ♦ изменения 153, 164;
 ~ ~ определение 164;
 ~ ~ отражение 152;
 ~ ~ параметры 163;
 ~ функциональность 293;
 ~ функционирование 114;
 ~ функционирование ♦ процесс 134, 170, 191;
 ~ ~ тип 68;
 ~ функция 305;
 ~ характер 277;
 ~ характеристика 324;
 ~ ~ видимая 160;
 ~ ~ постоянная 125;
 ~ ~ таксономическая 125;
 ~ ~ топологическая 125;
 ~ характеристики 349;
 ~ ~ качественные 92;
 ~ ~ нетривиальные 28;
 ~ цвет 17, 181, 193;
 ~ ~ реальный 191, 193;
 ~ цвет ♦ определение 168;
 ~ цикл жизненный 201, 348, 349;
 ~ части 38;
 ~ ~ полноценные 39;
 ~ ~ сменные 200;
 ~ часть 55, 58, 190, 242, 259, 298;
 ~ ~ неподвижная 278;
 ~ ~ нижняя 256;
 ~ экземпляры разные 191
объект-ориентир 259
объект-референт 168
объект₂ действия 342
объекты 17, 27, 30, 39, 45–46, 48, 90, 94, 115–117, 120–122, 123, 125, 130, 135, 140, 142, 153, 161, 166, 171, 172, 174, 176, 190–191, 195, 199–202, 205, 215, 216–217, 221, 223, 230, 242, 245, 252, 255, 263, 269, 280, 286–287, 291, 297, 304, 309, 311, 326, 340, 369, 382;
 ~ vs. вещества 67;
 ~ активные 296;
 ~ бесформенные 158, 165, 361;
 ~ большие 139;
 ~ ~ изначально 139;
 ~ ~ прототипически ♦ названия 139;
 ~ вертикальные 122, 163–164, 263;
 ~ вертикальные ♦ гра-ница верхняя 243;
 ~ ~ ориентация 265;
 ~ видимые 160;
 ~ внешнего мира 6, 30, 239, 288;
 ~ внеязыковые 169;
 ~ ~ конкретные 178;
 ~ внеязыковые ♦ харак-теристики 214;
 ~ временные 250;
 ~ высокие 359;
 ~ вытянутые 154, 168, 316, 361;
 ~ ~ горизонтально 361;
 ~ ~ плоские 138;
 ~ вытянутые ♦ концы 256;
 ~ ~ названия 243;
 ~ гибкие 122;
 ~ глубокие ♦ использо-вание 132;
 ~ горизонтальные 264–265, 296;
 ~ ~ двуслойные 265;
 ~ ~ менее 292;
 ~ горизонтальные ♦ ориентация 265;
 ~ горячие всегда 215, 222;
 ~ ~ специально 223;
 ~ горячие / холодные специально 234;
 ~ два ♦ отношение 90;
 ~ ~ связанность 53;
 ~ ~ связанность ♦ сте-пень 47;
 ~ ~ соположение 49;
 ~ ~ сопутствие 49;
 ~ движущиеся постоян-но 292;
 ~ ~ потенциально 368;
 ~ жидкие полностью 355;
 ~ конкретные разные 373;
 ~ конкретные ♦ взаимо-действие 379;
 ~ ~ образы 6;
 ~ креативные 203;
 ~ круглые 157, 168, 256–257, 361;
 ~ материальные 192;
 ~ мягкие 218;
 ~ необъёмные 163;
 ~ ~ небольшие 247;
 ~ неодушевлённые 198, 290, 292;
 ~ неодушевлённые ♦ класс 208–209;

- ~ ~ пределы 206;
~ ~ элементы 47;
~ неокрашенные 171;
~ неподвижные 17, 292;
~ ~ большие 297;
~ неприродные 195–196;
~ неравноправные два 48;
~ объёмные 155, 157–158, 160, 240, 245, 256–257;
~ ~ денотативно 252;
~ объёмные ♦ конец 245;
~ ~ пространство 257;
~ одушевлённые 46, 168;
~ описываемые 294;
~ ориентированные вертикально 290;
~ ~ горизонтально 290;
~ особые 237;
~ отдельные 298;
~ периферийные 25;
~ плоские 122, 127, 160, 251, 290, 361;
~ ~ абсолютно 292;
~ плоскостные 160;
~ погружённые 304;
~ природные 171, 176, 184, 190, 195–196, 199, 203;
~ природные ♦ имена 187–188, 195–196;
~ ~ класс 206, 208;
~ ~ цвет 193;
~ пространственные 250;
~ прототипические эталонные для цвета 178;
~ протяжённые ♦ названия 243;
~ различные 131;
~ разные 24, 128, 159, 288;
~ ~ два 382;
~ разные ♦ имена 250;
~ связанные функционально 310;
~ сменные 200;
~ статичные 17;
~ стоящие вертикально 265;
~ существующие отдельно друг от друга 309;
~ узкие изначально 140;
~ функционирующие совместно 72;
~ холодные всегда 215, 233–234;
~ целостные 25;
~ центральные 25;
~ четырёхугольные (плоские) 252;
~ шарообразные 157;
~ языковые ♦ группа 296
объекты ♦ взаимоотношения между =ами 29;
~ границы 257;
~ иерархия 45;
~ изготовление 237;
~ имена 121, 123, 159, 163, 202, 214, 216, 330, 342, 348;
~ класс 114;
~ ~ целый 115;
~ ~ широкий 305;
~ классификация языковая 107;
~ классы 200;
~ количество 72;
~ контакт плотный 305;
~ множество 17, 73, 202, 317;
~ названия 169;
~ независимость 46;
~ ориентация пространственная 292;
~ ~ фиксированная 121;
~ пары ♦ множество 65
~ последовательность 317;
~ путь 113;
~ различение ♦ задача 190;
~ свойства топологические 291;
~ связь языковая 309;
~ смена 201;
~ совокупность 275, 280;
~ тип собственный 126;
~ ~ топологический 302;
~ типы 153, 262;
~ ~ топологические 163, 241, 292;
~ топология 290;
~ упорядоченность 317;
~ фиксированность денотативная 45;
~ форма 123, 140;
~ функциональность 349;
~ функционирование 130;
~ цвет 172, 174;
~ ~ фиксированный 171;
~ число большое 147;
~ ~ фиксированное 72;
~ число ♦ увеличение 144;
~ экземпляры 172–173
объём 160, 241;
~ исходный 160;
~ совокупный 144
объём ♦ наличие 155
объёмы 252
ограничение топологическое 251
одежда 51, 92, 100, 217–218, 220, 222, 223, 235–236, 242, 252, 265, 307, 309, 311, 342;
~ несогревающая 217
одежда ♦ названия 223;
~ предметы 51, 180, 310;
~ цвет 173
одушевлённость 288, 333, 338, 384
окружение пространственное 239
окружность 163
операторы временные 203
опыт 366;
~ повседневный 29
опытность профессиональная 207
орган человека 148;
~ чувства 268
организм живой ♦ выделения 187;
~ человеческий 359
органы внутренние 260;
~ ~ названия 338
ориентации постоянная 164
ориентация 2, 6, 17, 81, 121, 141, 166–167, 238–239, 255, 257–266, 292–295, 362, 364;
~ вертикальная 159, 261, 264;
~ горизонтальная 261, 262, 264;
~ естественная 264;
~ каноническая 121;

- ~ национальная выра-
женная четко 103;
~ неестественная 293;
~ неправильная 293;
~ общая 261;
~ постоянная 261;
~ правильная 293;
~ пространственная не-
выраженная 292;
~ пространственная ♦
модели 17;
~ темпоральная 398;
~ унаследованная 121;
~ фиксированная 121
ориентация ♦ границы 38;
~ конструкция 264;
~ модель 17;
~ описания 257;
~ показатели 258;
~ соблюдение 294
ориентир 239, 260—261,
265, 371, 382;
~ vs. ориентируемое ♦
взаиморасположение
239;
~ внешний 259—261, 263;
~ второй 260;
~ неподвижный 382;
~ правильный един-
ственно 259;
~ удобный 215
ориентир ♦ выбор пра-
вильный 261;
~ значение 259;
~ роль 278
ориентирование 240, 258,
262—264, 268;
~ особое 262, 265
ориентирование ♦ кон-
струкции 258;
~ конструкция 257, 260,
264, 268, 350;
~ ~ русская 267;
~ процесс 255;
~ ситуация 239, 258—259,
265;
~ способы 121;
~ творительный 81, 266
ориентированность 16,
134;
~ антропоцентрическая
140
ориентируемое 239
ориентиры 259, 261—
262, 317, 361;
~ возможные ♦ набор
262;
~ допустимые ♦ зона ♦
расширение 263
ориентиры ♦ круг 262
ось 33, 164—166, 264, 301;
~ вертикальная 261, 293;
~ временная 249;
~ горизонтальная 293;
~ общая направленная 164
осязание 114, 378
отверстие 275, 278, 280,
282, 303, 383;
~ входное 135;
~ ~ круглое 161;
~ готовое 303;
~ исходное 303;
~ круглое 161;
~ приотворенное заран-
нее 302
отверстие ♦ диаметр 129;
~ размер 133;
~ тип 155;
~ форма 161
отверстия 123, 275, 280;
~ готовые 303;
~ круглые ♦ размеры 129
отверстия ♦ размеры 139
отклонение от исход-
ной формы 165;
~ ~ нормы 130;
~ ~ ~ 259;
~ ~ ~ обычной 140
отклонения видимые 164;
~ от канонической фор-
мы 163;
~ ~ нормы 129, 152
отношение 42, 44—45,
118, 342, 370;
~ двухместное 337;
~ диагностическое 32;
~ дополнительное 340;
~ дополнительности 41,
47—48, 50, 53—55, 309, 311;
~ естественное 49;
~ к времени 108;
~ ~ ориентиру 261;
~ локативное 90;
~ ~ постоянное 90;
~ между объектом и его
дополнителем 309;
~ ~ узлами сети 285;
~ ~ частью и целым 43,
45, 55, 65;
~ меререологическое 41,
65;
~ новое 340;
~ окказиональное 347;
~ посессивное 47, 339,
346, 360, 399;
~ посессивное ♦ интер-
претация 344;
~ ~ объект 36;
~ ~ описание 346;
~ постоянное 90;
~ постоянное ♦ выраже-
ние 90;
~ представимое 42, 65;
~ принадлежности 404;
~ пространственное по-
стоянное 93;
~ референциальное 192;
~ семантическое 335;
~ сильное прагматиче-
ски 340;
~ спецификации 377;
~ стандартное 29;
~ топологическое 94;
~ фиксированное дено-
тативно 42;
~ часть-целое 40—47, 50,
53—57, 65, 90, 309
отношение ♦ восприя-
тие 56;
~ выражение 56;
~ представимость 41;
~ фиксированность 40;
~ член второй 47
отношение_{2.1} человека к
предмету 161
отношение_{2.2} 205;
~ неоднозначное 101
отношения 355, 382;
~ актантные 346;
~ иерархические 273;
~ логические 140;
~ между людьми 149;
~ ~ множеством и его
элементами 39;
~ ~ целым и его частями
39;
~ ~ частью и целым 46;
~ ~ частями и целыми 65;
~ меререологические 39—40;

- ~ представимые 43–44, 65;
~ пространственные 255, 399;
~ пространственные ♦ описание 379;
~ родо-видовые 237;
~ родственные 337;
~ с целым-животным 43;
~ ~ целым-человеком 43;
~ семантические сложные 335;
~ семейного сходства 365;
~ таксономические 405;
~ тождественности 40;
~ транзитивности 40;
~ человеческие положительные 228;
~ элемент-множество 40
отношения ♦ класс промежуточный 309;
~ типы 377;
~ участники 33
отношения₂ искренние 231;
~ человеческие 227, 231
отрезки времени 80
отрезки ♦ цепь 276
отрезок 247, 250;
~ времени 80, 247, 276;
~ действия 247;
~ одиночный 276;
~ пограничный 246, 250;
~ пространства 276;
~ пути 247
отрицание 3, 4, 64, 318
отрицание ♦ воздействие 64;
~ действие ♦ сфера 63;
~ контекст 373;
~ оператор 63
отрицательное 393
отсутствие ограничителей 99;
~ тепла 223
отсчёт ♦ система функциональная 130
оттенки 175
оттенок 176, 185;
~ искусственный 184;
~ сложный 175;
~ фокусный 193;
~ цвета 178;
~ яркий 184
отторжимость 55
охват 286–287;
~ дистантный 286
оценка 61, 106–107, 166, 204, 214, 397;
~ величины предмета 129;
~ информации 61;
~ объекта 162;
~ отрицательная 104, 166, 180, 182–184, 187–189, 204–205, 208, 223, 229, 232, 234, 309;
~ положительная 203, 205, 210, 222–223, 229–232;
~ субъективная 214;
~ температуры 232;
~ этическая 100
оценка ♦ ненаследственность 223;
~ прилагательные 107;
~ семантика функциональная 399
ощущение 22;
~ внутреннее 86;
~ ненаблюдаемое 86;
~ приятное 220, 231;
~ ~ человеку 219;
~ согревающее 220;
~ субъективное 220
ощущения 231;
~ нетактильные 217;
~ приятные 219;
~ ~ человеку 230;
~ пространственные 380;
~ тактильные ♦ восприятие 81
ощущения ♦ локализация 403
палитра цветовая 17
пара зрительная 362
пара ♦ элемент 261
параметр 127, 129, 132, 277;
~ антропоцентричный естественный 216;
~ количественный 146;
~ объекта 129;
~ размера объекта 139;
~ температуры поверхности 216;
~ толщины 123, 133
параметр ♦ значение 146;
~ увеличение 129
параметры 14, 118, 128, 162, 194, 195, 203, 214, 274, 279, 324;
~ внешние конкретные 148;
~ временные встроенные 203;
~ дополнительные ♦ набор 274;
~ исходной формы 167;
~ исходные 122;
~ количественные 211;
~ линейные 141;
~ подвижные 273–274;
~ подвижные ♦ анализ 276;
~ семантические устойчивые 273;
~ ситуации 359;
~ устойчивые 273, 282–283;
~ фиксированные 128;
~ формы объекта 163;
~ цветовые 195;
~ человеческие 349
параметры ♦ значения 194;
~ набор исходный 359;
~ реализация 280
партиципant одушевлённый 384
пациент 76, 345–346, 370, 387
передача₁ объекта 328
передача₁ ♦ объект 36
передача₂ информации 392;
~ сигнала 392
передвижение 314, 390, 392
перемена местоположения 389–390;
~ состояния 389–390
перемещение 36, 275, 278, 321, 329, 380–381;
~ бесконтактное 278;
~ ненаправленное 312;
~ объекта дарения 36;
~ самопроизвольное 315;
~ человека пешее 374
перемещение ♦ глаголы 391, 406;
~ конструкция 390, 391;

- ~ процесс 391;
 ~ свобода 305;
 ~ способ 391
пересечение плоскостей 131
периметр 254
период 80, 243;
 ~ времени 80, 89, 152, 220, 243, 246–249;
 ~ долгий 80;
 ~ измеряемый 80
периоды времени 83, 152, 216–219, 224, 228, 246, 248, 317;
 ~ длительные ♦ названия 248
периоды ♦ длина фиксированная 26
периферийность 75
персонажи отрицательные 186
питьё 187, 215–216, 235;
 ~ холодное 235
пища 21;
 ~ горячая 226;
 ~ добротная 187;
 ~ испорченная 188;
 ~ твёрдая 221
плавание 194, 314
пластины 156
плоды 182–183;
 ~ зрелые 182;
 ~ растущие 188
плоскости 131, 165, 256, 286;
 ~ вертикальные 158
плоскость 252, 254;
 ~ боковая 261;
 ~ вертикальная 261, 263, 268;
 ~ видимая ♦ границы 160;
 ~ горизонтальная 125, 268;
 ~ задняя 261;
 ~ обширная 286;
 ~ передняя 261;
 ~ повёрнутая вертикально 123, 132
плоскость ♦ протяжение 119;
 ~ смещение 164
поверхности 15, 27, 49, 51–52, 121, 139, 153, 157–158, 163, 214, 219, 221, 223, 237, 241–242, 252;
 ~ бесформенные 156;
 ~ боковые 252;
 ~ вертикальные 51–52, 164–165;
 ~ ~ не прямые 157;
 ~ ~ прямые 157;
 ~ верхние 51;
 ~ вытянутые 123, 139, 245;
 ~ горизонтальные 256;
 ~ две 265;
 ~ две ♦ контакт 302;
 ~ ~ скрепление 306;
 ~ металлические 237;
 ~ ~ нагретые 218;
 ~ нижние 51–52;
 ~ обычные 156;
 ~ ограниченные краями 155;
 ~ ограничивающие пространство 122;
 ~ окружающие 242;
 ~ опорные 52, 267;
 ~ ~ две 53;
 ~ ~ значимые 137;
 ~ ~ нижние 52;
 ~ ориентированные вертикально 156;
 ~ разные 161, 287;
 ~ скреплённые просто 304;
 ~ соприкасающиеся 52–53;
 ~ ~ обе 52;
 ~ холодные 222
поверхности ♦ названия 250
поверхности-пространства бескрайние 139
поверхность 15, 27, 43, 52–53, 94, 125, 131, 143, 148, 153, 155–156, 161, 236, 241–243, 250–252, 266, 286, 310–312, 351, 379;
 ~ боковая 242, 252;
 ~ ~ вытянутая 154;
 ~ ~ круглая 161;
 ~ боковая ♦ граница 252;
 ~ вертикальная 52, 133;
 ~ ~ внешняя 114;
 ~ ~ внутренняя 133;
 ~ верхняя 52–53, 155, 241–242;
 ~ ~ горизонтальная 52;
 ~ ~ круглая 161;
 ~ видная 161;
 ~ внешняя 49, 133–134, 137;
 ~ внутренняя 114, 133;
 ~ вся 164, 253;
 ~ вытянутая 123, 126, 158;
 ~ горизонтальная 126, 164;
 ~ двери 241;
 ~ ёмкости 373;
 ~ защищающая 133;
 ~ земли 122, 124, 137, 142, 151, 215;
 ~ земная 149;
 ~ значимая функционально 241;
 ~ исходная 156;
 ~ контактная 265;
 ~ кривая 164;
 ~ моря 93;
 ~ наружная 51, 115, 133;
 ~ наружная ♦ цвет 190–191;
 ~ неподвижная почти 194;
 ~ нижняя 52, 131;
 ~ ~ опорная 52;
 ~ обозримая 251;
 ~ объекта 164, 242;
 ~ ограниченная 159;
 ~ озера 241; ~ опор 142;
 ~ опорная 52, 122;
 ~ ~ верхняя 51–52;
 ~ опоры 127;
 ~ повёрнутая* вертикально 126;
 ~ пограничная 253;
 ~ протяжённая 251;
 ~ протяжённая ♦ граница 241;
 ~ ровная нормальная 135;
 ~ сохраняющая тепло 236;
 ~ стола 241;
 ~ тарелки 242;
 ~ твёрдая 20;
 ~ функциональная 133;
 ~ ~ видимая 148;
 ~ цельная 303

- поверхность** ♦ граница 242;
~ край 155;
~ периметр весь 254;
~ стороны 254;
~ температура 216, 237;
~ форма 156
погода 220, 225
подарок 36
подарок ♦ адресат 36;
владелец 36;
~ даритель 36
позиция наблюдателя 181
позиция ♦ глаголы 402
полнота состояния 151
положение 25, 49, 70, 75, 123, 126, 165, 239, 244, 254, 258–260, 264, 266, 289, 291–293, 296, 298, 309, 312, 363;
~ вертикальное 261–262, 289;
~ горизонтальное 261, 264–266, 288–289, 294;
~ дистантное 261;
~ естественное наиболее 254;
~ заданное 122;
~ ~ жёстко 50;
~ закреплённое 84;
~ значимое функционально 294;
~ конечное 135;
~ контактное 261, 265;
~ лежащее 295;
~ маркированное 264;
~ наблюдаемое реально 73;
~ начальное 84;
~ независимое 361;
~ нейтральное 232;
~ недвижимое 291;
~ неправильное 263;
~ нефункциональное 295;
~ обычное 264, 294;
~ перевёрнутое 131, 263–264, 295;
~ серединное 135;
~ сидячее 300;
~ сложенное 305;
~ стабильно-прочное наиболее 295;
~ стабильное 81;
~ стандартное 28;
~ фиксированное 122, 299, 306;
~ характерное 296
положение ♦ неизменность 300
положение₂ подчинённое 343
положения 289, 296;
~ обычные 289;
~ промежуточные 289;
~ разные 289, 299
полости нефункциональные 132
полость 131
полосы 157, 245
полушария 158
пользователь 132, 134, 338–339, 351
помещение 89–90, 138, 225, 263, 281;
~ большее 89;
~ меньшее 89
помещения 137, 216–219, 221, 223, 225, 235
помещения ♦ названия 157;
~ поведение 219;
~ температура 220
понимание 393
посессивность 4, 335–336, 341, 398, 402
посессор 58, 329, 332, 341, 344–347;
~ новый 329
посессор ♦ валентность 341;
~ ~ факультативная 341;
~ выбор ♦ механизм 344;
~ роль 347; ~ смена 328;
~ смена ♦ мотивировка 331;
~ ~ предикат 330;
~ ~ ситуация 333;
~ ~ схема 332
постройка хозяйственная 95
постройки 219
посула 121, 124, 173, 214, 263, 342;
~ новая 294
превращение 389
предикативность 115
предмет 54, 245;
~ vs. ситуация 350;
~ ~ существо 17;
~ большой 127–128;
~ всякий 169;
~ горизонтальный 294;
~ данный 114;
~ длинный 20;
~ дополняющий* другой предмет 50;
~ другой 120;
~ как ориентир 239;
~ конкретный 2;
~ круглый менее 293;
~ круглый ♦ виды 377;
~ летящий вверх 85;
~ независимый отдельный 299;
~ неодушевлённый 49;
~ нитеобразный 54;
~ обозначаемый 52;
~ ориентированный относительно другого предмета 370;
~ полый 126;
~ посторонний 311;
~ ~ неуместный 311;
~ разноцветный 195;
~ соответствующий 30, 35;
~ твёрдый 114, 218;
~ тонкий 20;
~ удалённый 240;
~ школьный 162
предмет ♦ величина ♦ оценка 129;
~ высота 126;
~ измерения 120;
~ имя 169;
~ использование 114;
~ норма индивидуальная 129;
~ образ языковой 351;
~ ориентация 264;
~ параметры 127;
~ поверхности 52;
~ ~ вертикальные 51;
~ ~ верхние 51;
~ ~ нижние 51;
~ поверхность 123;
~ положение 239;
~ признаки независимые 25;
~ размер 122;

- ~ размеры отдельные 118;
 ~ свойства 212, 351;
 ~ состояние рабочее 54;
 ~ структура внутренняя 126;
 ~ форма 49, 120, 136, 152, 317;
 ~ ~ внешняя 126;
 ~ ~ объективная 161;
 ~ функция 130;
 ~ ~ агентивная 116;
 ~ ~ стандартная 324;
 ~ характеристики температурные 237;
 ~ ~ топологические 257
предмет₂ ума 148
предметность 118
предметы 116, 139;
 ~ vs. ситуации 231;
 ~ бесформенные 129;
 ~ веревкообразные 127;
 ~ вытянутые 316—317;
 ~ ~ вертикально ♦ конфигурация жёсткая 127, 141;
 ~ ~ полые 123;
 ~ вытянутые ♦ конфигурация жёсткая 127;
 ~ гибкие 127;
 ~ другие 239;
 ~ изображённые ♦ контуры 24;
 ~ конкретные ♦ имена 77;
 ~ круглые 129;
 ~ личного обихода 47;
 ~ мебели 121, 124;
 ~ находящиеся высоко 137;
 ~ некоторые 294;
 ~ неодоушевлённые два 302;
 ~ неподвижные 313;
 ~ одежды 51, 180, 310;
 ~ ориентированные горизонтально 295;
 ~ отдельные два 47;
 ~ парные ♦ названия 70;
 ~ посторонние 309;
 ~ раскалённые 218;
 ~ шарообразные 129
предметы ♦ группы 49;
 ~ имена 93, 301;
 ~ классификация 55;
 ~ контакт 302;
 ~ конфигурация фиксированная 136;
 ~ место 48;
 ~ окружение 239;
 ~ ориентация в пространстве 17;
 ~ пара соответствующая 50;
 ~ положение 49, 293;
 ~ расположение 52;
 ~ ~ взаимное 53;
 ~ соположение 49;
 ~ функционирование 113
презумпция 63—64, 279, 405
препятствие 146, 149, 165, 279, 284, 287, 297;
 ~ естественное 287;
 ~ непреодолимое 149
препятствие ♦ типа 278
пресмыкающиеся 186, 188
прибор осветительный 191;
 ~ специальный 213
приборы нагревательные 215, 222, 235;
 ~ устаревшие морально 202, 205
прибытие 318
прибытие ♦ глаголы 374;
 ~ контексты 319;
 ~ ситуация 318—319
признак 195;
 ~ временный 108;
 ~ различительный 171—172;
 ~ существенный 383;
 ~ таксономический 71
признак-спонсор 384
признаки временные 108;
 ~ независимые отдельные 25;
 ~ постоянные 108
прилагательные качественные 170
принадлежности постельные ♦ класс 236
принадлежность 92, 335;
 ~ административная 343;
 ~ географическая 96;
 ~ национальная 96, 343;
 ~ национальная ♦ имена 343;
 ~ неотторжимая 400;
 ~ профессиональная 62
принадлежность ♦ отношение 404
природа живая 182;
 ~ неживая 168;
 ~ объектов 131;
 ~ основной ситуации ♦ изменение 276;
 ~ отношения часть-целое 56
причина 201;
 ~ внешняя непосредственная 318;
 ~ основная 108;
 ~ состояния 276
причины 298
произведение 17;
 ~ искусства 202—203, 237, 340, 351
производитель действия ♦ названия 407
промежуток длинный 80
пространства 27, 79, 125, 159, 163, 168, 183, 217, 219, 235, 247, 250;
 ~ безграничные 94, 123, 128;
 ~ бесконечные 127;
 ~ бескрайние 139;
 ~ замкнутые 383;
 ~ занимаемые 180;
 ~ ментальные 393;
 ~ чужие 219
пространства ♦ имена 124;
 ~ названия 89, 216, 218, 235;
 ~ поведение 219;
 ~ температура 220;
 ~ языки 399
пространство 2, 6, 17, 25, 27, 38, 79, 81, 85, 89, 93—94, 121—123, 125, 126, 128, 131—132, 141, 151, 154, 165—166, 172—173, 217, 224, 229, 239, 246—247, 250, 256—258, 260, 264, 273—275, 279—280, 289, 291—293, 296, 299, 301,

- 303, 305—306, 308—309, 312, 315, 351, 362, 369, 374, 380, 391, 414;
~ большое очень 94;
~ замкнутое 381, 383;
~ заполненное 280;
~ когнитивное единое 20;
~ ментальное 393;
~ обширное 94;
~ огромное 95;
~ окружающее 16, 217, 228, 239, 240;
~ трёхмерное 405;
~ физическое 141, 143;
~ языковое 361
- пространство** ♦ восприятие ♦ модель научная 240;
~ имя 235;
~ картина языковая 256;
~ модели 407;
~ модель топологическая 131;
~ ~ языковая 257, 399;
~ образ 220;
~ организация 368;
~ отображение 18;
~ отрезок 276;
~ представление языковое 257;
~ рамки 301;
~ семантика 361;
~ схематизация 360;
~ точка данная 172;
~ участки 278;
~ ~ два 275;
~ участок 278;
~ фрагмент 243;
~ ~ объёмный 245
- прототип** зрительный 290
- прототипы** цветовые 195
- протяжение** 119;
~ нескольких периодов 248;
~ ситуации 200
- протяжённость** 135;
~ большая 118—119;
~ малая 118;
~ объекта снизу вверх 146
- профессии** морские ♦ названия 93;
~ настоящие 207;
~ престижные 92;
~ творческие 207
- профессии** ♦ имена 207, 342—343
- профессия** 61
- профили** 373
- профиль** 65, 164, 172, 362, 369—372, 374, 382, 392;
~ процесса 370;
~ ситуации 391
- профиль-база** 372
- процесс** 130, 181, 183, 247, 256, 276, 322, 327, 339—341, 348, 360, 368;
~ динамический 274;
~ измерения 132;
~ использования 16, 114, 132, 170, 349;
~ ненаблюдаемый 85;
~ неоднородный 276;
~ неопредельный 391—392;
~ окраски 181;
~ ориентирования 255;
~ преодоления 247;
~ развития 326;
~ роста 182;
~ созревания 182;
~ функционирования 113—115, 134, 170, 191, 237, 295, 349;
~ чтения 247
- процесс** ♦ глаголы 372;
~ изображение 369;
~ имя 247;
~ незавершенность 182
- процессы** неконтролируемые 69
- процессы** ♦ интенсивность 146
- прошлое** 199, 205
- проявление** болезни 185;
~ внешнее 101;
~ максимальное 96;
~ эмоций 185
- проявление** ♦ степень 224;
~ ~ максимальная 96
- проявления** 373;
~ внешние 100;
~ интенсивности 228;
~ отрицательные 99;
~ положительные 99;
~ чувств внешние специальные 149
- прямоугольник** плоский 134
- птица** 194, 365—366;
~ частотная наиболее 365
- птица** ♦ вид 338, 366
- птицы** 21, 296, 299, 314;
~ канонические 25;
~ прототипические 365
- пункт** 159, 244, 323;
~ исходный 36, 274, 386;
~ ~ движения 245;
~ ~ ~ взгляда 244—245;
~ ~ движения ♦ роль 333;
~ исходный ♦ позиция 316;
~ конечный 36, 274, 277, 282—284, 317, 321—322, 381—382;
~ ~ движения 274, 283, 380;
~ ~ ~ абстрактного 322;
~ ~ ~ взгляда 244;
~ ~ движения ♦ наличие 282;
~ ~ передачи объекта 329;
~ конечный ♦ роль 276;
~ назначения 245;
~ населённый крупный 343
- пункты** 159
- путь** 5, 79—80, 163, 287, 296—297, 379, 382, 390, 397, 407;
~ движения 321;
~ следования 360
- путь** ♦ конец 282, 318, 382;
~ конструкция 390;
~ начало 316
- различия** топологические 242
- размер** 2, 6, 38, 48, 68, 106—107, 115, 118, 120, 122—123, 126—131, 133, 136, 142, 153, 160, 173, 178, 233, 236, 237, 257, 260, 321, 348—349, 361;
~ маленький 249;
~ человеческий ♦ объект 349
- размер** ♦ антропоцентричность 133;

- ~ норма 130;
 ~ обозначения ♦ семантика 120;
 ~ параметр 139;
 ~ прилагательные 8, 107, 118–119, 127–130, 131, 138, 140–141, 152, 166, 232, 238, 361;
 ~ семантика 118
размеры 14, 49, 51, 120, 126–127, 129, 130, 133, 138–140, 295;
 ~ большие 114, 133;
 ~ внешние 119;
 ~ конечные 128;
 ~ линейные 123, 127–128;
 ~ нефиксированные 293;
 ~ отдельные 118;
 ~ постоянные 130;
 ~ промежуточные ♦ установление 140;
 ~ разные 128;
 ~ уменьшенные 249
размеры ♦ антропоцентричность 148;
 ~ описание 359;
 ~ описание ♦ система 126;
 ~ семантика 361;
 ~ система 136;
 ~ ~ языковая 121;
 ~ уменьшение 139;
 ~ ~ простое 249
разрушение 46–47
расположение взаимное естественное 310;
 ~ ~ фиксированное 53;
 ~ горизонтальное 293;
 ~ двух предметов 52;
 ~ дистантное 143, 149, 151, 266;
 ~ контактное 265–266;
 ~ пространственное 117;
 ~ устойчивое 310;
 ~ фиксированное 117
распорядок движения 314
расстояние 132, 142, 151, 265, 277, 361;
 ~ большое 143, 146;
 ~ далекое 142;
 ~ значительное 148
растение ♦ цвет 180
растения 68, 180, 181, 183, 241, 386;
 ~ живые 183;
 ~ живые ♦ описание 182;
 ~ культурные 342
растения ♦ корни 125;
 ~ плоды 182;
 ~ увядание 183
растительность 180, 181, 187, 189
реакции 228;
 ~ активные 228;
 ~ интенсивные 231;
 ~ искренние 230–231;
 ~ моторные 380;
 ~ поведенческие 146;
 ~ человеческие 227–228, 231;
 ~ ~ положительные 228
реакция 230;
 ~ быстрая 227;
 ~ скорая 227
результат 182, 390;
 ~ бурения 143;
 ~ воздействия 386;
 ~ движения 143, 282;
 ~ деформации 167;
 ~ деятельности 386;
 ~ неправильный 260;
 ~ ситуации 87, 322;
 ~ события 202
результат ♦ достижение 182;
 ~ имена 344;
 ~ имя 226
рейки круглые 160
рема 321, 368
рематичность 208
реципиент 325, 328–330, 351, 371
реципиент ♦ валентность 328, 335
речь ♦ глаголы 374
родство ♦ имена 207, 209, 336–337, 339, 342
роли неагентивные 116
роль агентивная 346;
 ~ локативная 89;
 ~ пациентная 117;
 ~ слабо-агентивная 346
ряд числовой 146
свойства 16, 20, 25, 32, 349, 351;
 ~ акцентированные контекстом 350;
 ~ важнейшие 239;
 ~ вненациональные 104;
 ~ временные 232;
 ~ детские 103;
 ~ душевно-мягкие 100;
 ~ конечной точки 320;
 ~ концепта 367;
 ~ мужские 103;
 ~ набирающие силу со временем 207;
 ~ наций 95;
 ~ национальные 104;
 ~ нейтральные 223;
 ~ объекта 118, 251, 340;
 ~ объектов 15, 349;
 ~ отрицательные 223;
 ~ положительные 223;
 ~ постоянные 33, 210, 232;
 ~ постоянные ♦ имена 208;
 ~ пространственные 268;
 ~ прототипические 366;
 ~ птичьи 365;
 ~ разные 212;
 ~ реального мира 26;
 ~ референциальные 366;
 ~ ситуации 86;
 ~ сиоминовые 232;
 ~ сменные 209;
 ~ содержательные 59;
 ~ столичные 102;
 ~ топологические 274, 291, 296;
 ~ топологические ♦ инвентаризация 268;
 ~ фигур 369;
 ~ физические 106–107;
 ~ фона 369;
 ~ функциональные 172;
 ~ характерные 178;
 ~ человеческие 107;
 ~ экстралингвистические 168;
 ~ эмоций 151;
 ~ яркие 100
свойства ♦ концентрация 152;
 ~ множество 16, 32;
 ~ совокупность 212
свойство 37, 43, 58, 99–100, 114–115, 170, 200, 207, 223, 350;

- ~ градуируемое 211;
~ естественное 368;
~ изменяющееся во времени 208;
~ иметь цвет 168;
~ креативных имен 202;
~ лабильности 37;
~ неживой природы 168;
~ объектов 165;
~ постоянное 113, 171, 209, 211, 235;
~ прогрессирующее со временем 211;
~ семантическое 87;
~ характеризующее 209;
~ части 167
- свойство** ♦ перенос* 167
- связи** пространственные 379
- середина** 99;
~ дороги 244;
~ золотая 99;
~ поля 253
- сидение** 124, 131
- сидение** ♦ глаголы 305
- сиденье** дивана 134;
~ кресла 132
- система** зрительная 14;
~ измерительная ♦ формирование 130;
~ мереологическая 65;
~ отсчёта функциональная 130;
~ температурная 216
- ситуации** 28, 33, 45, 132, 197, 200, 222, 239, 255, 263, 266, 280, 292, 301–302, 307–309, 332, 351, 362, 383;
~ абстрактные 379;
~ динамичные 304;
~ знакомые 374;
~ зримые простые 85;
~ локативные 292;
~ напряжённые более 230;
~ негомогенные 248;
~ отмеченные 119;
~ прагматические специальные 317;
~ речевые конкретные 244;
~ статичные 304;
~ целевые 364
- ситуации** ♦ актанты
неодушевлённые 333;
~ группы 307;
~ имена 345–346;
~ классы 85;
~ множественность
принципиальная 35;
~ множество 350;
~ несимметричность
семантическая 318;
~ описание 299;
~ параметры 274; ~ типы 274
- ситуация** 17, 29, 31, 33, 35–36, 46, 57, 62, 72, 75, 78, 81–82, 85, 87, 90, 94, 111, 114, 116, 135, 145, 149, 151–152, 161, 171, 184, 190, 194, 195, 197, 201–202, 216, 227, 231–232, 253, 257, 259, 261–262, 265, 274–276, 279, 280, 283–284, 286–287, 290, 293, 295–296, 301, 304–306, 308–309, 314, 317–319, 326, 328, 330, 333, 340, 342, 346, 350, 359, 367–368, 381, 384, 391–392;
~ антропоцентричная 305;
~ внешняя 56;
~ внеязыковая верная 356;
~ ~ описываемой 264;
~ внеязыковая ♦ структурирование 385;
~ денотативная 200;
~ деятельности 78;
~ динамическая 84;
~ жизненная 132;
~ естественная 78, 132;
~ зрительная 317;
~ итеративная 276;
~ каноническая 307;
~ конкретная 37, 310, 344;
~ конкретная ♦ сценарий 393;
~ маргинальная 314;
~ многогранная 36;
~ множественная 200;
~ невидимая 86;
~ неправильная 311;
~ нестандартная 216, 311;
- ~ нормальная 115, 117, 133, 391;
~ обычная 114;
~ ограниченная строго 199;
~ однократная 276;
~ основная ♦ природа 276;
~ прагматическая 57, 317, 344;
~ простая 318;
~ рабочая 218;
~ стативная 84;
~ тактильная 216;;
~ фоновая 282;
~ языковая реальная 189
- ситуация** ♦ возникновение 346;
~ восприятие 276, 281;
~ грани 359;
~ имена отглагольные 344, 347;
~ интерпретация 116;
~ компонент посессивный 329;
~ концепт 303;
~ моделирование 319;
~ наблюдатель ♦ роль 387;
~ неконтролируемость ♦ ощущение 86;
~ описание 288;
~ ориентир внешний 259;
~ параметры 359;
~ понимание 30;
~ представление 321;
~ причины стандартные 331;
~ протяжение 200;
~ результат 87, 322;
~ свойства ненаблюдаемые 86;
~ субъект 333;
~ ~ одушевлённый 305;
~ участник 329;
~ ~ активный 333;
~ участники 142, 371;
~ участники ♦ свойства 274;
~ ущербность 311;
~ характеристика 367;
~ ~ внутренняя 85;
~ характеристики сложные 85

- склонности** 107
скорость 26, 84–85, 106, 146
скот 21–22
скотина 20–24
скоты 21, 23
слои 135, 317
слой 124, 132, 144, 151–152;
 ~ вещества 142
слух 100, 375
смерть 98, 386
смещение 164–165;
 ~ объекта 164–165
событие 37, 166, 202, 368, 370, 386, 397
событие ♦ место 166;
 ~ период 243
события 25, 197, 317, 331;
 ~ систематические менее 332;
 ~ точечные 69
совокупение ♦ момент 197
совокупность изделий 71
согласование геометрическое ♦ правило 52–53
содержание письма 61
создание ♦ момент 209;
 ~ процедура 323;
 ~ процесс 339–340
создатель 202, 340, 351
сообщение 375
соотношение дистантное 261;
 ~ контактное 261;
 ~ пространственное 311
состояние 139, 237, 300;
 ~ горячее 215;
 ~ ~ внутренне 215;
 ~ дел 36;
 ~ длящееся неограниченно 202;
 ~ естественное 50;
 ~ конечное ♦ причина 276;
 ~ локализованное ♦ глаголы 58;
 ~ локативное 259–260, 288;
 ~ настоящее 256;
 ~ неконтролируемое 297;
 ~ неподвижное 300;
 ~ нерабочее 293, 311;
 ~ объекта 200, 218, 307;
 ~ подвешенное 264;
 ~ покоя 6;
 ~ последующее 202, 370;
 ~ прежнее 200;
 ~ приятное 222;
 ~ рабочее 50, 51, 54, 191, 296, 298;
 ~ расплавленное 234;
 ~ результативное 322;
 ~ результативное ♦ идея 226;
 ~ результирующее 370;
 ~ субъекта 304;
 ~ температурное 236;
 ~ целого 58;
 ~ части 58
состояние ♦ изменение 275;
 ~ имена 36;
 ~ каузация ♦ глаголы 259;
 ~ неизменность 300;
 ~ нелокализованность 50;
 ~ перемена 389–390;
 ~ фиксированность 300
состояния 69, 145, 151, 306, 370;
 ~ локативные 289;
 ~ неподвижные окказиональные 292;
 ~ среды окружающей 151;
 ~ устойчивые 304;
 ~ физические 151;
 ~ человеческие ♦ шкала метафорическая 231
состояния ♦ смена 382;
 ~ ~ последовательная 370
спектр 177;
 ~ температурный 235;
 ~ ~ ограниченный 221;
 ~ цветовой 173, 175;
 ~ цветовой ♦ участки 176;
 ~ ~ часть холодная 234
спектр ♦ волна 177;
 ~ зона теплая 214;
 ~ цвета 189;
 ~ часть 179;
 ~ ~ красная 176
специфика качественная 90
спина 258
способ движения 85, 312, 314–315, 391;
 ~ перемещения 391;
 ~ функционирования 114, 351;
 ~ ~ естественный 130
способы движения конкретные 312
сравнение 85
сравнение ♦ (контексты) 87;
 ~ выражение 83;
 ~ степени 32, 106;
 ~ степень 32, 106;
 ~ творительный 74–75, 77–78, 82–87, 406
сравнения 85
среда 194, 283, 303, 351;
 ~ движения 283;
 ~ окружающая 217;
 ~ ~ человека 240;
 ~ окружающая ♦ сопротивление 283;
 ~ ~ состояния 151;
 ~ ~ температура 225;
 ~ плотная 303–305
среда ♦ сопротивление 283;
 ~ типы 280
средства передвижения 390;
 ~ ~ воздушные 314;
 ~ транспортные 78, 83, 173, 313;
 ~ ~ окказиональные 79
средство 390;
 ~ передвижения 80;
 ~ транспортное 79, 323, 391;
 ~ транспортное ♦ творительный 79, 80
средство ♦ роль 78;
 ~ творительный 75, 77, 83
срез объёмный 256
срок 205;
 ~ жизненный 199, 200, 204;
 ~ жизни 200, 203, 205, 208, 213;
 ~ истощения ресурса 205
срок ♦ конец 200
стадия 182;
 ~ конечная 182;
 ~ начальная 182;
 ~ процесса 182
статика 151
стенка задняя 131

- стержень** 154, 290;
~ идеальный 154;
~ круглый 160;
~ увеличенный сильно 246
- стержни** 153–155, 158;
~ вертикальные 154;
~ непрямые 155;
~ ушербные 154
- стимул** 276
- стóроны** 307
- сторона** 164, 249, 265, 313, 372;
~ внешняя 265;
~ внутренняя 266;
~ длинная 134;
~ другая 244;
~ конечной точки 320;
~ наружная 265;
~ наша 316;
~ относительно оси 165;
~ противоположная 281;
~ рабочая 134;
~ эмоциональная 229
- сторона₂** внешняя 101;
~ временная 247;
~ звуковая 392
- структура** вещи 16;
~ звука 248;
~ мира 295;
~ ~ горизонтальная 295;
~ объекта сплошная 280;
~ объектов сложная 67;
~ предмета 126;
~ тела 262
- структура** ♦ части 295
- субъект** 36, 84, 194–195, 277, 304, 317, 329–330, 332;
~ активный 386;
~ воспринимающий 276;
~ движения 318;
~ движущийся 283;
~ действия 339;
~ контролирующий ситуацию 384;
~ одушевлённый 302, 335, 384;
~ ситуации 305, 333;
~ состояния 304
- субъект** ♦ достижения 330;
~ местонахождение 301;
~ положение фиксированное 306;
~ расщепление 268;
~ фиксированность 301
- субъекты** неодушевлённые 301–302;
~ предметные 302
- существа** живые 123, 144, 167–168, 236, 296, 338, 168
- существо** безжизненное 187;
~ враждебное 145;
~ живое 79, 104, 186, 209, 338, 342, 344;
~ человеческое 17
- сущности** абстрактные 145
- сущность** абстрактная 145
- сфера** городская 92;
~ личная 16;
~ психическая 145;
~ чувственная 229
- сходства** 107
- таблица** цветовая ♦ клетка 179
- табличка** цветовая 193
- таксономия** 6, 39, 74, 200, 351;
~ народная 186
- тактильность** 216–217, 223
- тело** 41, 265, 374;
~ материальное 169;
~ мёртвое 295;
~ человеческое 216, 221, 225, 234, 258, 380;
~ ~ здоровое 190;
~ человеческое ♦ движения 379;
~ ~ температура 215, 219–220, 222, 225, 231–232;
~ ~ топология 258;
~ ~ части 258, 338
- тело** ♦ изгиб 143;
~ ориентация 81;
~ протяжение 119;
~ структура 262;
~ температура 215–216, 219, 221;
~ части 40–42, 46, 58, 80–81, 218, 225, 229, 250, 258, 260–261, 338, 344, 383;
~ ~ неподвижные 83;
~ ~ отрастающие 47;
~ ~ подвижные 81;
~ ~ удлинённые 243;
~ части ♦ названия 225, 258, 336;
~ часть 261;
~ ~ отдельная 266;
~ часть ♦ состояние 58
- температура** 6, 26, 38, 146, 150, 213, 215–217, 219–222, 224–226, 231–233, 237–238, 349, 168;
~ абсолютная 221;
~ воспринимаемая опосредованно 222;
~ высокая 214, 216–218, 220–221, 224, 234;
~ горячая 215–216;
~ индифферентная 216;
~ нейтральная 225, 233;
~ нормальная 215, 221, 225;
~ обжигающая 216, 232;
~ обычная 215;
~ окружающей среды 225;
~ относительная 224;
~ повышенная 221;
~ постоянная 221;
~ природная 220;
~ приятная 220;
~ реальная 221;
~ согревающая 220;
~ тела 215;
~ тёплая 216
- температура** ♦ прилагательные 12, 107
- температуры** ♦ шкала 214
- течение** времени 203, 207, 211, 246–247
- тип** топологический 14, 121, 131, 153, 159–160, 241–242, 246, 278, 296, 302, 361
- типы** топологические 120–121, 131, 154, 163, 289, 361;
~ форм функционально важные 15
- тождество** 380
- толщина** 16, 118, 122–123, 130, 132–133, 155;

- ~ слоя 132;
 ~ ~ вещества 142
топология 107, 126, 132, 159, 257, 258, 268–269, 287, 290–291, 293–294, 348–349, 351;
 ~ взаимная 310;
 ~ ~ индивидуальная 311;
 ~ вторичная незначимая 269;
 ~ когнитивная 385;
 ~ наивная 4;
 ~ предметная 269
точка 27, 153, 159, 243, 244, 246–247, 275, 291, 318, 380;
 ~ зрения функциональная 133;
 ~ исходная 244, 305, 318, 377;
 ~ конечная 143, 244, 245, 285, 316–317, 319–332, 382;
 ~ конца 244;
 ~ крайняя самая 249;
 ~ начала 244;
 ~ начальная 143, 318–320;
 ~ отправная 386;
 ~ отсчёта 77, 125, 209, 244, 249, 277, 349, 353, 369, 370;
 ~ пиковая 162;
 ~ пространства 172;
 ~ удалённая максимальная 369
точки две 163;
 ~ крайние 119;
 ~ отсчета 216, 349
точки ♦ соединение 159
траектория 79;
 ~ движения 79, 260, 274–275, 277, 283, 316
транзитивность 40
транспорт 313;
 ~ обычный 314;
 ~ плавающий 314;
 ~ регулярный 314;
 ~ тяжёлый очень 113
транспорт ♦ творительный 75, 79, 83
труд 207
трудность 107
углубления конечные 151;
 ~ неглубокие 151;
 ~ обычные 151
углы круглые 157
угол 361;
 ~ прямой 166
удаление 318–319;
 ~ объекта 370
удаление ♦ глаголы 318, 320;
 ~ значение 318;
 ~ контексты 319;
 ~ ситуации 318
узор ♦ фон 191
условия естественные 221;
 ~ природные 221
устройства 218;
 ~ согревающие-охлаждающие 235
устройство 389;
 ~ внутреннее 120;
 ~ мира 11, 28;
 ~ перцептивного аппарата 363;
 ~ человека 14
участки 149, 176, 278
участники ситуации 274
участок 132, 278, 298, 332
фаза 200, 274;
 ~ следующая 200
фазы 200, 274;
 ~ отдельные 87;
 ~ различные качественно 274
фазы ♦ повторение 200
факт 397;
 ~ vs. процесс 369
фигура 39, 192, 302–303, 368;
 ~ vs. фон 304;
 ~ ~ ~ неодушевлённые 304;
 ~ ~ фон ♦ контакт 302–303;
 ~ ~ ~ контакт ♦ степень 303;
 ~ ~ ~ поверхности 304;
 ~ ~ ~ противопоставление 52;
 ~ ~ ~ свойства 369;
 ~ ~ ~ типы 369
фигура ♦ погружение 303;
 ~ свойства 369;
 ~ фиксированность 302, 303;
 ~ ~ жёсткая 304;
 ~ фиксированность ♦ степень 303
физика 120
физиология 233
фон 192, 220, 280–281, 302, 304, 368–369;
 ~ vs. фигура 192, 304, 367;
 ~ ~ ~ неодушевлённые 304;
 ~ ~ фигура ♦ контакт 303;
 ~ ~ ~ трёхмерный 302;
 ~ ~ ~ поверхности 304;
 ~ ~ ~ противопоставление 52;
 ~ ~ ~ свойства 369;
 ~ ~ ~ типы 369;
 ~ общий 191;
 ~ семантический 362;
 ~ узора 191;
 ~ характерный 369
фон ♦ цвет 191–192
фон-контейнер 305
фон-фигура 370
фон / среда движения 280
форма 2, 6, 14, 15, 25, 31, 51, 68, 117–118, 120, 130, 136, 138, 152, 153, 156, 160–161, 163, 165, 168, 211, 232, 237–238, 293;
 ~ визуальная 166;
 ~ внешняя 126;
 ~ вытянутая 122, 138;
 ~ денотата 245;
 ~ другая 123;
 ~ ёмкости 124;
 ~ жёсткая 154;
 ~ заданная 164;
 ~ исходная 153, 158, 159, 161, 163–165;
 ~ исходная ♦ изменение 153;
 ~ ~ параметры 167;
 ~ ~ реконструкция 159;
 ~ исходной проекции 164;
 ~ каноническая 84, 163, 166;
 ~ кольца 161;

- ~ круга 160;
~ круглая 158, 377;
~ неизвестная 128;
~ неопределённая 158;
~ неправильная 167;
~ объекта 124, 126, 140, 152, 153, 155, 159–160, 167, 364;
~ объективная 161;
~ определённая 85, 120, 123, 141, 153, 155, 159;
~ отрицательная ♦ прилагательные 162;
~ плоскостная 158;
~ поверхности 156;
~ постоянная 124, 127, 142, 159;
~ правильная 163;
~ предмета 120, 136, 317;
~ принятая 84;
~ просто 161;
~ прототипическая 163;
~ разная 153; ~ реальная 240;
~ своя 163;
~ сложная 15;
~ собственно 121, 152, 163;
~ типичная 155;
~ физическая 364;
~ фиксированная 251;
~ характерная 84–85;
~ человека 349;
~ чистая 131;
~ шара 153;
~ шарообразная 158
- форма** ♦ деформации 164;
~ изменения 164;
~ искажение 240;
~ образец 163;
~ описание 49, 257;
~ определение 164;
~ определённость 165;
~ особенность 159;
~ отклонение 164;
~ отражение 152;
~ параметры 163;
~ прилагательные 107, 153, 167, 236;
~ совершенство 102;
~ трансформации 154
- формы** простейшие 379;
~ эталонные 121
- фрагмент** 253;
~ конечный 248;
~ пространства 243;
~ ~ объёмный 245;
~ температурной шкалы 221
- фрагменты** значимые функционально 39;
~ непересекающиеся 177;
~ отдельные ♦ множество 253;
~ поверхности 253;
~ цилиндрообразные отдельные 240
- фрукт** 366;
~ прототипический 365
- фрукты** 300;
~ крупные 308;
~ прототипические 365
- функциональность** 17, 293, 296, 301, 306;
~ объектов 349
- функционирование** естественное 216, 237, 348–349
- функционирование** ♦ механизм 105;
~ особенности 113, 201;
~ процесс 113–115, 134, 191, 295, 349;
~ способ 351;
~ ~ естественный 130;
~ ~ нормальный 114;
~ тип 68
- функция** 163;
~ агентивная предметов 116;
~ объекта 305;
~ предмета обозначаемого 324
- характер** движения перцептивный 274;
~ ~ физический 274;
~ целевой 62
- характеристика** внутренняя 85;
~ возрастная 208–209;
~ качественная 84, 90;
~ общая 374;
~ объекта топологическая 125;
~ переменная 367;
~ предметов 129;
- ~ признаковая 61;
~ профессиональная 207;
~ размеров внешних 119;
~ цвета волос 185;
~ цветовая 192
- характеристики** 41, 94, 154, 169;
~ аспектуальные 107, 198, 203, 212;
~ видимые 85;
~ внешние 59;
~ ~ яркие 86;
~ временные внутренние 197;
~ встроенные 197;
~ геометрические 54;
~ значимые функционально 153;
~ индивидуальные 209;
~ качественные 92–93;
~ конкретного объекта 173;
~ несущественные 349;
~ общие 374;
~ семантические 152;
~ сложные слишком 85;
~ температурные 107, 214, 235, 237;
~ ~ собственные 237;
~ температурные ♦ смена 237;
~ топологические 241, 251, 257, 287
- цвет** 2, 5–6, 17, 25, 31, 38, 106–107, 118, 120, 168, 169–196, 213, 230, 234, 236–238, 284, 311, 349, 359, 401, 405–406, 363;
~ базовый 177;
~ базовый ♦ определение 179;
~ болезненный 185;
~ естественный 176, 185, 187, 189, 349;
~ жёлтый 184, 186–187, 189, 406;
~ зелёный 182, 186, 189;
~ красный 25;
~ неизменный 181;
~ неприятный 185;
~ нефиксированный 190;

- ~ объектов природных 195;
 ~ оцениваемый отрицательно 185;
 ~ постоянный 181, 186;
 ~ постоянный ♦ объекты 174;
 ~ природный 174;
 ~ реальный 191, 193;
 ~ редкий 185;
 ~ серый 175, 180;
 ~ синий 170;
 ~ тёмный 182;
 ~ фиксированный 171, 184, 190;
 ~ фиксированный ♦ объекты 171;
 ~ ~ прилагательные 171
цвет ♦ восприятие ♦ психология 363;
 ~ глаголы отадъективные 181;
 ~ концепт 363;
 ~ концепты языковые 168;
 ~ определение 168, 191;
 ~ признак релевантный 170;
 ~ прилагательные 8, 107, 174, 196, 350;
 ~ ~ качественные 348;
 ~ прилагательные ♦ семантика 5, 405;
 ~ ~ употребление 173;
 ~ приписывание ♦ процедура 169;
 ~ семантика сильная 168;
 ~ структура 194;
 ~ типология 178;
 ~ функция различительная 170;
 ~ характеристика 185
цвета естественные 178;
 ~ искусственные 178;
 ~ основные 189;
 ~ природные 176;
 ~ прототипические 175;
 ~ тёплые 230;
 ~ холодные 230;
 ~ человеческие 189
целое 41, 58;
 ~ vs. часть 40—43, 45—48, 53—57, 65, 167, 309, 311, 348;
 ~ единое vs. часть 44, 191;
 ~ одно 192
целые 45
цель 318, 329, 331, 334, 393;
 ~ движения 320;
 ~ действия 62;
 ~ конечная 370
центр 125
цепочки 317
цепь гор 287
цикл жизненный 201, 204, 348, 349
цилиндр полый 133
части 39, 41, 43, 65, 81, 113, 115, 117, 162, 191, 295, 298, 311, 382;
 ~ vs. дополнители 45, 47—51, 54, 65, 311;
 ~ артефактов 342;
 ~ вертикальные 298;
 ~ двигательные 166;
 ~ дома 50;
 ~ изолированные 56;
 ~ кисти руки 44;
 ~ лица 185;
 ~ множественные 261;
 ~ настоящие 162;
 ~ неотторжимые 46—47, 55, 65, 73;
 ~ неподвижные 83;
 ~ неравноправные 355;
 ~ ноги 44; ~ объекта 38;
 ~ однонаправленные 261;
 ~ опорные 166;
 ~ отторгнутые 57;
 ~ отторжимые 46—47;
 ~ парные 43, 261;
 ~ передовые 334;
 ~ подвижные 81;
 ~ полноценные 39;
 ~ рабочие 218; ~ руки 44;
 ~ составные 387;
 ~ спектра 179;
 ~ ступни 44;
 ~ существенные 57;
 ~ тела 41—42, 46, 58, 80, 81, 218, 229, 250, 258, 260—261, 338, 383;
 ~ ~ отрастающие 47;
 ~ ~ подвижные 81;
 ~ тела ♦ названия 225, 258, 336, 344;
 ~ ~ состояние 58;
 ~ удлинённые 243
части ♦ группа 341;
 ~ меререология 40, 65, 73;
 ~ положение 298
части-целые 309, 311
части-целые ♦ зона 299
часть 41—42, 44—46, 54—57, 65, 191, 228, 260—261, 266, 268, 278, 342, 382;
 ~ (дополнитель) 53;
 ~ vs. дополнительный 54;
 ~ ~ целое 40, 42, 46—48, 55—57, 65, 309, 311, 348;
 ~ бакенбард 44;
 ~ боковая 134;
 ~ верхняя 135, 254;
 ~ видимая 260;
 ~ внутренняя 373;
 ~ выделенная 371;
 ~ выпирающая 298;
 ~ выпуклая 157;
 ~ выступающая 155;
 ~ двери 309;
 ~ двора 299;
 ~ длинная 134;
 ~ наружная 260;
 ~ настоящая 56;
 ~ небольшая 249;
 ~ неделимая 44;
 ~ неотторжимая 261;
 ~ неподвижная 278;
 ~ непосредственная 277;
 ~ нефасадная 134;
 ~ нижняя 44, 256;
 ~ объекта 58, 190, 259;
 ~ отдельная 266;
 ~ отрицательная 162;
 ~ отторжимая 348;
 ~ периода времени 243;
 ~ повёрнутая к человеку 134;
 ~ подушки 47;
 ~ представительная самая 189;
 ~ проезжая 260;
 ~ работающая 104;
 ~ спектра холодная 234;
 ~ статичная 261;
 ~ тела 42, 261;

- ~ устройства 95;
~ фасадная 134;
~ цельная 44;
~ чувствующая 268;
~ шкафа 46
часть ♦ свойство 167
часть-целое 40
часть-целое ♦ отношение 40—46, 50, 53—57, 65, 90, 299
человек 15—17, 20—21, 24—25, 40, 49, 116, 134, 136—139, 144—145, 148, 166—167, 182, 185, 188, 194—195, 199, 203, 211, 214, 216—217, 219—221, 223—224, 226—227, 229—230, 232, 237, 240, 242—243, 247, 254, 262, 264, 266, 271, 284, 288, 290—292, 294, 296, 298—299, 305, 307, 309, 314—315, 340, 350, 359, 376—378, 380;
~ vs. животное 17, 289;
~ ~ зверь, 264;
~ благодарящий 230;
~ бывающий* на свежем воздухе мало 185;
~ видящий* 39, 161, 359;
~ вовлечённый* 227;
~ восприимчивый* более 363;
~ воспринимающий* 214, 219, 240, 365, 367;
~ говорящий 14;
~ движущийся* стоя 294;
~ держащий* 49;
~ думающий* 6, 357;
~ занимающийся* трудом 207;
~ изготовивший* 176;
~ измеряющий* 361;
~ использующий* 73, 130—131, 293, 326, 341—342, 349, 358;
~ как бы опускающийся* в плотную жидкость 151;
~ контролирующий* 315;
~ лежащий 262;
~ могущий* помнить 376;
~ ~ проплыть 100 метров 26;
~ ~ стоять на коленях 52;
~ моделирующий* ориентацию 17;
~ молодой 207;
~ находящийся* в воде 194;
~ не успевающий* 227;
~ ~ чувствующий* 233;
~ нормальный 271;
~ обнаруживающий* невежество 162;
~ обходящий* объект с разных сторон 287;
~ объясняющий* дорогу 317;
~ ограничивающий* своё питание 300;
~ оперирующий абстрактными понятиями 373;
~ оперирующий* образами 373;
~ ориентированный* 262;
~ отработавший* тщательно систему измерения 120;
~ ощущающий* 217;
~ плохо помещающийся* 137;
~ повернувшийся* 266;
~ помнящий* 29;
~ понимающий 14;
~ преодолевающий* пространство 247;
~ приспособливающий* 16;
~ пробующий* на вкус съедобные вещи 112;
~ проходящий* путь 247;
~ работающий* стоя 294;
~ сделавший* вещи специально 205;
~ сидевший* в тюрьме 201;
~ следящий* за движением 381;
~ сознательно не смотрящий* обычным образом (т.е. прямо) 166;
~ сравнивающий* 373;
~ старый 207;
~ стоящий 261, 292, 359, 393;
~ ~ внизу* 136;
~ уподобляющийся* животному 258;
~ устанавливающий* отношения между объектами 382
человек ♦ возраст 208;
~ голова 286;
~ деятельность ♦ виды 342;
~ ~ ситуация 81;
~ жизнь 130;
~ ~ бытовая 237;
~ ~ эмоциональная 145;
~ знания ♦ подсистема 18;
~ мир 397;
~ нога 359;
~ образ 396;
~ описание 243;
~ орган 148;
~ ориентирование 258;
~ отдалённость от одежды 311;
~ ощущение субъективное 220;
~ перемещение пешее 374;
~ положение 296;
~ ~ вертикальное 289;
~ ~ горизонтальное 289;
~ ~ на спине 264;
~ положения 289;
~ ~ промежуточные 289;
~ ~ разные 289;
~ свойство постоянное 211;
~ состояние неконтролируемое 297;
~ состояния физические 151;
~ способности когнитивные 20, 357—358;
~ ~ фундаментальные 406;
~ способность когнитивная 354;
~ сравнение с животными 85;
~ среда окружающая ♦ воспроизведение 240;
~ сторона 116;
~ структура 295;
~ сфера психическая 145;

- ~ тело 41, 215, 374;
 ~ тело ♦ ориентация 81;
 ~ ~ температура 216;
 ~ ~ части 243, 258, 260;
 ~ точка зрения 25, 161, 349;
 ~ украшения 311;
 ~ усилия специальные 318;
 ~ устройство 14;
 ~ форма 349;
 ~ функция 116;
 ~ чувства 229
- человек-переводчик** 28
- человечество** 205
- черты** восточные 102;
 ~ детские 103;
 ~ женские 103;
 ~ провинциальные 103
- чины** 146
- чувства** 146, 150–151;
 ~ горячие 228;
 ~ отрицательные 149;
 ~ положительные 149;
 ~ тёплые 400
- чувство** 150, 268;
 ~ неустрашимое 150
- чувство-реакция** 228
- шар** 153;
 ~ полый 145
- шары** 153, 158, 163
- ширина** 122, 126–127, 129, 134–135;
 ~ маленькая 140;
 ~ нормальная 122
- ширина** ♦ измерение 135
- шкала** 33, 146, 178, 213–214, 232, 235, 379;
 ~ Гивона 33, 108;
 ~ Цельсия 233;
 ~ абсолютная 232;
 ~ качественная 146;
 ~ количественная 146;
 ~ лабильности 34–35;
 ~ метафорическая 231–232; ~ оценочная 162;
 ~ температурная 214, 216, 221, 231;
 ~ физическая абсолютная 232;
 ~ хорошо – плохо 298
- шкала** ♦ полюс 33
- шкалы** 146
- экземпляр** каждый 340;
 ~ один 172
- экземпляры** 71;
 ~ все 172;
 ~ одного вида 72;
 ~ разные 71–72, 173, 191, 195
- экземпляры** ♦ количество большое 171;
 ~ несравнимость 173
- элемент** множества 261;
 ~ пары 261
- эмоции** 185, 227, 229, 231, 396;
 ~ лишние 230;
 ~ отрицательные 232;
 ~ положительные 166, 232;
 ~ сильные 231–232;
 ~ чувственные 232
- эмоции** ♦ отсутствие 232;
 ~ свойства основные 151
- эмоция** 11
- эффект** звуковой 86;
 ~ зрительный 86;
 ~ слуховой 86
- medium** 383

Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ №17-04-00594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика» (2017–2019 гг.), РФФИ №18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка» (2018–2020 гг.), а также РФФИ №17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)».

Список литературы

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен (семантика и сочетаемость). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.

Об авторе

Сергей Александрович Крылов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

E-mail: krylov-58@mail.ru

Для цитирования:

Крылов С. А. Онтологическая таксономия как способ инвентаризации элементов семантического метаязыка когнитивного анализа // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 25–54. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-2.

ONTOLOGICAL TAXONOMY
AS A MEANS TO INVENTORY THE ELEMENTS
OF THE SEMANTIC METALANGUAGE OF COGNITIVE ANALYSIS
(based on E. V. Rakhilina's monograph
Cognitive Analysis of Object Names (Semantics and Collocations))

S. A. Krylov¹

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia
Submitted on May 29, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-2

In this work, I address the problems of inventorying the semantic metalanguage used in cognitive analysis to describe the meaning and collocation characteristics of object names. I establish correlations between elements of the semantic metalanguage to explain the meanings of linguistic units and speech sections in E. V. Rakhilina's monograph Cognitive Analysis of Object Names (Semantics and Collocations) (Rakhilina 2010). I focus on the units of the semantic metalanguage, i.e. words and phrases denoting phenomena of reality. Such words and phrases comprise the lexicon of the metalanguage used in the semantic reflection of the author of semantic descriptions. The inventory of the semantic elements follows the alphabetical clustering principle. The 'ontological taxonomy' covers clusters, at the apex of which are the denominations of fragments of the world (reality) reflected by the internal aspect of linguistic units. These denominations are expressed by nouns with generic meanings: 'object', 'container', 'surface', etc. For brevity, I focus only on the third element – the ontological taxonomy. The result of the study – the ontological taxonomy of the researcher's metalanguage – is presented in the appendix in the form of a dictionary.

Keywords: ontological taxonomy, semantic metalanguage, cognitive analysis, collocations.

References

Rakhilina, E. V., 2010. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen (semantika i sochetatelnost')* ["Cognitive analysis of subject names (semantics and compatibility)]. Vol. 2. Moscow, Azbukovnik (in Russ.).

The author

Prof. Sergey A. Krylov, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: krylov-58@mail.ru

To cite this article:

Sergey A. Krylov, 2018, Ontological Taxonomy As A Means To Inventory The Elements Of The Semantic Metalanguage Of Cognitive Analysis (based on E. V. Rakhilina's monograph Cognitive Analysis of Object Names (Semantics and Collocations), *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 25 – 54. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-2.

УДК 81'42

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭКСПЛИКАТОРОВ МОДАЛЬНОСТИ НЕОБХОДИМОСТИ В ВЕТХОМ И НОВОМ ЗАВЕТЕ

(на примере Синодального перевода на русский язык)

*Н. В. Писарь*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 01.06.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-3

В статье исследуется один из элементов ситуативной модальности – микрополе модальности необходимости. В данной работе рассматривается специфика употребления лексических модификаторов модальности необходимости в текстах Ветхого и Нового Завета. Целью исследования является определение сходств и различий в использовании лексем – экспликаторов указанного микрополя в библейских текстах, сравнительная характеристика выраженных посредством соответствующих лексем модальных значений объективно-субъективной и объективной необходимости, обнаружение степени влияния значений микрополя модальности необходимости на смысловую направленность текстов Библии, проявляющуюся в нетождественности установок Ветхого и Нового Завета. В исследовании используется полевой подход, применяются как общенаучные методы, так и методы и приемы функционально-семантического, этимологического, контекстуального анализа и др. Основным результатом исследовательской работы стало обнаружение различий в семантическом наполнении лексических модификаторов модальности необходимости в Новом Завете по сравнению с Ветхим Заветом. Это в свою очередь влияет на то, что необходимость в ветхозаветных текстах осмысляется прежде всего как некий юридический, социальный закон, а в новозаветных текстах осознается скорее как моральный долг, что впоследствии в сознании христиан формирует представление о наличии закона юридического, социального и закона морального, высшего, которые могут быть нетождественными друг другу. На основе проведенного исследования установлен механизм формирования в сознании человека осмысления долга в двух аспектах: духовном и социальном, а также выявлены причины, по которым между духовным долгом и долгом социальным обнаруживаются противоречия.

Ключевые слова: лингвистика текста, модальность, необходимость, Библия, Ветхий Завет, Новый Завет.

Модальность как универсальная категория, описывающая огромный спектр интерпретаций человеком объектов окружающей действительности, уже долгие годы находится в центре внимания многих оте-

чественных и зарубежных ученых. Данная категория охватывает всю познавательную деятельность субъекта, и ее изучение способствует выявлению механизмов формирования в сознании человека определенных оценочных суждений, ценностных ориентиров, которые, в свою очередь, оказывают влияние на его поведение в социуме.

Современные лингвистические исследования, посвященные изучению модальности, способствуют раскрытию смыслового потенциала указанной категории и обнаружению новых связей языка, человеческого мышления и действительности. В связи с этим особенно актуальным, на наш взгляд, оказывается рассмотрение выражения данной категории в прецедентных текстах, поскольку последние играют важную роль в формировании в сознании народа определенных мировоззренческих установок. Одним из значимых прецедентных текстов, безусловно, является Библия. Влияние библейских текстов на сознание человека не вызывает сомнений, поскольку в них «верующему человеку эксплицитно или имплицитно дается руководство к тому, как надо жить и поступать, чтобы попасть в Царство Небесное и снискать Божью Благодать» (Иванова, 2015, с. 134). Следовательно, на основе Библии в сознании христианина формируется определенное представление о долге.

С лингвистической точки зрения понятие долга тесно связано с планом содержания одного из элементов ситуативной модальности — модальности необходимости. Мы вслед за С.С. Ваулиной считаем, что значения необходимости и долженствования соотносятся друг с другом как общее и частное соответственно (см.: Ваулина, 2003, с. 277), и, стало быть, через посредство модальных модификаторов могут быть выражены значения объективной и объективно-субъективной необходимости. Поскольку указанное микрополе необходимости характеризуется наличием большого количества средств выражения, в настоящем исследовании мы остановимся только на рассмотрении лексических экспликаторов значений необходимости в библейских канонических текстах.

В связи с тем, что книги Ветхого и Нового Завета представляют собой единое целое, неудивительно, что частные значения модальности необходимости реализуются в них посредством одного набора лексем: безличных глаголов *надлежит* «долженствует, следует, полагается, необходимо, подобает» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 379; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 2, с. 345; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965, т. 7, с. 156), *следует* «нужно, должно, полагается» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 728; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 4, с. 134; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965, т. 13, с. 1175), отрицательных прилагательных *должен* «обязан сделать что-либо» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 173; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 1, с. 423; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965, т. 3, с. 841; Толковый словарь русского языка, 1935–1940, т. 1, с. 756), *обязан* «имеющий что-либо своей обязанностью; такой, который должен исполнить что-либо как свою обязанность» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 442; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 2, с. 582; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965,

т. 8, с. 585), предикативных наречий *должно* «нужно, необходимо, следует» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 173; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 1, с. 423; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965, т. 3, с. 842; Толковый словарь русского языка, 1935–1940, т. 2, с. 756), *нужно* «следует, необходимо, надо что-либо сделать» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 423; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 2, с. 514; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965, т. 7, с. 1447), *надобно* «нужно, необходимо, следует» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 379; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 2, с. 345; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965, т. 7, с. 160), *необходимо* «обязательно, требуется, надлежит» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 4–8; Словарь русского языка, 1985–1988, т. 2, с. 458; Словарь современного русского литературного языка, 1950–1965, т. 7, с. 1001), а также наречия *хорошо* в значении «правильно, верно, полезно, положительно, благоприятно, выгодно, благополучно, нужно» (Толковый словарь русского языка, 1935–1940, т. 4, с. 620–621) и адвербиализованного существительного *время*, передающего «значение необходимости, обусловленное причинами, лежащими вне сферы влияния субъекта и имеющее в силу этого оттенок объективной неизбежности» (Ваулина, 1988, с. 64). Однако распределение данных лексем и реализация с их помощью частных значений необходимости в рамках Ветхого и Нового Заветов несколько различны.

Так, в Ветхом Завете ядро микрополя необходимости составляют функционирующее в 69,1 % случаев от общего количества употреблений лексем – экспликаторов значений модальности необходимости отрицательное прилагательное *должен*, употребленный в 19,3 % случаев предикатив *должно* и безличный глагол *надлежит* (3,2 % случаев), которые в конструкциях с зависимым инфинитивом реализуют такое значение объективно-субъективной необходимости, как «долженствование, связанное с наличием обуславливающих причин морально-этического характера» (Ваулина, 1988, с. 55–56). Ср.: «...но каждый за свое преступление *должен умереть*» (2Пар 25:4; здесь и далее курсив авт.); «*не должно осквернять* землю, на которой вы живете» (Чис 35:34). Также в единичных контекстах указанные лексемы реализуют значение «потребность, связанная с квалификацией необходимого для выполнения действия как полезного, нужного и, стало быть, желательного» (Ваулина, 1988, с. 56). Ср.: «не вам ли *должно знать* правду?» (Мих 3:1). Как свидетельствуют данные примеры, долг человека в ветхозаветной традиции непосредственно связан с соблюдением моральных норм, следование которым будет способствовать духовному росту и очищению.

Однако в связи с тем, что в Ветхом Завете помимо морально-этических установок находят выражение и зачатки своеобразного «гражданского кодекса», предписания социального, бытового и др. характера, в некоторых случаях в контекстах, в которых функционируют лексемы *должен*, *должно*, *надлежит*, указанные частные значения объективно-субъективной необходимости начинают совмещаться со значением необходимости следования юридическим, социальным и другим зако-

нам. Ср.: «украшший *должен заплатить*» (Исх 22:3); «землю *не должно про-давать* навсегда» (Лев 25:23); «потому что по праву родства тебе *надлежит купить* его» (Иер 32:7). В некоторых контекстах в конструкциях с лексемами *должен, должно, надлежит* долженствование объединяется со значением «неизбежность, связанная с наличием неотвратимых, находящихся вне сферы влияния человека обстоятельств» (Ваулина, 1988, с. 55). Ср., напр.: «и спасут тебя от того, что *должно приключиться* тебе» (Ис 47:13); «потому что вода была так высока, что *надлежало плыть*» (Иез 47:5).

Менее частотными и, следовательно, занимающими периферийное положение в рассматриваемом тексте, оказываются предикативные наречия *нужно* и *надобно* (по 2 % употреблений), которые, функционируя в конструкциях с зависимым инфинитивом, реализуют частные значения объективно-субъективной и объективной необходимости соответственно. Так, наречие *надобно* является средством выражения значения «необходимость выполнения действия по причинам конкретного или юридического характера». Ср.: «завтра покой, святая суббота Господня; что *надобно печь*, печите, и что *надобно варить*, варите сегодня, а что останется, отложите и сберегите до утра» (Исх 16:23). А предикатив *нужно* реализует семантику потребности, связанной с квалификацией необходимого для выполнения действия как нужного, полезного, желательного. Ср.: «Не будьте как конь, как лошак несмысленный, которых челюсти *нужно обуздывать* уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе» (Пс 31:9). Те же объективно-субъективные модальные смыслы эксплицируются в контекстах с единичными примерами функционирования модальных модификаторов *следует* и *обязан* с зависимым инфинитивом. Ср.: «Соломон, сын мой, молод и малосилен, а дом, который *следует выстроить* для Господа, должен быть весьма величествен, на славу и украшение пред всеми землями» (1Пар 22:5); «Певцы же, главные в поколениях левитских, в комнатах храма свободны были от занятий, потому что день и ночь они *обязаны были заниматься* искусством своим» (1Пар 9:33).

Кроме того, в исследуемом тексте в микрополе необходимости входит такой лексический модификатор объективно-субъективной необходимости, как *хорошо*, реализующий значение долженствования по причинам следования морально-этическим нормам. Ср.: «и сказал Господь Бог: *не хорошо быть* человеку одному» (Быт 2:18).

Значимым оказывается и то, что в качестве экспликатора частного значения объективной модальности в Ветхом Завете в 3,4 % контекстов используется лексема *время*. Ср.: «...*не время строить* дом Господень» (Агт 1:2).

Следовательно, в ветхозаветных текстах микрополе модальности необходимости формируется посредством располагающихся в его центре лексем *должен, должно, надлежит*, содержащих в своей семантике синтезированные значения объективной и объективно-субъективной необходимости, и занимающих периферию лексем *нужно, обязан, следует, хорошо* со значениями объективно-субъективной необходимости, а также лексем *надобно, время* со значениями объективной необходимости.

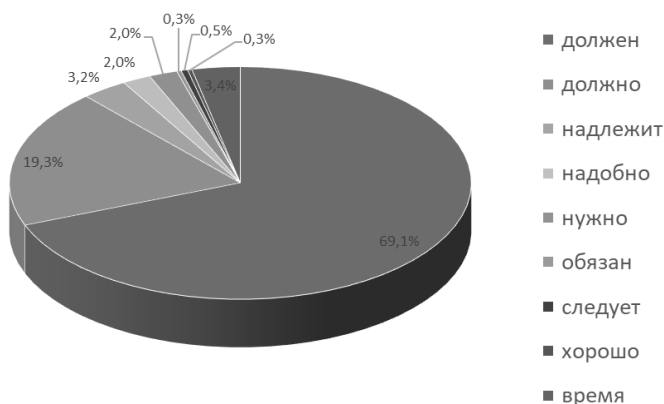

Рис. 1. Состав микрополя модальности необходимости в Ветхом Завете

Что же касается микрополя необходимости, конструируемого на основе текстов Нового Завета, то ядерную зону рассматриваемой полевой структуры также занимают лексемы *должен* (33,6 % случаев), *должно* (29,6 % случаев), *надлежит* (24,7 % случаев), посредством которых в подавляющем большинстве контекстов реализуется значение объективно-субъективной необходимости — «выполнение долга по причинам морально-этического характера». Ср.: «грех *не должен* над вами *господствовать*» (Рим 6:14); «*должно повиноваться* больше Богу, нежели человекам» (Деян 5:29); «ибо так *надлежит* нам *исполнить* всякую *правду*» (Мф 3:15). Также в текстах Нового Завета посредством данных лексем получает реализацию значение «потребность, связанная с квалификацией необходимого для выполнения действия как полезного, нужного и, стало быть, желательного». Ср.: «молодое вино *должно вливать* в мехи новые» (Лк 5:38). Как и в Ветхом Завете, данные лексемы становятся средствами выражения следующих совмещенных значений необходимости: а) «долженствование + необходимость выполнения действия в соответствии с юридическим, социальным или другим законом». Ср.: «настал же день опресноков, в который *надлежало заклать* пасхального агнца» (Лк 22:7); б) «долженствование + вынужденность, связанная с подчинением каким-либо внешним обстоятельствам», например, «и пристали в Тире, ибо тут *надлежало сложить* груз с корабля» (Деян 21:3); в) «долженствование + неизбежность, связанная с наличием неотвратимых, находящихся вне сферы влияния человека обстоятельств». Ср.: «пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая *должна открыться*» (1Пет 5:1); «не удивляйся тому, что Я сказал тебе: *должно* вам *родиться* свыше» (Ин 3:7). При этом если в Ветхом Завете большая часть контекстов с синтезированными значениями необходимости указывает на то, что моральный долг в ветхозаветном сознании соединялся с представлениями о законе (юридическом, социальном, бытовом и т.п.), то в Новом Завете большинство примеров с совмещением значений необходимости реализует осмысление христианами морального долга как неизбежности.

Периферию микрополя необходимости в Новом Завете также составляют предикативные наречия *надобно* (4,9 %) и *нужно* (3,1 %). Однако в отличие от текстов Ветхого Завета в новозаветных текстах данные лексемы реализуют значение объективно-субъективной необходимости, состоящей в потребности, связанной с квалификацией необходимого для выполнения действия как полезного, нужного, желательного. Ср.: «...но вино молодое *надобно вливать* в мехи новые» (Мк 2:22); «а ему и *нужно было* для праздника *отпустить* им одного узника» (Лк 23:17). Нами были зафиксированы лишь единичные контексты, в которых, например, предикатив *надобно* реализует одно из значений объективной необходимости — «неизбежность выполнения действия». Ср.: «не бойся ничего, что тебе *надобно будет претерпеть*» (Откр 2:10).

Кроме того, в тексте Нового Завета встречаются единичные случаи использования таких лексических модификаторов модальности объективно-субъективной необходимости, как *необходимо*, *следует* и *хорошо* в значении «долженствование выполнения действия в соответствии с морально-этическими нормами» (ср.: «ибо *хорошо* благодатью *укреплять* сердца» (Евр 13:9); «потому что с переменою священства *необходимо быть* перемене и закона...» (Евр 7:12–13); «сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедают обычаи, которых нам, Римлянам, *не следует ни принимать, ни исполнять*» (Деян 16:20–21)) и модальный модификатор *время* — в значении объективной необходимости — «неизбежность выполнения действия» (ср.: и «*ибо время* начаться суду с дома Божия» (1Пет 4:17)) соответственно.

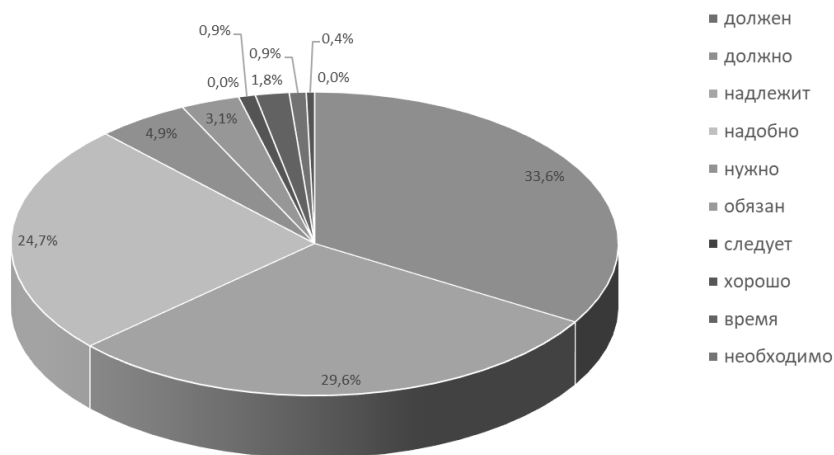

Рис. 2. Состав микрополя модальности необходимости в Новом Завете

Следовательно, микрополе модальности необходимости в Новом Завете схоже по составу и расположению элементов с соответствующим микрополем в Ветхом Завете: ядерную зону составляют лексемы *должен*, *должно*, *надлежит*, посредством которых реализуется весь спектр значений объективной и объективно-субъективной необходимости, в том

числе и совмещенных, а периферию — предикативные наречия *надобно, нужно, необходимо, следует, хорошо* со значениями по преимуществу объективно-субъективной модальности и лексема *время* с модальной семантикой объективной необходимости. Однако в Новом Завете по сравнению с Ветхим наблюдается своеобразие осмысления христианами долга: если в Ветхом Завете значимой составляющей понятия «долг» является необходимость следования законам общественного устройства, то в Новом Завете оно прежде всего связывается с нравственным долгом человека перед самим собой, исходящим из законов, данных ему Богом.

Таким образом, проведенный анализ лексических модификаторов значений модальности необходимости показал, что реализующиеся при их функционировании в библейских текстах частные модальные значения оказывают воздействие на смысловую направленность текстов Библии в отношении понимания понятия «долг». На основе указанных частных значений модальности необходимости в сознании человека осмысление долга формируется в двух аспектах: духовном и социальном, причем данные аспекты в некоторых случаях оказываются нетождественными друг другу, поскольку не всегда правила поведения в социуме соответствуют нравственному закону, данному нам свыше.

Список литературы

Ваулина С. С. О модальности древнерусского текста // Текст в лингводидактическом аспекте : матер. науч.-практ. семинара. Калининград, 2003. С. 276–284.

Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Л., 1988.

Иванова Н. А. Побудительная модальность как механизм формирования общечеловеческих ценностей (на материале русскоязычного и англоязычного переводов библейских идиом) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2015. Вып. 2. С. 133–139.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1950–1965.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Об авторе

Надежда Владимировна Писарь, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nadezdapisar@mail.ru

Для цитирования:

Писарь Н. В. Особенности функционирования лексических экспликативов модальности необходимости в Ветхом и Новом Завете (на примере Синодального перевода на русский язык) // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 55–63. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-3.

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE LEXIC
LEXICAL EXPLICATORS OF THE MODALITY
OF NECESSITY IN THE OLD AND NEW TESTAMENT
(the Synodal translation into Russian)

N. V. Pizar¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on June 1, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-5

In this article, I explore one of the elements of situational modality, namely, the micro-field of the modality of necessity. I consider the use of lexical modifiers of the modality of necessity in the Old and New Testament. The aims of this study are to identify similarities and differences in the use of lexemes explicating the microfield in the biblical texts and to produce a comparative analysis of modal meanings of objective-subjective and objective necessity expressed through relevant lexemes. Another objective is to assess the influence of the meanings of necessity on the semantic orientation of the biblical texts manifested in the difference between the precepts of the Old and New Testament. I employ the field approach and use both universal research methods and the methods and techniques of the functional-semantic, etymological, and contextual analysis, etc. The main finding of this study is that the semantic content of lexical modifiers of the modality of necessity in the New Testament differs from that in the Old Testament. In the Old Testament texts, necessity is perceived primarily as a legal and social law, whereas in the New Testament it is understood as a moral duty. This contributes to the Christian idea of the existence of a legal and social law and a higher, moral law, which are not always identical. Using the findings of this study, I describe the formation of the division between the spiritual and social aspects of duty in human consciousness and identify the causes of contradictions between the spiritual and social duty.

Keywords: text linguistic, modality, necessity, Bible, Old Testament, New Testament.

References

Vaulina, S.S., 2003. About the modality of the old Russian text. In: *Tekst v lingvo-didakticheskom aspekte. Materialy nauchno-prakticheskogo seminara* [Text in the linguistic-didactic aspect. Proceedings of scientific-practical seminar]. Kaliningrad, pp. 276-284 (in Russ.).

Vaulina, S.S., 1988. *Evolyutsiya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke (XI-XVII vv.)* [Evolution of means of expression of modality in the Russian language (XI-XVII centuries)]. Leningrad (in Russ.).

Ivanova, N.A., 2015. Incentive modality as a mechanism of formation of universal values (on the material of Russian and English translations of biblical idioms). *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2, pp. 133-139 (in Russ.).

Ozhegov, S.I., Shvedova, N.U., eds, 2006. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Evgenyeva, A.P., ed., 1985-1988. *Slovar' russkogo yazyka v 4 tt* [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow (in Russ.).

Chernyshev, V.I., ed., 1950-1965. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 tt* [Dictionary of modern Russian literary language: 17 volumes]. Moscow, Leningrad (in Russ.).

Ushakov, D.N., ed., 1935-1940. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 tt* [Explanatory dictionary of Russian language: in 4 volumes]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr. Nadezhda V. Pisar, Associate Professor of Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: nadezdapisar@mail.ru

To cite this article:

Pisar N.V. 2018, Features of the Functioning of the Lexic Lexical Explicators of the Modality of Necessity in the Old and New Testament (the Synodal translation into Russian), *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 53–63. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-3.

УДК 821.161.1

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ТОПИКА В ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

О. А. Кочеткова¹, Ю. В. Гапонова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4

В статье рассматриваются агиографические топосы повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша», представленные различными компонентами ее художественной структуры – от отдельных черт главного героя Ильи Шаронова до сюжетных поворотов и вех его биографии. Устанавливается близость произведения житиям двух жанровых разновидностей – житиям праведников и житиям преподобных. Следование канонам агиографических текстов связано в повести с самим типом героя-праведника, образ которого строится в соответствии с традиционной парадигмой положительных качеств святого, с биографическим топосом, включающим устойчивый набор определяющих жизнь и судьбу героя событий и фактов, с такими структурно-сюжетными элементами, как сопровождающие героя сны, видения, знаки, чудеса, свидетельствующие о его приобщении и приобщенности к сакральному знанию и видению, а также с топосом «ангельского образа», реализующимся как внешнее сходство героя с ангелами.

Ключевые слова: история русской литературы, Шмелев, агиография, святость, агиографический топос, житийная литература.

Обращение к агиографическим традициям является важным фактором развития русской литературы, черпавшей в них темы и образы, художественные формы и способы выражения и творчески их переосмысливающей и преобразующей. Приобщение к этим истокам отличает творчество Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Б. К. Зайцева и др.

Особое место в этом ряду писателей-классиков занимает И. С. Шмелев, также прислушивавшийся к «зовам и откликам» (Бочаров, 1985, с. 3) русской житийной литературы и предложивший свой взгляд на русскую святость, на религиозно-православный опыт русского человека, на его исполненный драматизма, духовных исканий и молитвенных трудов путь к Богу, на его духовную биографию. Этот взгляд в разной мере характеризует большинство произведений эмигрантского периода его творчества. Повесть же «Неупиваемая чаша», создававшаяся незадолго до эмиграции, по свидетельству ее автора, с Богом в сердце и Евангелием под рукой (Келер, 1972, с. 237), – это его первое произведе-

ние, чью «внутреннюю целеустремленность» определяют «христианские традиции» (Соболев, 2012, с. 328), направляя ее идейный вектор в сторону агиографических решений.

Ее «прочная типологическая связь с древнерусским жанром жития» (Селянская, 2001, с. 109) не раз отмечалась исследователями, однако, как кажется, отдельные аспекты этой связи могли бы быть уточнены. Попытка сделать это предпринята в данной статье.

При том, что главной темой повести является тема творчества, рассматривается она через призму феноменов праведничества, святости, святых, которыми Библия называет не абсолютно безгрешных людей, а тех, кто стремится жить правильно, по заповедям Христа — так, как жили обыкновенные люди, после смерти церковным решением удостоенные ранга святых (Татаркин, 2011, с. 119).

Прежде всего следует отметить ее близость житийным текстам двух жанровых разновидностей — житиям праведников и житиям преподобных. С первыми ее сближает реализация идеи святости через описание праведной жизни в миру обычного человека — крепостного художника-самородка Ильи Шаронова, святого в том смысле, в котором употреблял это слово апостол Павел, называя так всех членов Церкви Христовой, живущих с Богом в сердце (Еф 1:1, 4, 15). Такая святость видится и в простых людях, с которых он писал лики святых, запечатлевая божественное, увиденное в земном. В облике своего учителя Арефия, в дар которому он написал образ преподобного Арефия Печерского с ликом простого «мужика» с веселыми, сияющими глазами, он усматривает сходство с обликом «стареньких угодников» (Шмелев, 1998, с. 391) — преподобных Сергия Радонежского и Саввы Сторожевского. Все написанные им святые имеют портретное сходство с людьми: покровитель мученика Терентия — с отцом, преподобная Мария Египетская — с Зойкой-цыганкой, а святая великомученица Анастасия Рымляныня — с возлюбленной Анастасией. В этом новаторском подходе к «ликописанию», в светло-радостной манере его изображения освященных Богом людей обнаруживается связь с живописным стилем художника Андрея Рублева, канонизированного Русской православной церковью на основании святости его жизни и творческого подвига и ставшего основоположником новой традиции русской церковной живописи. Наставник юного Ильи Шаронова Арефий увидел в нем «другого Рублева», а монахини чувствовали осененность одаренного живописца «благодатью божией... произволением» (Шмелев, 1998, с. 390).

Главная из канонических констант агиографии — герой жития, то, каким он изображается. Сам тип героя «Неупиваемой чаши» восходит к житийным образцам и оригиналам: образ его строится в соответствии с традиционной парадигмой положительных, неизменных и постоянных для святого качеств — это нравственная чистота и девственность, кротость, долготерпение и смирение, человеколюбие, жертвенность и устремленность к Богу. При этом, как отмечает Л. Г. Дорофеева, говоря о типологических разновидностях житийных героев, «смиранный человек», кроткий или дерзновенный, будучи «либо *пассивным, внешне*

недеятельным... либо активным и внешне деятельным» (Дорофеева, 2014, с. 356), отличается «внутренней напряженной жизнью», которая не чужда и герою Шмелева.

Помимо этих семантических параллелей с агиографией праведников повесть связывает биографический топос. При всей трансформации в соответствии с художественными задачами ее автора она сохранила важные черты канонической житийной схемы: рождение Ильи и рассказ о его родителях, описание его детства с устойчивыми мотивами стремления к богоугодной жизни («лежало сердце Ильи к монастырской жизни» (Шмелев, 1998, с. 387)), легкого усвоения грамоты¹ — в данном случае не только чтения, письма и счета, но и премудростей художнического дела — сначала от отца, затем от старика Арефия, а потом и от ватиканского мастера Терминелли, труды на братию, преодоление искушения плотью и других смущений, аскетические подвиги (подвижническая жизнь во власянице, стояние на коленях до утра на крупе и соли, ночные труды над иконами), расставание с домом и родиной, отвержение «славы от человека» (Шмелев, 1998, с. 402) (Илью не прельстила возможность писать для сильных мира сего — неаполитанского ли короля или «святейшего отца папы», он отказался от почетной работы).

Стремление избежать брака как житийный биографический мотив обернулось в истории крепостного художника его сакрализованными чувствами к Анастасии, к которой он относится как к святыне, поклоняясь ей, обожествляя ее, любуясь ею и борясь со своею любовью к ней, потому что,

чтобы *дать* великое, надо выстрадать, сломать и сжечь, перебороть *вещное*, плоть, даже красоту плоти. Он ее переборол — переломил «плотскую любовь», ночами ломал ее и творил «лик нездешний». Из плоти, превозмогая ее, творил — *дух*, высокое. Сжег себя, поборол, пронзил вещное, и за ним — узрел. И умер — оставив «Неупиваемую» — для всех. <...> от вещного мира пошел Илья, и через вещное проник в надвещное... (Ильин, 2000, с. 429–430; курсив автора).

Обязательным структурным компонентом житийного повествования были знаки, сны, видения, знамения, чудеса. В жизнеописании Ильи Шаронова они представлены дважды посетившим его видением — сначала шестнадцатилетним юношей, когда в монастырском саду «узрел он будто глядевшие на него глаза», «каких ни у кого нет», после чего «положил ... на сердце своем — служить Богу» (Шмелев, 1998, с. 391) (слышал от монахинь, что «бывают видения к смерти и послушанию» (Шмелев, 1998, с. 391)), затем двадцатидвухлетним, когда вновь

¹ В житиях реализуется и прямо противоположный мотив — неспособность к постижению грамоты. См., например, Житие Сергия Радонежского от Епифания: отроку Варфоломею (будущему святому Сергию Радонежскому) она не давалась, что с религиозной точки зрения вполне понятно и связано с тем, что «святой должен был получить знание свыше, от Бога, а не от книг» (Ляпин, 2014, с. 27).

открылись ему «радостно опаляющие душу», «светлые, как лучи зари» (Шмелев, 1998, с. 411), глаза, которые позже материализовались для него на прекрасном, девственном, неземном лице Анастасии. Было еще неведомо чье-то пение, которое сопровождало все пятнадцать верст пути из храма домой искавшего молитвенного утешения и получившего его мальчика: Господь покарал мучившего его тирана-барина «напрасною смертью» (Шмелев, 1998, с. 411). Кроме того, живя в Риме, увидел Илья сон, в котором получил «вразумление» возвращаться домой, на родину, а потом, возвращаясь туда на корабле, и сон, предсказавший ему встречу с Панфилом-шорником и невозможность встречи ляпуновцами, о смерти которых он еще не знал. Услышанное в старенькой римской церковке восклицание «*Rex vobiscum!*» он воспринял как отпуск из радостной, светлой, теплой, но чужой страны, а встретившегося на выходе из церкви «хроменького старичка с ведерком и кистью» (Шмелев, 1998, с. 403), напомнившего ему об отце, — как знак, истолкованный им как указание о том же. Чудеса также засвидетельствованы в его жизнеописании, но свершались они от посмертного дара Ильи — иконы Неупиваемая Чаша. Сначала, будучи известными только монахиням, чудеса, по архиерейскому положению, не оглашались, а после исцеления мающегося ногами убогого Мартына о них узнала вся округа, и многие «притекающие к Неупиваемой Чаше» и «в болезнях и скорбях, в унынии и печали, в обидах ищущие утешения» (Шмелев, 1998, с. 433) обрели его.

Следует обратить внимание и на такую черту жития преподобных, как внешнее сходство святого с ангелами², в повести получившую реализацию в неоднократных упоминаниях его привлекательности: «был он мальчик красивый и румяный, как наливное яблочко, а нежностью лица и глазами схож был с девочкой»³ (Шмелев, 1998, с. 384), его «приглядность» отмечают старый и молодой барин, «миленьким красавчиком» (Шмелев, 1998, с. 385) назвала его в детстве Любка Кривая и «красавчиком-корольчиком» (Шмелев, 1998, с. 421) — уже взрослого цыганка-ведьма, за красоту и нежность сердца полюбили его ученики Терминелли, прозвавшие Илью фанчуллой, что значило по-русски девочка.

² Внешнее подобие святого ангелу — один из мотивов топики *imitatio angeli*, характеризующей жития данной жанровой разновидности и являющейся их поэтической доминантой (см. об этом: Руди, 2003, с. 48–59).

³ Известно, что во многих традициях христианского искусства красота — обязательная черта видимого образа ангелов, изображаются ли они младенцами неопределенного пола или прекрасными женоподобными светозарными юношами (Ангелы, 1987, с. 78). Ср. с описанием изображения христианского святого Георгия Победоносца, которого написал Илья на монастырской стене: «Дивно прекрасен был юный Георгий — не мужского и не женского лика, — а как ангел в образе человека, с бледным ликом и синими глазами-звездами». Описание отражает воззрения святых отцов, говорящих о духовности и бестелесности естества ангелов, которые, по словам Блаженного Филарета, принимают на себя чувственные образы, «сообразуясь с пользой видящих», чтобы смотрящий на них не убоялся, но понял, что перед ним посланник Божий (цит. по: Лисицына, Иконография ангелов).

Следование житийному канону в его композиционных особенностях, связанных, в частности, с обрамлением повествования о жизни святого введением, где агиограф часто говорит о своем недостойнстве и греховности и приводит параллели из Священной истории, и послесловием, содержащим обычно благодарение Бога и призыв к восхищению подвигом и чудесами святого (Никулина, Назначение жития святого), усматривается в соотнесенности вводной части повести, предшествующей ее 1-й главе, и ее последней главы. Повествователь, приступая к рассказу, так же, как и автор жития, из своего греховного бытия, из своей современности смотрит на судьбу героя и видит несовершенство тех, для кого в том числе он трудился и кому в назидание оставлена история его «тоскующего человеческого сердца» (Шмелев, 1998, с. 383). А они, безусловно, в таком наставлении нуждаются. Об этом свидетельствует духовная слепота дачников, которые, развлекаясь, весело обзревают «житийные» места, пьют там чай, поют, говорят банальности, думают о своей «серенькой жизни» (Шмелев, 1998, с. 379) и лишь на краткое время ощущают очарование горечью и затаившимся страданием, проливающимися на них с портрета Анастасии Ляпуновой. Однако им история крепостного художника пока неведома: по словам мудрого архиерея, им, жаждающим радости и не стремящимся искать путей Господней благодати, рано еще открывать страницы трагической, жертвенной и поэтому поучительной судьбы человека, положившего свою жизнь на алтарь служения Богу и народу (хотя некоторые их все-таки прочитали). Они видят глазами⁴, но незрячим остается их сердце, они не интересуются автором чудесного портрета Анастасии, мало кто знает о нем и в округе, могила его забыта. Это замечание о забвении мастера рефреном звучит в конце предпоследней 16-й главы, завершающей повествование о жизни Ильи Шаронова, обрамляя его и композиционно скрепляя начало и конец истории его жизни. В таком людском беспамятстве и неблагодарности слышится антигезная переключка повести Шмелева с заповедью Церкви Христовой, прежде всего Православной, о почитании святых (см., например, (Лебедев, 1994)), чьи имена сохраняют для мира их жития, которые, кстати сказать, писались и самими святыми; историю своей жизни в «итальянскую тетрадь бумаги» (Шмелев, 1998, с. 383) тоже записал сам Илья.

⁴ Не случайно, очевидно, в зарисовке поведения дачников из 38 употребленных глагольных форм 7 имеют значение зрительного восприятия (*вглядываются*), трижды *смотрят*, *осматривать* и *осматривают*, *оглядывают*, *оглядывают*, *осмотрено*. Другими формами этого семантического ряда рисуется картина тоже смотрящего на запустение вокруг вещного и природного мира (*смотрит* бузина (Шмелев, 1998, с. 379), *смотрит* карельская береза (Шмелев, 1998, с. 380), *глядит* дом (Шмелев, 1998, с. 380). И только с портрета уже умершей Анастасии на «всякого сразу» (Шмелев, 1998, с. 381) сияют и радостью, и затаившимся страданием ее глаза. Такова была животворящая сила любви и искусства написавшего его мастера.

Таким образом, агиографические топики представлены в повести компонентами разных уровней художественной структуры повести, участвующими в реализации образного воплощения ее художественной идеи о духовном подвижничестве в искусстве.

Список литературы

- Ангелы* // Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 76–79.
- Бочаров С. Г.* О художественных мирах. М., 1985.
- Дорофеева Л. Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 16–17. М., 2014. С. 9–388.
- Ильин И. А.* Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1927–1934) / И. А. Ильин, Иван Шмелев ; сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 2000.
- Келер Л. И. С.* Шмелев о себе и о других // Русская литература в эмиграции / под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 233–240.
- Лебедев Н. В.* Почитание святых. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. URL: <http://interpretive.ru/dictionary/445/word/%CF%FO%EE%EB%EE%E3> (дата обращения: 25.11.2017).
- Лисицына О.* Иконография ангелов. URL: <http://www.pravmir.ru/lektsiya-olgi-lisitsyinoi-ikonografiya-angelov-video/> (дата обращения: 25.11.2017).
- Ляпин Д. А.* Система символов в «Житии Сергия Радонежского» // История в подробностях. 2014. №5 (47). С. 22–28.
- Никулина Е. Н.* Назначение жития святого. Житийный канон. URL: <https://religion.wikireading.ru/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%95%20%D0%9D-kng> (дата обращения: 25.11.2017).
- Руди Т. Р.* «Imitatio angeli»: проблемы типологии агиографической топики // Русская литература. 2003. №2. С. 48–59.
- Селянская О. В.* Художественный мир русского православия в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. Т. 5 (23). С. 109–111.
- Соболев Н. И.* Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Проблемы исторической поэтики. 2012. №10. С. 328–340.
- Татаркин В. И.* Возвращаясь в истоках христианского учения. Тюмень, 2011.
- Шмелев И. С.* Неупиваемая чаша // Собр. соч. : в 5 т. М., 1998. Т. 1. С. 379–436.

Об авторах

Ольга Леонидовна Кочеткова, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: olgkochetkova@mail.ru

Юлия Викторовна Гапонова, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yulyapost@mail.ru

Для цитирования:

Кочеткова О. Л., Гапонова Ю. В. Агиографическая топка в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 64–71. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4.

THE HAGIOGRAPHIC TOPIC IN I. S. SHMELEV'S NOVEL
THE INEXHAUSTIBLE CHALICE

O. L. Kochetkova¹, Yu. V. Gaponova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on May 29, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4

In this article, we discuss the hagiographic topics in I. S. Shmelev's novel The Inexhaustible Chalice, which are expressed through different components of the novel's literary structure – ranging from the individual traits of the main character, Ilya Sharonov, to twists of the plot and the milestones of his biography. We maintain that in terms of the genre this novel resembles both the lives of the righteous and the lives of the venerable. The novel conforms to the canons of hagiographic texts because of the presence of a righteous character, whose image is built in accordance with the traditional paradigm of the positive qualities of a saint. Other reasons for such conformity include the biographical topic, namely, a stable set of events and facts, affecting the life and fate of the character, and such structural plot elements as the character's dreams and visions, as well as signs and miracles, which testify to his initiation into sacred knowledge and visions. The topic of the 'angelic image', which is manifested in the character's physical resemblance to an angel, also contributes to the conformity with the hagiographic canon.

Keywords: history of Russian literature, Shmelev, hagiography, holiness, hagiographic topic, lives of saints.

References

Angely [Angels], 1987. Tokarev, S.A. (ed.). *Mify narodov mira. Entsiklopediya. (V 2 tomakh)* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. (In 2 volumes)]. Vol. 1. Moscow, pp. 76-79 (in Russ.).

Bocharov, S.G., 1985. *O khudozhestvennykh mirakh* [On the artistic worlds]. Moscow (in Russ.).

Dorofeeva, L.G., 2014. A humble person in the hagiography of Ancient Rus. *Germenevika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], 16-17, pp. 9-388 (in Russ.).

Ilyin, I.A., 2000. *Sobranie sochinenii. Peregiska dvukh Ivanov (1927-1934)* [Collected Works. Correspondence of two Ivan (1927-1934)]. Moscow (in Russ.).

Keler, L., 1972. I. S. Shmelev about himself and about others. In: N. Poltoratsky, ed. *Russkaya literatura v emigratsii* [Russian literature in exile]. Pittsburgh (in Russ.).

Lebedev, N.V., 1994. *Pochitanie svyatykh. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Veneration of the saints. A Brief Dictionary of Hagiographic Terms]. Moscow. Available at: <http://interpretive.ru/dictionary/445/word/%CF%FO%EE%EB%EE%E3> [Accessed 25 November 2017].

Lisitsyna, O., 2014. *Ikonografiya angelov* [Iconography of the angels]. Available at: <http://www.pravmir.ru/lektsiya-olgi-lisitsyinoi-ikonografiya-angelov-video/> [Accessed 25 November 2017].

Lyapin, D.A., 2014. System of symbols in the "Life of Sergius of Radonezh". *Is-toriya v podrobnostyakh* [History in details], 5(47), pp. 22-28 (in Russ.).

Nikulina, E.N., 2008. *Naznachenie zhitiya svyatogo. Zhitiinyi kanon* [Appointment of the life of the saint. The Life Canon]. Available at: <https://religion.wikiread->

ing.ru/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%95%20%D0%9D-kng [Accessed 25 November 2017].

Rudi, T.R., 2003. «Imitatio angeli»: (problems of the typology of the hagiographic topic). *Russkaya literatura* [Russian literature], 2, pp. 48-59 (in Russ.).

Selyanskaya, O.V., 2001. The artistic world of Russian Orthodoxy in the novel I.S. Shmeleva "The Inexhaustible Chalice". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: The humanities], 5(23), pp. 109-111 (in Russ.).

Sobolev, N.I., 2012. From the creative history of I. Shmelev's story "The Inexhaustible Chalice". *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 10, pp. 328-340 (in Russ.).

Tatarkin, V.I., 2011. *Vozvrashchayas' v istokam khristianskogo ucheniya* [Returning to the origins of the Christian teaching]. Tyumen (in Russ.).

Shmelev, I.S., 1998. *Neupivaemaya chasha* [Inexhaustible chalice]. Vol. 1, pp. 379-436 (in Russ.).

The authors

Dr Olga L. Kochetkova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: olgkochetkova@mail.ru

Dr Yulia V. Gaponova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yulyapost@mail.ru

To cite this article:

Kochetkova O.L., Gaponova Yu.V. 2018, The Hagiographic Topic in I.S. Shmelev's Novel *The Inexhaustible Chalice*, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 64–71. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-4.

**МЕЖДУ ВЕРОЙ И БЕЗВЕРИЕМ:
ТЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РОМАНЕ Ю. Н. ИВАНОВА
«ТАНЦЫ В КРЕМАТОРИИ: ДЕСЯТЬ ЭПИЗОДОВ
КЁНИГСБЕРГСКОЙ ЖИЗНИ»**

В. В. Малащенко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 19.02.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-5

В ходе исследования темы жизни и смерти в романе Ю. Н. Иванова «Танцы в крематории» структурно-семантическому анализу подвергается фрагментарный хронотоп, идейно-тематический и сюжетно-композиционный уровни произведения. Доказывается, что принцип фрагментарности максимально полно реализован писателем в структуре всего произведения, и, в первую очередь, в хронотопе романа, что напрямую связано с фрагментарно-дискретной структурой человеческого сознания и памяти, в том числе духовной, закрепляющей определенные, наиболее яркие события и эпизоды жизни главного героя в текстовом пространстве романа. Выявляется, что принцип фрагментарности на идейно-тематическом уровне манифестирован в романе в форме ряда знаковых тем-антитез, бинарных оппозиций (мир / война, жизнь / смерть, добро / зло, любовь / ненависть, вера / безверие, Бог / дьявол), которые маркируют специфику авторского мировосприятия и семантически интегрируют различные смыслы романа – субъективный, психологический, моральный, философский, художественный. Исследуемые оппозиции актуализируют центральный лейтмотив романа, метафору дороги как жизненного пути человека и основную морально-философскую идею-дилемму романа – трагическую судьбу человека, выбирающего собственную дорогу в жизни через преодоление смерти жизнью. Проявляется корреляция тем жизни и смерти, ориентированных в романе в сторону трудной, но безусловной, победы жизни над смертью. Прослеживается постепенное обращение автобиографического героя-нарратора к вере и Богу. Доказывается применение автором в поэтике романа такого художественного приема, как уплотнение сюжета и идеи в форму двух символических метафор – танцы в крематории и зоопарк, показывающих возрождение и торжество жизни в трагедийном пространстве разрушенного войной Кёнигсберга / Калининграда.

Ключевые слова: Ю. Н. Иванов, Кёнигсберг, Калининград, жизнь, смерть, Бог, вера.

Гуманистическое отношение к человеку и миру определяет поэтику исповедально-автобиографического романа-хроники Юрия Николаевича Иванова (1928 – 1994) «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни» (1993), увидевшего свет в калининградском издательстве только в 2006 году (2015 – 2-е издание). Через год после написания романа, в 1994 году, писателя не стало. В жанровом отношении это не только роман-хроника, но и, в том числе в символическом смыс-

ле, трагический роман-ретроспекция, роман-прощение, роман-искупление, роман-прощание, роман-освобождение автора от мира смерти, тяжкого гнета памяти и собственной вины, которую Ю. Иванов держал все эти годы внутри своего сердца. «Танцы в крематории» — это роман, проникнутый верой в безграничные духовные возможности человека, нравственные ценности, Бога, вера в Жизнь, побеждающую смерть. «Ибо — как отмечает русский философ Иван Александрович Ильин в работе «Путь духовного обновления», — вера ставит каждого из нас перед высшей ценностью жизни, перед последним вопросом бытия, перед нашим существованием в целом: когда смерть вопрошает душу, то душа отвечает верою» (Ильин, 1993, с. 143).

«Что спорить, есть ли Ты, Летящий над нами, нет ли Тебя? Ты есть для каждого из живых, потому что Ты — Жизнь, символ Жизни, Вечности. И что рассуждать о смысле Жизни, искать ответ на вопрос: в чем он, смысл, заключается? Весь смысл Жизни в том, что жизнь, нам дана для того, чтобы жить. Жить, как бы ни было трудно, сложно, порой страшно. Жить, преодолевая всё и закаляя себя в этой своей борьбе за Жизнь. И Вера... Что есть Вера? Вера то, что в нас, в наших душах, сердцах» (Иванов, 2015, с. 364–365) — такой заключительный вывод предлагает читателям своего романа Ю. Иванов в последней главе-эпизоде «Прощание навсегда». К этой вере автор романа и его главный герой, семнадцатилетний юный русский солдат Володя Волков, военный могильщик, барабанщик из музыкально-похоронной команды (2-й малый барабан), награжденный медалью «За оборону Ленинграда», приходят не сразу. Приходят, пройдя испытание кровавыми ужасами войны, блокады, смерти. Ю. Иванов, основываясь на личном опыте, подробно воссоздает в романе экзистенцию Володи Волкова в трагической топосфере поверженного Кёнигсберга и возрождающегося из его руин Калининграда. Сам автор, как и его герой, постоянно находятся в состоянии нравственного выбора.

Роман «Танцы в крематории» отличает сознательно заданный Ю. Н. Ивановым *принцип фрагментарности* на идейно-тематическом, сюжетно-композиционном и нарративном уровнях, воплощающий конститутивную стратегию поэтики писателя. Принцип фрагментарности максимально полно реализован писателем также в хронотопе романа, что напрямую связано с фрагментарной структурой человеческого сознания и памяти, в том числе духовной, закрепляющей определенные, наиболее яркие события и эпизоды жизни главного героя в текстовом пространстве романа.

На *идейно-тематическом уровне* принцип фрагментарности манифестирован в романе в форме ряда знаковых *тем-антитез*, неприемимой борьбы бинарных оппозиций (мир / война, жизнь / смерть, добро / зло, внутреннее / внешнее, истинное / ложное, любовь / ненависть, вера / безверие, Бог / дьявол). Бинарные оппозиции маркируют специфику авторского мировосприятия, семантически интегрируют различные смыслы романа — субъективный, психологический, мо-

ральный, философский, художественный. Эти оппозиции помогают понять основную морально-философскую идею-дилемму романа — трагическую судьбу человека, жизненный путь главного героя, выбирающего собственную дорогу в жизни (центральный лейтмотив романа, метафора дороги как жизненного пути человека, — название новеллы О.Генри «Дороги, которые мы выбираем») через преодоление смерти жизнью, обретение надежды, любви и постигающего смысл, а порой, и «полнейшую бессмысленность» (Иванов, 2015, с. 121) человеческой жизни на краю пропасти, перед огнедышащей глоткой гигантского крематория» (Иванов, 2015, с. 370).

На сюжетно-композиционном уровне он представляет собой вступление и 10 глав-эпизодов. Последний эпизод («Прощание навсегда») служит эпилогом ко всему роману в целом. Композиция и сюжет романа «скреплены» памятью автобиографического героя-нарратора и построены на ретроспективном принципе. Каждая из глав-эпизодов последовательно «развертывает» сюжет романа: основная часть всех эпизодов — события в послевоенном Кёнигсберге / Калининграде, а резюмирующая — их авторское осмысление в аббатстве Химмерод. Сам композиционный принцип расположения материала (монтажный принцип структурирования различных хронотопов) в текстовом «массиве» наглядно проявляется в последовательно маркированных автором стыках разнесенных хронологических и нарративных сегментов в главах-эпизодах произведения.

Фрагментарный хронотоп произведения двупланов. Он состоит из двух основных «реальных» пространственно-временных пластов: настоящее (1990-е годы) и прошлое (1945—1947/48 годы) время, и одного ирреального. *Настоящее время* — несколько месяцев жизни и работы Ю. Иванова в католическом цистерцианском аббатстве Химмерод (Германия, земля Рейнланд-Пфальц, около 2,5 км от коммуны Грослитген). Здесь, в аббатстве, пишет автор, «будто погружаюсь в самого себя, в тот мир, который вот тут, в аббатстве, восстанавливаю в своей памяти...» (Иванов, 2015, с. 119). *Прошлое время* — основные события — юность Володи Волкова в Восточной Пруссии в послевоенном Кёнигсберге / Калининграде. *Ирреальный хронотоп* — придуманный, воображаемый, романтически-идеальный мир Володи Волкова («Летучей Рыбы»). Мир, «рожденный» из художественной реальности произведений Дж. Лондона, О. Генри, Майн Рида, Ф. Купера, Р. Стивенсона, А. Грина и насыщенный образами Белых Долин, Больших озер, вулканов Аляски и Камчатки, южных морей и океанов.

Каждый из двух реальных хронотопов расширен и осложнен фрагментарными и микрофрагментными субхронотопами. *Настоящее время* (1990-е годы) «включает» в себя следующие субхронотопы — 1950-е годы, четырнадцатилетняя работа Ю. Иванова в морях и океанах на разных должностях — от матроса до первого помощника капитана, шестимесячное плавание на тунцелове «Вега» в Южной Атлантике; 1970-е годы — посещение ранчо «Флоренс» в Намибии; 1980-е годы — работа председателем Калининградского отделения Российского фонда куль-

туры. *Прошлое время* (1945–1947/48 годы) — также содержит дополнительные микрофрагментарные и фрагментарные субхронотопы довоенного и военного времени (1940/42 годы) — занятия Володи Волкова музыкой, боксом в детской секции Ленинграда, время немецких бомбежек города, трагедийное время блокадного Ленинграда — голодные и беспризорные подростковые годы героя. Особо подчеркнем, что именно *ирреальный хронотон*, воображаемый мир помогает герою выжить, сохранить в себе доброту, человечность и не потерять смысл жизни.

По мнению Евгения Николаевича Трубецкого, сущность вопроса о смысле жизни, «тем яснее сознается человеком, чем ярче выступают в жизни те злые силы, которые стремятся утвердить в мире кровавый хаос и бессмыслицу» (Трубецкой, 1994, с. 224). Именно события Великой Отечественной войны сыграли главную роль в формировании личности и нравственного облика Володи Волкова. В апреле 1945 года вместе с частями наступающей Красной Армии герой оказался в Кёнигсберге, в самом центре наступательной операции. Вместе с тринадцатью членами музыкально-похоронной команды он на протяжении почти шести месяцев хоронит как погибших русских солдат, так и немецких солдат и гражданских жителей Восточной Пруссии и Кёнигсберга. О масштабах проделанной работы команды «говорит» яркая художественная деталь — диалог героя с его другом Валькой Колпаковым: « — Знаешь, я подсчитал, мы почти тридцать тысяч залопатили, — говорит Валька. — Целый небольшой городок народу в землю уложили. По три тысячи на каждого, представляешь?» (Иванов, 2015, с. 26).

Сами бои в романе не показаны, но ткань романа, особенно четыре главы «Улыбка мертвеца», «Танцы в крематории», «Свидание на кладбище», «Мертвый город», маркированные смертью, максимально плотно насыщены гибелью и страданиями людей, описанными автором в жестких натуралистических подробностях. Эти смерти — результат кровавой войны, захватившей две нации, русскую и немецкую. Как пишет Николай Лосский в работе «Бог и мировое зло»: «Смерть, одно из самых страшных бедствий, также есть зло, творимое не Богом, а нами самими» (Лосский, 1994, с. 355). «В широком смысле слова к области явлений смерти относится не только разрушение тела, но и отодвигание событий в прошлое, сопутствуемое *забыванием* о них» (Лосский, 1994, с. 368; курсив мой. — В. М.). Писатель Юрий Иванов не может забыть свой опыт, как военный, так и послевоенный, когда он еще на протяжении почти двух лет жил со своим отцом и учился в Кёнигсберге-Калининграде. Не может забыть еще и потому, что именно в этом городе он встретил, возвратил к жизни (отогрел, выкормил, выходил) и полюбил немецкую девушку Ингу Клюге, свою первую любовь. Однако война разлучила их, и встреча с ней, по иронии судьбы, так и не состоялась (Инга в этот момент уехала по делам), хотя спустя двадцать лет писатель приехал в ранчо «Флоренс» в Намибию, в ее дом и познакомился с мужем и их взрослым сыном.

Победить смерть в разрушенном войной городе герою помогает вера в жизнь, в добро, в человечность. Репрезентация темы жизни и смерти в романе наглядно воплощена в страшных знаковых символах и образах романа. Топос романа максимально «уплотнен» трагедийными образами смерти. Отметим наиболее яркие *знаки-символы смерти-зла*:

— «двести тысяч советских солдат» (Иванов, 2015, с. 60), погибших в крематории концлагеря Бельзен;

— сожженные фашистами в танках черные трупы советских танкистов;

— 13 персональных именных гробов, которые похоронная команда возит с собой;

— опозоренная перед смертью и повешенная раздетой русская девушка на площади у Северного вокзала;

— фонтан с водящими хоровод детьми, у которых снарядами отстрелены головы (Иванов, 2015, с. 35);

— немецкий адмирал Дитрих, в войну командир подводной лодки, утопивший на Балтике два гражданских судна с беженцами — ранеными, женщинами и детьми: «Их там было не менее тысячи! Вся вода кипела от человеческих тел. Белые лица, черные дыры разинутых, кричащих ртов» (Иванов, 2015, с. 88);

— обглоданные крысами на лестничной площадке тела умерших жителей блокадного Ленинграда;

— рассказанная Генкой Хлыстовым история («правда, врал или нет, не знаю»), отмечает нарратор (Иванов, 2015, с. 103) про несущуюся по Штайндаммштрассе облитую фосфором горящую слоницу, спасающуюся из разбомбленного английской авиацией Кёнигсбергского зоопарка. Врал, поскольку в августе 1944 года ковровая бомбежка не затронула зоопарк, охватив в основном район от Нордбанхофа до замка;

— смерть в блокадном Ленинграде племянника героя — младшего брата Толика и пропажа его трупа с лестничной площадки подъезда дома героя;

— мертвый немецкий солдат-пулеметчик на башне Кёнигсбергского замка: «Вместо глаз — черные, выклеванные птицами, дыры» (Иванов, 2015, с. 183);

— расстрел в упор из скорострельной зенитки и пулеметов 8 апреля 1945 года колонны фашистов и, как оказалось впоследствии, случайно членов их семей — женщин и детей, пытавшихся вырваться из Кёнигсберга: «Наверно, и сейчас, под снегом, под серой брусчаткой, земля не черная, а бурая...» (Иванов, 2015, с. 337);

— «допрос» Володи в штабе «Двуликим Янусом», когда герой спрашивает, должен ли он рассказывать девчонкам в школе о том, «как я вот этими руками оторванные ноги и головы по полю боя собирал?.. Как раздутые газами трупы взрывались?» (Иванов, 2015, с. 340);

— самоубийство боевого офицера, орденосца Коли-танкиста и муки его «сожительницы», немки Виктории, насильно выдворенной в Германию на битком набитом поезде, простоявшем трое суток на пу-

тях. По официальным документам за это время в поезде умерло шесть человек, и их трупы оставались в вагонах: «Мертвые должны были ехать в Германию вместе с живыми» (Иванов, 2015, с. 370).

Знакам смерти противостоят в романе *знаки-символы жизни-добра*, побеждающие смерть:

— скворец в зоопарке, поющий посреди разрушенного войной города (Иванов, 2015, с. 48–49);

— эмблема похоронной команды старшины Семенова: «...наш фирменный знак: скрещенные лопаты и флейту. Земля и небо! Возвышенное и низменное. Жизнь и Смерть в конце концов» (Иванов, 2015, с. 50);

— возвышающие душу звуки органной музыки (фуга Баха), которые слышат герой и раненые солдаты в кирхе Святого Семейства, превращенной в госпиталь: «Будто все разом стихло в наполненном ранеными зале. Будто все сейчас слушали музыку, и эти звуки омывали душу, укрепляли силы, веру в то, что жизнь сильнее смерти» (Иванов, 2015, с. 56);

— платок, которым накрывает герой лицо своего ровесника «двойника», немецкого мальчика, «убитого» выстрелом в лоб (Иванов, 2015, с. 57);

— расстрелянный немцами, но вылеченный живой бегемот Ганс из Кёнигсбергского зоопарка;

— выжившая, благодаря стараниям героя и ветврача Полонского, немецкая овчарка Джерри, получившая три пули от своего прежнего хозяина, фашистского офицера при его поспешном бегстве из города;

— молодой красноармеец, растеревший героя, замерзающего в снегу блокадного Ленинграда 1941 года, накормивший и проводивший его домой;

— доброта Володи Волкова, втайне от отца, приютившего в подвале «своего» дома немецкого парня, отпущенного из лагеря военнопленных (Иванов, 2015, с. 327)

— Морозное Рождество, приютившее в доме героя дьяконессу и двух маленьких слепых девочек-сирот;

— образ парящего над мертвым городом Христа, оберегающего Кёнигсберг в наполовину разрушенной католической капелле св. Адальберта в районе Амалиенау, которую по ошибке Ю. Иванов называет Альбрехт-кирхой.

«Начало и Конец, Жизнь и Смерть... Вот и отлично. Все в нас, все с нами: начало и конец, жизнь и смерть, прошлое и настоящее» (Иванов, 2015, с. 20).

Определяющими в понимании семантики романа выступают два доминантных символических и метафорических образа, воплощающих победу жизни над смертью — *танцы в крематории и зоопарк*. В поэтике романа Ю. Иванов использует характерный художественный прием — сгущение, уплотнение сюжета и идеи в форму ключевых метафор. Оксюморонная развернутая символическая метафора *танцы в крематории*

дважды поставлена автором в сильную позицию — в заглавие романа и название одной из глав (эпизод четвертый). Она также неоднократно встречается в тексте романа — в авторском «Предисловии» (Иванов, 2015, с. 4) и разных главах-эпизодах романа: «Четыре головы» (Иванов, 2015, с. 189), «Осенние смотрины» (Иванов, 2015, с. 217), «Морозное Рождество» (Иванов, 2015, с. 354), «Прощание навсегда» (Иванов, 2015, с. 370). Метафора танцев в крематории амбивалентна и содержит как минимум два значения — негативное и позитивное. Негативное — это символический, фантазмагорический образ абсурдности окружающего мира времени 1945/48 годов и 1990-х годов, конфликта в Нагорном Карабахе и других «горячих» точках России и мира. Позитивное значение — также символическая семантика. Танцы в крематории символизируют торжество жизни, находящейся в самом логове смерти. Ю. Иванов сопрягает, «сталкивает» полярные смыслы. Он задает конкретный локус — крематорий, царство смерти, смерть человека, статика и танец в нем живых людей, движение, динамика. Образ *пляски жизни* контрастирует с традиционным в европейской литературе и, шире, искусстве апокалиптически-гротескным изображением «Пляски Смерти», в котором смерть (скелет с косою или флейтой) «руководит» людским хором из разных социальных слоев. В традиционной «Пляске Смерти» смерть торжествует над жизнью, в авторской метафоре «танцы в крематории», метафоре воскресения, возрождения, жизнь побеждает смерть! Отметим также, что своеобразную визуальную и семантическую «раму» образуют заглавие и паратекст, подзаголовок романа — «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни». Статичная лексема *крематорий* поглощена, «нейтрализована» динамичными лексемами *танцы и жизнь*.

Среди разрушенного войной Кёнигсберга, расколотой взрывом надвое башни замка, бесконечного числа недавних стихийных массовых и одиночных захоронений, среди гари и воронок, смерти метафорой возрождающейся жизни выступает *образ зоопарка*. «Доктор Айболит» (Иванов, 2015, с. 96), зоотехник-ветеринар сержант Владимир Полонский спас раненую овчарку Джерри, долго выхаживал и вылечил бегемота Ганса. В разговоре с героем Полонский говорит: «Ведь у меня уже тут не один бегемот, а целый *ковчег со зверьем* (курсив мой. — В.М.): старина Ганс, ослица Машка, барсук, косулька Ленка» (Иванов, 2015, с. 98). Послевоенный зоопарк является центром притяжения как мирных граждан, так и советских солдат и офицеров, при любой возможности приходит сюда и Володя Волков, помогая Полонскому в уходе за животными. Здесь же по выходным дням устраиваются танцы, где встречаются немецкие девушки, женщины и советские офицеры. Именно танцам в зоопарке обязан своим знакомством со своей первой юношеской любовью, Ингой, главный герой.

Победой жизни над смертью в 3-й главе («Черный капрал») маркирована и сцена братания двух, изначально враждебных, молодежных компаний, русской и немецкой. Ю. Иванов рисует ритуально-обрядовое единение их групп у воронки возле подбитого немецкого танка

«Тигр» – выкуривание «трубки мира», совместное купание – «омовение», «очищение» огнем, ритуальное «причащение» разведенным спиртом (кружка идет по кругу), последующая совместная трапеза юношей и девушек.

Остаться самим собой в кровавой бойне войны, сохранить доброту и нравственную чистоту герою романа Иванова помогают любовь, чувство к Литке и Инге, вера в жизнь и постепенно укрепляющаяся в нем вера в Бога. Его поступками руководят, в первую очередь, морально-этические законы, заложенные его семьей – родителями и бабушкой Анастасией. Вера в Бога приходит к Володе Волкову постепенно. Она еще не осознана героем в послевоенном Кёнигсберге / Калининграде. Он испытывает чувство радости, что остался жив, и сам еще до конца не верит в это. Понимание веры автор (и герой романа) испытывает спустя несколько лет после окончания войны, в длительном шестимесячном плавании на судне: «Может, именно тогда, в том жутком рейсе, я впервые подумал о Боге» (Иванов, 2015, с. 6). По мнению Николая Бердяева, «человек встречается с Богом не в Бытии, о котором мыслят в понятиях, а в духе, в духовном опыте» (Бердяев, 1995, с. 297), и «связь человека с Богом не природно-бытийственная, а духовно-экзистенциальная, глубинная» (Бердяев, 1995, с. 299). Именно осмысление событий прошлой жизни, внутренний духовный опыт позволяют герою постичь суть христианской религии и веры в Бога. Русский философ XX века Иван Ильин предельно точно обозначает этот аспект: «...помимо внешнего (чувственного) опыта человеку дан еще внутренний (нечувственный) опыт. И вот этот *внутренний, духовный опыт и есть истинный источник и истинная область веры, религии и всей духовной культуры вообще*» (Ильин, 1993, с. 152; курсив автора).

Размышляя о мировом смысле в работе «Смысл жизни», Евгений Трубецкой подчеркивает, что в христианской религии человек, соединяясь с Богом, «не растворяется в Нем, а, наоборот, восстанавливает нарушенную страданием и смертью целостность своего существа, достигая полноты и совершенства своей человеческой жизни» (Трубецкой, 1994, с. 48).

Корреляция тем жизни и смерти ориентирована в романе в сторону трудной, но безусловной, победы жизни над смертью. Ирреальный, гармоничный внутренний мир мечты героя становится ее действительным осуществлением в реальном хронотопе общей судьбы Володи Волкова и писателя Юрия Иванова. Молитвы героя услышаны: «Спасибо Тебе, что я оказался тут! Ты услышал меня, мой отчаянный вопль в гиблых широтах гнилых южных морей? Ты Бог, который не над нами, а в нас? Компас Жизни, обитающий в нас, в наших душах и сердцах, и вытирающий нам направление, те или иные дороги?» (Иванов, 2015, с. 18).

В 11-й главе «Евангелия от Иоанна», рассказывающей о воскресении Лазаря, Иисус обращается к Марфе, сестре умершего Лазаря: «Я емь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин 11:25–26).

Всем верующим в Иисуса Христа мученикам Великой Отечественной (Второй мировой) войны — павшим воинам Красной Армии и уничтоженному мирному населению СССР, погибшим немецким солдатам, не повинным в чужих смертях, и погибшему мирному населению Германии, даровано воскресение от «Летящего» над ними. Подобное воскресение своим героям в художественном мире романа дарует и Творец этого мира, член КПСС, верующий христианин, калининградский писатель Юрий Николаевич Иванов.

Его роман — это очищение души и сердца, последнее нравственное очищение и прощение, которое он просит у Господа в 9-й главе «Морозное Рождество»: «**Прости** меня, что все смешалось — небесное и земное, прошлое и настоящее, но ведь это Жизнь, о Ты, к кому обращены эти слова. Это Жизнь, вся сотканная из надежд и отчаяния, из побед и поражений, веры и разочарований. **Прости**, уж так мы, живущие на земле, устроены! Наше прошлое живет в нас, ведь каждый из нас — это весь мир, что вокруг нас.... **Прости** всех тех, кого я знал, с кем дружил еще там, в Кёнигсберге. Наверно, мы делали не все так, как надо было... Прости нас всех, Господи. **Прости** и меня за многое-многое, за непродуманные, глупые поступки и слова. И за то, что меня так мучает, кажется, вот уже всю мою жизнь... Ты же знаешь, о, Летящий там, в вышине, как умер мой племянник Толик» (Иванов, 2015, с. 353; выделено нами. — В. М.). Мир смерти и мир жизни. Любовь, спасающая мир. Любовь человеческая и любовь Христа, обнимающая, одаривающая и оберегающая этот хрупкий мир.

Список литературы

- Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.
Иванов Ю. Н. Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни. Калининград, 2015.
Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 134—403.
Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.

Об авторе

Владимир Владимирович Малащенко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

Для цитирования:

Малащенко В. В. Между верой и безверием: тема жизни и смерти в романе Ю. Н. Иванова «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни» // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 72—81. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-5.

BETWEEN FAITH AND DISBELIEF:
THE THEME OF LIFE AND DEATH
IN YU. N. IVANOV'S NOVEL *DANCES IN THE CREMATORY:*
TEN EPISODES FROM THE LIFE OF KÖNIGSBERG

V. V. Malashchenko¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on February 19, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-5

In exploring the themes of life and death in Yu. N. Ivanov's novel Dances in the Crematory, I carry out a structural-semantic analysis of the fragmentary chronotope and the ideational-thematic and plot-compositional levels of the novel. I demonstrate that the principle of fragmentarity is utilised by the author to the full extent across the novel, primarily, in its chronotope. The latter is closely connected with the fragmentary-discrete structure of human consciousness and memory, including the spiritual memory, which secures the most vivid events and episodes from the life of the main character in the textual space of the novel. I prove that, at the ideational-thematic level, the principle of fragmentarity is manifested in the novel in the form of a series of antithesis themes and binary oppositions (peace/war, life/death, god/evil, love/hate, faith/disbelief, God/devil), which reveal the author's worldview and integrate semantically different dimensions of the novel – subjective, psychological, moral, philosophical, and fictional ones. These oppositions emphasise the novel's leitmotif (the metaphor of the road as a person's life journey) and its central moral-philosophical idea and dilemma – the tragic fate of a person who has chosen the independent path of overcoming death with life. I stress the correlation between the themes of life and death, which gravitate in the novel towards a difficult, yet clear victory of life over death. I trace how the autobiographical character-narrator gradually turns to God and faith. I prove that, in the novel's poetics, the author uses such a technique as the compression of the plot and the idea into two symbolic metaphors – the dance in the crematory and the zoo, which stand for resurrection and the triumph of life in the tragic space of Königsberg/Kaliningrad – a city devastated by the war.

Keywords: Yu. N. Ivanov, Königsberg, Kaliningrad, life, death, God, faith.

References

- Berdyaev, N.A., 1995. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The kingdom of the spirit and the kingdom of Caesar]. Moscow (in Russ.).
- Ivanov, Yu.N., 2015. *Tantsy v krematorii: desyat' epizodov keniigsbergskoi zhizni* [Dances in crematorium: ten episodes of Königsberg life]. Kaliningrad (in Russ.).
- Ilyin, I.A., 1993. The path of spiritual renewal. In: I.A. Ilyin. *Put' k ochevidnosti* [The way to evidence]. Moscow, pp. 134-403 (in Russ.).
- Losskii, N.O., 1994. *Bog i mirovoe zlo* [God and world evil]. Moscow (in Russ.).
- Trubetskoy, E.N., 1994. *Smysl zhizni* [Meaning of life]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

To cite this article:

Malashchenko V. V. 2018, Between Faith and Disbelief: The Theme of Life and Death in Yu. N. Ivanov's *Novel Dances in the Crematory: Ten Episodes From the Life of Königsberg*, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 72–81. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-5.

ВОЗРАСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ, АМЕРИКАНСКИХ И РУССКИХ КОМПЛИМЕНТАРНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

*Н. А. Куракина*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 25.04.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-6

Проанализированы языковые особенности порождения и восприятия комплиментарных высказываний представителями разных возрастных идентичностей, принадлежащих к английской, американской и русской культурам. Язык представителей разных возрастных групп не идентичен, в связи с чем возникает необходимость детального рассмотрения вопроса отражения возрастных параметров в языке и выявления семиотических маркеров возрастной идентичности, что достаточно актуально в свете перспективного научного лингвистического направления социальной семиотики. Цель исследования повлияла на выбор следующей методики, включающей метод контекстуального анализа, метод семантической и прагматической интерпретации. Применяемые количественные подсчеты обеспечивают релевантность проведенного исследования, которое проводилось, принимая во внимание интенциональные и стилистические особенности комплиментарных высказываний, реакции на комплимент, что обусловлено нацеленностью комплимента на достижение эффективной коммуникации. Типология интенций и реакций свидетельствует о том, что культурные различия представителей английской, американской и русской национальных идентичностей ярко проявляются в языке. Так, например, в интенциональном плане для представителей английской зрелой возрастной идентичности характерна интенция вежливости, для представителей американской зрелой возрастной идентичности типична интенция похвалы, а для представителей русской зрелой возрастной идентичности – похвалы и лести. В ходе анализа языкового материала было установлено, что комплименты представителей зрелой возрастной идентичности отличаются от комплиментов представителей молодежной возрастной идентичности. Комплименты представителей молодежной возрастной идентичности, произнесенные в неофициальной ситуации общения, встречаются чаще комплиментов представителей зрелой возрастной идентичности. Комплиментарные высказывания каждой из возрастных групп имеют свои специфические особенности. Полученные результаты могут быть применены в таких курсах, как «Стилистика» и «Прагмалингвистика», что представляет практическую ценность исследования.

Ключевые слова: комплимент, возрастная идентичность, зрелая возрастная идентичность, молодежная возрастная идентичность, английская культура, американская культура, русская культура.

Данная статья посвящена выявлению основных характеристик языковой реализации возрастной идентичности коммуникантов, относящихся к русской, английской и американской лингвокультурам, что

весьма актуально на материале комплимента, который является частью коммуникации и способствует достижению эффективного общения (Куракина, 2017).

Рассматривая возрастной параметр, целесообразно обратить внимание на различные подходы к интерпретации возрастной идентичности (Куракина, 2016, с. 58). Возрастная идентичность формируется под влиянием возрастных стереотипов, которые определяют характер взаимодействия человека с представителями своей возрастной группы и возрастных групп других людей. В процессе социального взаимодействия человеку приходится формировать идентификации с новыми социальными группами («подростки», «взрослые», «пожилые»), отказываясь от предыдущих групп (Микляева, Румянцева, 2008). Таким образом, возрастная идентичность является частью социальной идентичности, однако она представляет собой отождествление себя с той или иной возрастной группой, нормы которой регулируют поведение личности.

Возрастная идентичность отражается в языке. Каждая лингвокультура обладает своими средствами семиотического маркирования языка, зависящими от принадлежности к той или иной возрастной группе.

Особенности речи молодых и более зрелых людей можно называть возрастными особенностями. Речь людей, являющихся представителями разных возрастных групп в действительности отличается: у более старшего поколения она консервативна, у пожилых людей она включает больше архаичных слов, а у молодого — имеет лексические и грамматические инновации; при этом для каждого поколения характерны свои инновации, обусловленные политическими и экономическими факторами (Вахтин, Головкин, 2004). Специфику речи подростков в противовес взрослой речи образуют такие признаки, как усечение слов, нарушение грамматических норм как демонстрация своей уникальности, независимости и самодостаточности, столь характерных для подросткового возраста. Большое влияние на язык подростков оказывают телевидение и Интернет (Леонтович, 2002). Считается, что молодежный жаргон является одним из языковых средств реализации «клановой» идентификации, принадлежности к определенной группе.

Рассмотрим на конкретных примерах комплиментов проявление возрастных особенностей коммуникантов.

Изучим проявление возрастной идентичности в русском комплименте.

1. — Ты — моя прекрасная дама (Пелевин, Ананасная вода..., с. 72).

Приведенный комплимент демонстрирует зрелую возрастную идентичность адресанта, так как комплимент, содержащий метафоричное выражение «прекрасная дама», которое имеет в данном контексте значение «женщина, являющаяся объектом поклонения, ангелоподобная женщина», не имеет тенденции к употреблению в современном молодежном кругу. Возможно также, что выражение «моя прекрасная

дама» является аллюзией к популярному в годы молодости адресанта английского мюзиклу “My fair lady” (был экранизирован и с успехом прошел на экранах всего мира).

2. — В парке, когда нагулялись, с симпатичными летчиками-парашотистами познакомилась. Сладкой ватой угощали. Розовой. Даже хотели адресами обменяться. Николаю на границу ехать заменяться вскоре. На Дальний Восток. Куда мне-то на этот самый Дальний Восток. Там и профессии моей наверняка и нет. Одни леса и болота.

Она это сообщила столь значительно, что передо мной повисла карта Дальнего Востока. В серебряном самолете Николай пронизал облака.

— С парашотистами? В парке прямо? Но не «обменяться», Любовь, а «поменяться». Это жилплощадью можно обменяться. Да и не «нагуляли», а «нагуляли». Тьфу ты, что я! «Нагуляли» — это ребеночка вполне можно нагулять. Конечно, «погуляли». Да, надо по-правильному — «погуляли».

...

Бабушка никогда не могла лишиться себя сладости поучения. С ней было лучше говорить безглагольно. Оборванными дефектными предложениями. Ей, вообще-то, нравился только один вид глаголов — особенного вечно совершаемого времени, самого совершенного вида. С пафосом неиссякания. К таким глаголам мысленно легко приставлялись наречия «всегда», «вечно», «постоянно», «неизменно», «как обычно». Так она изживала банальный страх смерти.

— А что ты, Буся, на них дураками обозвалась? — вставил я предательскую реплику, мне отчего-то было жалко, что офицеры похилияли.

— Не «обозвалась», а «обозвала», а грамотно по-русски «назвала». А правда, почему же — дураками, Любовь? Если парашотисты, так сразу тебе и дураками. Они и по земле, замечу тебе, могут ходить, как люди нормальные. Да и парашотисты не все прямо, и дураки тебе как на подбор.

Бабушка говорила уже само собой, плавно перейдя к былинному распеву. Взор ее восшел к потолку.

Ведь она чувствовала себя народом, хранила в себе стихию языка и обращалась к ней, когда вдруг начинала мыслить вслух. Будто она сама для себя — толика непомерного, как море-океан, чуть колеблемого эпоса.

— Не дураки как на подбор, а «богатыри как на подбор», — сообщил я цитату из классика. Мне тоже надо было принять участие в дискуссии.

— И не умничай, — глянула на меня с едва заметной улыбкой бабушка.

Бедная Буся стихла и потупилась (Кононов, 2004, с. 177–178).

В приведенном комплименте адресант использует экспрессивное прилагательное «симпатичный» для характеристики внешних данных летчиков. Бабушка, являясь представительницей зрелой возрастной идентичности со свойственной пожилым людям внимательностью к культуре речи, начинает исправлять, употребленные внучкой глаголы («Но не “обменяться”, Любовь, а “поменяться”. Это жилплощадью можно обменяться. Да и не “нагуляли”, а “нагуляли”. Тьфу ты, что я! “Нагуляли” — это ребеночка вполне можно нагулять. Конечно, “погуляли”. Да, надо по-правильному — “погуляли”»). Автор вносит комментарий, наблюдательно характеризую идентичность бабушки: «Бабушка никогда не могла лишиться себя сладости поучения». По ходу произведения прослеживается тенденция бабушки называть молодых

людей «дураками». Предугадывая ее речь, главный герой произведения вступает в дискуссию с замечанием «Не дураки как на подбор, а *“богатыри как на подбор”*», где цитата является аллюзией к сказке А. С. Пушкина («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»), которая используется в качестве опровержения слов бабушки и выделения положительных качеств молодых людей.

3. — Поехали, Настюш. Котеночек, поехали!.. На таксырнике — туда и обратно. Ненадолго. На полчасака.

Настя вытаскивает Мишкину руку из-под свитерка.

— Ну сказала же, неохота, — она пихает ногой лежащую сумку. — Это надо в морозильник затолкать... У бабушки день рождения скоро. Мне тетя Клава с таким трудом достала эту шелупонь. Я ей даже деньги еще за это не отдала (Кунин, Ребро Адама, с. 10).

Данный пример ярко демонстрирует речевое поведение, характерное для представителей молодежной возрастной группы. Комплимент девушке выражен посредством уменьшительно-ласкательных обращений к ней «Настюш», «котеночек», которые являются эмоционально окрашенными и нацелены убедить девушку поехать к друзьям. Использование в речи нелитературного просторечия («неохота», «затолкать»), фамильярно-разговорной лексики («полчасака», «свитерок»), сленга («таксырник», «шелупонь»), часто употребляемыми современной молодежью, подчеркивают их молодежную возрастную идентичность. «Рубленный стиль» с использованием повторов, присоединительных и парцелированных конструкций («Поехали, Настюш. Котеночек, поехали!», «На таксырнике — туда и обратно. Ненадолго. На полчасака»), характерных для устной разговорной речи, придают беседе будничного, прозаичного характера. Адресат категорично отказывается от приглашения: «Ну сказала же, неохота».

4. — ...Ирина, ты совершенство, я тебя недостойн! Я — старый неискренний трус!

— Молчи, педераст! (Ерофеев, 1989, с. 16).

Данное эмоциональное комплиментарное высказывание выражено метафорой-гиперболой, в которой героиня сравнивается с совершенством, не имеющим недостатков («Ирина, ты совершенство»), и последующим самоуничижением комплиментирующего («я тебя недостойн», «я — неискренний трус!»), которое усиливает воздействие на эмоциональное состояние и поведение адресата. Ирина, отвергая комплимент, употребляет бранное слово «педераст» (в переносном значении «человек низких моральных принципов»), которое в настоящее время широко употребляется главным образом в речи невоспитанных, малообразованных представителей молодежной среды. Оформление реакции на комплимент в форме приказа («Молчи, педераст!») выражает его неприятие и наивысшую степень недовольства адресата.

5. — Прекрасно выглядишь, Степан, — с удовольствием сказал ему Мика.

— Ну, ты-то вообще!.. Я б тебе больше полтинника и не дал бы! Тебе, Мика, Германия к лицу... (Кунин, 2000, с. 340).

Цель комплимента состоит в выражении высокой степени похвалы внешним данным собеседника, которая выражена словом «прекрасно». Реакция комплимента состоит в том, что собеседник отвечает на комплимент комплиментом, употребив разговорное слово «полтинник», типичное для молодежной возрастной идентичности. Использование восклицательных предложений, а также разговорного выражения «Ну, ты-то вообще!», в котором наречие «вообще» обозначает «всегда, при любых условиях», создают особый эмоциональный колорит.

Рассмотрим способы языковой реализации возрастного параметра в английских комплиментах.

6. Bob called his daughter. As he had anticipated, Alex was at home in her Glasgow flat studying for the last of her university law exams, in hot pursuit of a first-class honours degree.

— I'm sorry, Pops, she said, after he had broken the news. I'm twenty-one years old, and I cannot just get my head round the idea of having a baby brother. He's going to call me Auntie — that's all there is to it.

She laughed at the other end of the line.

— Seriously, I am so pleased for you both. And so proud. He's a new chapter in all our lives, and you know what? We deserve him.

Her voice sounded suddenly wistful, almost vulnerable (Jardine, 1994, p. 7).

Данный неофициальный комплимент-поздравление, в котором взрослая дочь поздравляет своего отца и его жену с рождением ребенка, ярко демонстрирует языковую реализацию молодежной группы адресанта. Девушка экспансивно выражает свое ликование (*I cannot just get my head round the idea of having a baby brother*), и говорит, что она рада за них обоих и гордится ими: *Seriously, I am so pleased for you both. And so proud*. Ее умиляет факт, что ребенок будет называть ее тетей: *He's going to call me Auntie — that's all there is to it*.

Приподнятое настроение девушки отражается в использовании ею эмоционально окрашенной лексики — метафор *He's a new chapter in our lives, We deserve him*, которые придают поздравлению особую экспрессию и выразительность. Коллоквиализм *Pops* ('папа') и часто употребляемое в разговорной речи выражение *you know what?* подчеркивают неформальность ситуации общения.

7. — I will say it again, you will make a fine solicitor, George (Barnes, 2005, p. 20).

В приведенном примере более зрелый собеседник демонстрирует свою компетентность, позволяющую ему отметить хорошие профессиональные качества своего молодого коллеги Джорджа. Он убеждает его (*I will say it again*), что из него выйдет хороший (прекрасный) юрист (*... you will make a fine solicitor*). Официальный комплимент взрослого, уверенного в себе мужчины, отличается сдержанностью: он немногословен, а прилагательное *fine*, часто употребляющееся в разговорной речи, обозначает более низкую степень качества по сравнению с соот-

ветствующим русским эквивалентом 'прекрасный'. Английское прилагательное *fine* в русском языке имеет соответствия 'хороший; прекрасный, превосходный', то есть значения 'прекрасный, превосходный' и значение 'хороший' являются равнозначными. Вероятно, этим объясняется и тот факт, что, хотя прилагательное *fine* означает 'красивый и высококлассный; лучше других', в английском языке возможны такие варианты, как *He's a very fine musician*.

8. – That's great, Dad. Really. I stepped forward and gave him a hug.
Well, it's really Will you should thank. What a smashing bloke. I'm just bloody grateful that he thought of me (Moyes, 2012, p. 521).

Приведенный одобрительный неофициальный комплимент (*That's great, Dad. Really*) с экспрессивным прилагательным *great* и интенсификатором *really*, выраженный дочерью в адрес отца, реализован в неофициальной ситуации общения, что значительно меняет языковое поведение представителя зрелой возрастной группы, который довольно эмоционально реагирует на похвалу, употребляя разговорное выражение *smashing bloke*, где лексема *bloke* имеет значение ('парень, гаврик'), разговорное экспрессивное выражение *bloody grateful* содержит интенцию благодарности, включая интенсификатор *bloody* в значении "*adds emphasis to basically anything you want it to, most often put before words*" ('эпуб., сленг. чертовски, очень').

Рассмотрим способы языковой реализации возрастного параметра в американских комплиментах.

9. – It's a lovely old silo, Ma, John said. And it's lovely news about the Wheelers, and you're a lovely person. Isn't she, Pop? Isn't she a lovely person?
– All right, John, Howard Givings said. Let's steady down, now (Yates, 1961, p. 173).

Приведенное комплиментарное высказывание ярко демонстрирует возрастные особенности ребенка в его разговоре с родителями. Неофициальный комплимент не отличается особым разнообразием лексики: выражая свой восторг увиденным, мальчик дважды использует широкоупотребительное оценочное прилагательное *lovely*, а затем, резко переходя к похвале, направленной на маму, опять употребляет слово *lovely*.

Ребенок хочет непременно услышать похвалу в адрес матери со стороны отца, что проявляется в манере подачи комплимента, завершающегося дважды повторенным вопросом, требующим ответа (*Isn't she, Pop? Isn't she a lovely person?*), стратегии, реализующей типично детскую черту – настойчивость. Кроме того, адресант использует в своей речи типичное для американского варианта английского языка обращение к отцу *Pop*, тем самым подчеркивая принадлежность к американской лингвокультуре.

10. He noticed a number of important artists represented as he looked around the room.
– Wow! You've got some great stuff (Steel, 2005, p. 125).

Приведенный весьма эмоциональный комплимент содержит восклицательное предложение с междометием *wow!* ('ух ты!', 'надо же!'), употребляемым в неформальной беседе для выражения восхищения или удивления. Следующее за междометием комплиментарное выражение *great stuff* с частотным экспрессивным прилагательным *great* и сленговой лексемой *stuff* – ('разг.: вздор, нелепость'), используемое преимущественно в речи молодежи, характеризует молодежную возрастную принадлежность партнеров по общению.

11. – Absolutely ravishing, Tova. Look at me, I'm ravished. It looks like nothing else, ever. You must have spent a fortune on those lovely centerpieces. Achoo! So extraordinary! (Foer, 2002, p. 163).

Приведенный молодежный комплимент представлен портретным эпитетом в сочетании с интенсификатором (*Absolutely ravishing*), сравнительной гиперболой (*It looks like nothing else, ever*), междометием (*Achoo!*) и эллипсисом в виде экспрессивного прилагательного с интенсификатором (*So extraordinary!*) в восклицательных конструкциях.

Выводы

1. Проведенное исследование комплиментарных высказываний представителей возрастной идентичности на стратификационном уровне позволяет сделать вывод, что молодежный комплимент во всех исследуемых лингвокультурах встречается значительно чаще комплиментов, выражаемых представителями взрослой возрастной принадлежности, причем в неофициальной ситуации общения. Вероятно, это можно объяснить тем, что молодежь чаще общается друг с другом и, как правило, в неофициальной обстановке, что проиллюстрировано в таблице ниже.

Таблица 1

Частотность комплиментарных высказываний представителей разных возрастных идентичностей

Лингвокультура	Ситуации общения	
	Официальная	Неофициальная
Зрелая возрастная идентичность		
Английская	4 %	3 %
Американская	2 %	2 %
Русская	5 %	6 %
Молодежная возрастная идентичность		
Английская	31 %	62 %
Американская	30 %	66 %
Русская	14 %	75 %

2. Исследование показало, что основной интенцией английского комплимента представителей зрелой возрастной идентичности является вежливость (3 % примеров), что объясняется известной тенденцией старшего поколения к использованию речевых формул вежливости в речи, в особенности в английской лингвокультуре, где комплимент с данной интенцией употребляется чаще, чем в американской и русской лингвокультурах.

Американский комплимент представителей зрелой возрастной идентичности преимущественно имеет интенцию похвалы (2 % примеров), благодарности и вежливости (по 1 % и 1 % соответственно).

Для русских комплиментов представителей зрелой возрастной идентичности характерна интенция похвалы (6 % примеров). Второе место занимает интенция лести (4 % примеров). Количественные данные интенциональных особенностей комплимента в исследуемых лингвокультурах с учетом возрастного параметра отражены в таблице 2.

Таблица 2

**Типология интенций комплиментарных высказываний
представителей разных возрастных идентичностей**

Лингвокультура	Тип интенции						
	Похвала	Лесть	Вежливость	Благодарность	Приветствие	Поздравление	Уважение
Зрелая возрастная идентичность							
Английская	2 %	1 %	3 %		1 %		
Американская	2 %		1 %	1 %			
Русская	6 %	4 %			1 %		
Молодежная возрастная идентичность							
Английская	61 %	11 %	5 %	8 %	2,5 %	3 %	2,5 %
Американская	67 %	11 %	2 %	5 %	5 %	4 %	2 %
Русская	61, 5 %	22 %	4,5 %		1 %		

3. Исследование реакций адресата на комплимент показало, что для представителей зрелой возрастной идентичности в английской лингвокультуре более характерны вербальное и невербальное принятие и вербальное уклонение; в американской лингвокультуре – в равной степени вербальное и невербальное принятие и вербальное и невербальное уклонение; для русской лингвокультуры – вербальное принятие и непринятие. Для представителей молодежной возрастной идентичности в английской и в американской лингвокультурах характерно вербальное и невербальное принятие комплимента, в русской лингвокультуре – невербальное уклонение и реже невербальное принятие комплимента. Количественное соотношение реакций на комплиментарные высказывания в исследуемых лингвокультурах с учетом возрастной идентичности отражено в таблице 3.

Таблица 3

**Типология реакций адресатов разных возрастных идентичностей
на комплиментарные высказывания**

Лингвокультура	Тип реакции			
	Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
Зрелая возрастная идентичность				
Вербальная реакция				
Английская	2 %		2 %	
Американская	1 %		1 %	
Русская	5 %	3 %	1 %	
Невербальная реакция				
	Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
Английская	2 %		1 %	
Американская	1 %		1 %	
Русская	1 %		1 %	
Молодежная возрастная идентичность				
Вербальная реакция				
	Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
Английская	27 %	8 %	16 %	3 %
Американская	30,5 %	2 %	12,5 %	5 %
Русская	16,5 %	7 %	9,5 %	6 %
Невербальная реакция				
	Принятие	Непринятие	Уклонение	Ответный комплимент
Английская	26,5 %	1,5 %	11 %	
Американская	26 %	1 %	19 %	
Русская	18,5 %	2,5 %	29 %	

4. В каждой лингвокультуре используются языковые средства маркирования принадлежности коммуникантов к той или иной возрастной идентичности.

Эпитет является самым частотным тропом в английской (45 %) и в американской (51 %) лингвокультурах. Для русской лингвокультуры эпитет является вторым по частотности употреблению стилистическим средством (48 %) после восклицаний (50 %). Для английского комплимента также характерно использование лексических повторов (19 %), восклицаний (17 %), гипербол (14 %) и сравнений (10 %); для американского – сравнений (16 %), лексических повторов (15 %), гипербол (10 %) и восклицаний (6 %); для русского – метафор (15 %), гипербол (12 %), лексических повторов (9 %) и аллюзий (8 %).

В комплиментах исследуемых лингвокультур синтаксические стилистические средства, такие как риторические вопросы, параллельные конструкции, обладающие целым рядом дополнительных оттенков значения (сомнения, утверждения, предположения), используются довольно редко.

Список литературы

Вахтин Н.В., Головка Е.В. Социоллингвистика и социология языка. Гендер. Язык и возраст. URL: <http://socling.genlingnw.ru/arc/11.pdf> (дата обращения: 03.09.2014).

Ерофеев В. В. Русская красавица. URL: http://royallib.ru/read/erofeev_viktor/russkaya_krasavitsa.html#0 (дата обращения: 03.09.2014).

Кононов Н. Нежный театр. М., 2004.

Кунин В. Мика и Альфред. СПб., 2000.

Кунин В. Ребро Адама. URL: <http://lib.misto.kiev.ua/KUNINV/rebro.txt> (дата обращения: 21.11.2013).

Куракина Н.А. Диалектные особенности прагматических комплиментов представителей английской урбанистической идентичности // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях. Уфа, 2017. Ч. 2. С. 144 – 147.

Куракина Н.А. Прагматический аспект комплиментарных высказываний (на материале англо-американской художественной литературы) : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2016.

Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. URL: <http://uchebilka.ru/kultura/5291/index.html?page=17> (дата обращения: 03.09.2014).

Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. URL: http://humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02 (дата обращения: 10.10.2015).

Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы. URL: http://www.pelevin.info/pelevin_253_0.html (дата обращения: 10.10.2015).

Barnes J. Arthur and George. URL: http://www.e-reading.biz/bookreader.php/84985/Barnes_-_Arthur_%26_George.html (дата обращения: 05.09.2015).

Foer J.S. Everything is illuminated. N.Y., 2002. URL: http://www.reflexiones-marginales.com/biblioteca/15/Documentos/Jonathan_Safran_Foer:Everything_is_%20illuminated.pdf (дата обращения: 05.09.2015).

Jardine Q. Skinner's Trail. L., 1994.

Moyes J. Me before you. URL: <http://sachinbhattarai.files.wordpress.com> (дата обращения: 08.09.2015).

Steel D. Toxic bachelors. URL: <http://rattythegameworm.files.wordpress.com/2012/10/danielle-steel-toxic-bachelors.pdf> (дата обращения: 21.09.2015).

Yates R. Revolutionary Road. URL: https://vk.com/doc16932426_246424216?hash=1563faa5c9995a63c2&dl=cd7764d0c13f8e83b0 (дата обращения: 23.09.2015).

Об авторе

Наталья Александровна Куракина, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: petrusevich1@mail.ru

Для цитирования:

Куракина Н.А. Возрастные характеристики английских, американских и русских комплиментарных высказываний // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 82 – 93. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-6.

AGE-RELATED CHARACTERISTICS OF ENGLISH, AMERICAN,
AND RUSSIAN COMPLIMENTSN. A. Kurakina¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on April 25, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-6

In this article, I identify and analyse the linguistic features of the generation and perception of compliments by people of different age identities from English, American and Russian cultures. Language is not the same across different age groups, which necessitates a thorough examination of age-related parameters in language and the identification of semiotic markers of age identity. The promising area of linguistic research – social semiotics – lends an urgency to such a study. To achieve the goal of the research, I employ the methods of contextual analysis and semantic and pragmatic interpretation. The qualitative calculations ensure the relevance of the study, which takes into account the intentional and stylistic features of compliments and reactions to compliments. The need to study these aspects is explained by the orientation of compliments towards effective communication. A typology of intentions and reactions shows that cultural differences between representatives of the English, American, and Russian national identities are clearly manifested in language. As to intentions, people with a mature English identity gravitate towards politeness, those with mature American identity towards praise, and those with mature Russian identity towards praise and flattery. An analysis of linguistic material demonstrates that compliments made by people with a mature age identity differ from those made by younger persons. Younger people are more prone to make compliments in informal communication than persons with mature age identity are. Compliments made by members of each age group have certain specific features. The findings of the study can be employed in the Stylistics and Pragmalinguistics courses, which is the practical outcome of the research.

Keywords: compliment, age-related identity, mature age identity, young age identity, English culture, American culture, Russian culture.

References

- Vakhtin, N.V., Golovko, E.V., 2004. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Gender. Yazyk i vozrast* [Sociolinguistics and sociology of language. Gender. Language and age]. Available at: <http://socling.genlingnw.ru/arc/11.pdf> [Accessed 3 September 2014].
- Erofeev, V.V., 1990. *Russkaya krasavitsa* [The Russian Beauty]. Available at: http://royallib.ru/read/erofeev_viktor/russkaya_krasavitsa.html#0 [Accessed 3 September 2014].
- Kononov, N., 2004. *Nezhnyi teatr* [Gentle Theater]. Moscow (in Russ.).
- Kunin, V., 2000. *Mika i Al'fred* [Mika and Alfred]. St. Petersburg (in Russ.).
- Kunin, V. *Rebro Adama* [The Edge of Adam]. Available at: <http://lib.misto.kiev.ua/KUNINV/rebro.txt> [Accessed 21 November 2013].
- Kurakina, N.A., 2017. Dialective features of pragmatic completions of representatives of english urbanist identity. In: *Dinamika vzaimootnoshenii razlichnykh oblastey nauki sovremennykh usloviyakh. Sbornik trudov konferentsii* [Dynamics of relationships of various sciences of science in modern conditions. Conference proceedings]. Ufa, 13 November 2017, pp. 144-147 (in Russ.).

Kurakina, N.A., 2016. *Pragmatischeskii aspekt komplimentarnykh vyskazyvaniy (na materiale anglo-amerikanskoi khudozhestvennoi literatury)* [A pragmatic aspect of complimentary statements (on the material of Anglo-American fiction)]. Ph.D. Kaliningrad (in Russ.).

Leontovich, O.A., 2013. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya* [Russian and Americans: the paradoxes of intercultural communication]. Available at: <http://uchebilka.ru/kultura/5291/index.html?page=17> [Accessed 3 September 2014].

Miklyayeva, A.V., Rumyantseva, P.V., 2008. *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social identity of the person: content, structure, formation mechanisms]. Available at: http://humanpsy.ru/miklyayeva/soc_ident_02 [Accessed 10 October 2015].

Pelevin, V., 2011. *Ananasnaya voda dlya prekrasnoi damy* [Pineapple water for a beautiful lady]. Available at: http://www.pelevin.info/pelevin_253_0.html. Accessed 10 October 2015].

Barnes, J., 2005. *Arthur and George*. Available at: http://www.e-reading.biz/bookreader.php/84985/Barnes_-_Arthur_%26_George.html [Accessed 5 September 2015].

Foer, J.S., 2002. *Everything is illuminated*. NY: Houghton Mifflin Company. Available at: http://www.reflexionesmarginales.com/biblioteca/15/Documentos/Jonathan_Safran_Foer:Everything_is_%20illuminated.pdf [Accessed 5 September 2015].

Jardine, Q., 1994. *Skinner's Trail*. London: Headline Book Publishing.

Moyes, J., 2012. *Me before you*. Available at: sachinbhattarai.files.wordpress.com [Accessed 8 September 2015].

Steel, D., 2005. *Toxic bachelors*. Available at: <http://rattythegameworm.files.wordpress.com/2012/10/danielle-steel-toxic-bachelors.pdf> [Accessed 21 September 2015].

Yates, R., 1961. *Revolutionary Road*. Available at: https://vk.com/doc16932426_246424216?hash=1563faa5c9995a63c2&dl=cd7764d0c13f8e83b0 [Accessed 23 September 2015].

The author

Dr Natalia A. Kurakina, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: petrusevich1@mail.ru

To cite this article

Kurakina N.A. 2018, Age-Related Characteristic Features of English, American and Russian Compliments, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 82–93. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-6.

УДК 811. 161. 1. 282

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ЭСТОНИИ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

*Е. И. Костанди*¹

¹ Тартуский университет
50090, Эстония, Тарту, ул. Юликооли, 18
Поступила в редакцию 14.03.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7

На базе понятия дискурсивных практик рассматривается речь русской диаспоры Эстонии. Имеющиеся результаты позволяют предположить существование некоторого инвариантного дискурса, порождаемого условным «типичным» представителем диаспоры. Этот дискурс имеет формальную (заимствования, переключение кода и др.), семантическую (референтная отнесенность, семантически переориентированная лексика и др.) и прагматическую специфику. Имеющиеся в настоящее время результаты анализа речи диаспоры позволяют предположить, что ключевыми компонентами типового дискурса диаспоры являются пространственно-временная локализация (пространство: отношения Эстония – Россия – Запад; знаковые места, пространство в прошлом и сейчас (империя, Эстонская республика, СССР); информационное пространство; время: исторические периоды, даты, праздники; время в информационном пространстве и др.), языковая рефлексия (метаязыковые единицы, отражающие сосуществование, знание, освоение языков; языковая самоидентификация и др.), оценка (объекты оценивания; типы оценок), самоидентификация (этническая, конфессиональная, культурная, социально-экономическая).

Такая специфика не только характеризует речь, но и отражает особенности «картины мира» носителя языка в условиях диаспоры, его наивно-языковой концептуализации действительности. В рамках типового дискурса диаспоры вычленяется метаязыковой дискурс, в основе которого лежат дискурсивные практики, обусловленные ситуацией языковых контактов. Частично они были описаны ранее. В статье обобщаются результаты предыдущих исследований автора по данной проблематике и анализируется новый материал.

Ключевые слова: русская диаспора Эстонии, локальные дискурсивные практики, типовой дискурс диаспоры.

1. Введение

Общеизвестно, что вариативность языка обеспечивает его включение в разные условия функционирования, в частности в ситуации диаспоры и сопутствующих коммуникативных и иных факторов, что

на материале русского языка в разных странах активно изучается исследователями. Многие особенности речи русской диаспоры Эстонии постсоветского периода также к настоящему времени выявлены и проанализированы в контексте более общих лингвистических и смежных вопросов (Костанди, Кюльмоя, 2013). Частично описаны как очевидная специфика речи диаспоры, представленная отдельными языковыми единицами и средствами (графическими, лексическими, грамматическими и др.), так и та, которая формируется комплексом средств и затрагивает целые зоны речевой деятельности. Обобщение результатов позволило не только увидеть формальные проявления, отличающие речь диаспоры, но и обратить внимание на более глубинные процессы. Одним из подходов, дающих возможность осмыслить разнородные данные, стал анализ дискурсивных практик, формирующихся в условиях диаспоры и постоянных языковых контактов.

Целью статьи является сопоставление результатов, ранее представленных в публикациях ее автора и других исследователей, и на основе этого, а также новых данных рассмотрение дискурсивных практик, репрезентирующих местную языковую ситуацию двуязычия¹. Соответственно, статья частично посвящена обобщению предшествующих наблюдений, однако в центре внимания будут интересующие нас дискурсивные практики. Предлагаемый анализ является частью более объемного исследования, что требует краткого представления некоторых положений, более детально рассмотренных в ряде предыдущих публикаций.

По закону о языке в Эстонии государственный язык — эстонский, все остальные считаются иностранными, однако некоторые, в частности русский, являются языками национальных меньшинств и используются в разных областях (для русского это СМИ, образование, культура, экономика, политика, повседневное общение, церковь и др.), регулярно русский язык представлен в виде как оригинальных, так и переводных текстов. Роль русского языка в обществе в целом, его распространенность в разных сферах жизни, влияние иных языков и культур, билингвизм многих носителей языка и ряд более частных факторов, разумеется, влияют на разные аспекты языка, в том числе на появление специфических местных дискурсивных практик, а также практик, сопоставимых с имеющимися в странах с аналогичной языковой ситуацией, и, напротив, на отсутствие или трансформацию практик, характерных для стран, где русский является основным языком общения, в первую очередь России.

2. Типовой дискурс диаспоры

Ниже мы будем опираться, с одной стороны, на понятие дискурса и вытекающего из него понятия дискурсивных практик, с другой — на уже представленную нами ранее идею о формировании в условиях

¹ В какой-то мере можно говорить и о наличии большего числа языков. Так, в местных условиях регулярно разные тексты снабжены переводами на ряд языков, часто можно слышать и английскую, финскую, латышскую или иную речь. Однако два наиболее широко представленных языка — эстонский и русский, и нас интересует именно это двуязычие, другие варианты в настоящей статье не рассматриваются.

диаспоры типового дискурса диаспоры, поэтому кратко определим то и другое. Как известно, бесспорного и общепринятого определения дискурса и дискурсивных практик не существует, далее будем исходить из того, что дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания... — речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова, 1998, с. 136–137), а «дискурсивные практики — категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства» (Серне, 2003, с. 288).

Под типовым дискурсом диаспоры мы понимаем текст в сочетании с экстралингвистическими факторами, который репрезентирует наиболее значимые особенности речи диаспоры. Такой дискурс имеет ряд формальных — иноязычные вкрапления, заимствования, некоторые грамматические, стилистические, жанровые особенности — и содержательных признаков. Поясним последнее. По мере изучения особенностей речи русской диаспоры Эстонии на разном материале становилось все более очевидным, что в каких-то сферах, например при передаче темпоральных или локальных характеристик, при выражении оценки, проявляются особенности «эстонских русских», отражающие и одновременно формирующие их картину мира, точнее говоря, тот ее фрагмент, который связан с жизнью в нашей стране. Множество свидетельствующих об этом фактов позволило говорить о том, что представители диаспоры по-своему представляют некоторые зоны действительности. Анализ материала показал, что к таким зонам следует отнести *пространственно-временную локализацию (хронотоп), социальную сферу, оценку, языковую рефлексию*. Географическая и историческая специфика, языковая ситуация в стране и ее регионах, государственные и общественные институты, культура, образование, реалии экономического, технического и иного характера находят отражение в речи диаспоры, формируя ее специфику, которую можно, на наш взгляд, представить в виде набора ключевых компонентов, или типового дискурса. Эта идея была высказана впервые в (Костанди, 2016а) и далее развивалась, например, в (Костанди, 2016г), где отмечалось, что пространство, время, социальное взаимодействие, оценка, язык / языковая рефлексия относятся к числу категорий, базовых для человека, и неслучайно именно они частично переосмысляются, отражая когнитивный аспект и самоидентификацию диаспоры в целом и ее отдельных представителей. Одним из важнейших компонентов из перечисленных выше является языковая рефлексия, о чем и пойдет речь далее.

3. Метаязыковой дискурс диаспоры

Языковая рефлексия, являясь необходимой составляющей речи, может быть, как известно, скрытой или выраженной в метаязыковых единицах, характеризующих, комментирующих, регулирующих, оце-

нивающих язык, речь и, шире, коммуникацию. Условия жизни носителей языка могут активизировать языковую рефлексию, что происходит, в частности, в ситуации сосуществования языков, делающей языковую тему актуальной. Наблюдения над нашим материалом показали, что в нем широко и разнообразно представлены метаязыковые единицы, свидетельствующие о том, насколько разносторонне носители языка характеризуют, оценивают, комментируют вопросы языка, речи, коммуникации, языковой самоидентификации. В этом материале среди метаязыковых единиц частотны такие, в которых рефлексия обусловлена постоянными языковыми контактами, сосуществованием людей, говорящих на русском и эстонском языках. Обобщение наиболее регулярных тем, затрагиваемых в таких единицах, позволило определить их как составляющие типового «дискурса о языке», являющегося частью более широкого типового дискурса диаспоры, кратко охарактеризованного выше, и смоделировать инвариант, который в (Костанди, 2016б) был представлен следующим образом:

Общая языковая ситуация характеризуется сосуществованием двух (или более) языков. Люди в той или иной степени владеют / не владеют этими языками. В конкретных коммуникативных ситуациях попеременно или одновременно используются разные языки. Существует частичное функциональное распределение языков. Языки взаимодействуют, оказывают влияние друг на друга. Единицы разных языков определенным образом соотносятся. Требуется / возможно пояснение, комментирование слов, выражений, грамматических форм, норм разных языков. Существующее положение дел оценивается.

Коммуникация в условиях двуязычия порождает регулярную специфически местную языковую рефлексию, которая может быть охарактеризована как местная же дискурсивная практика, существующая в ряде вариантов. Одни из них хотя и не полностью, но описаны, другие лишь зафиксированы, а их рассмотрение пока ограничилось общей характеристикой, наконец, какие-то, видимо, еще не попали в поле зрения исследователей, и настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел. Анализ материала свидетельствует о том, что языковая рефлексия постоянно пересекается с другими компонентами типового дискурса диаспоры². Рассмотрим далее варианты дискурсивных практик, не просто характерные для ситуации двуязычия, а репрезентирующие, воспроизводящие ее.

4. Дискурсивные практики в двуязычной среде

В течение последних примерно 20–25 лет для изучения языка русской диаспоры Эстонии исследователями привлекались тексты СМИ (газеты, радио, телевидение, Интернет), реклама, тексты прикладного

² Этому посвящена наша статья «Компоненты типового дискурса диаспоры как проявление языковой самоидентификации», которая предположительно выйдет в 2018 году в издательстве Гданьского университета.

характера (надписи на упаковках товаров, инструкции, меню, программы мероприятий, надписи внутри различных учреждений, организаций, фирм), разговорная речь, молодежный сленг, официально-деловые тексты, диалектный и сетевой материал, мемуарная и художественная литература и др. (Костанди, 2015б; Труды по русской и славянской филологии, 2000; 2002; Щаднева, 2011; 2015; Humaniora, 2009 и др.). Обращение к разнообразному материалу позволило выявить общие черты речи русской диаспоры. Самой очевидной их них являются многочисленные *иноязычные вкрапления*, которые рассматривались исследователями начиная с фиксации немногочисленных в первые постсоветские годы, а позже все более частотных вкраплений и заканчивая их анализом с точки зрения общих вопросов номинации, референции, прагматики и т.п. (Костанди, 2011; Кюльмоя, 2000; 2009). В письменных текстах они часто передаются латиницей, в устной речи используются неизменные или частично русифицированные эстонизмы, например:

Ну / все **hooldajad**³ рождественскую премию получили; Это будет **esmaspäev**⁴; Когда **maailmalõpp**⁵ был / не надо соли / а сегодня приходил // за солью // (разговорн. речь); **Tele2** отказался аннулировать услугу, так как «в данном случае **Tele2** является посредником. Услугу предлагает **Tim Vibra**, они же отвечают за качество» (www.rus.delfi/ee)⁶.

Не менее широко распространены и *заимствования*, в том числе неочевидные — *кальки и полукальки*, которые на письме могут передаваться частично и латиницей: *личный код, материнская зарплата, ID-карта, больничная касса, касса по безработице, целевое учреждение, прямое платежное поручение* и др. В подобных случаях в эстонском языке мы обычно имеем дело со сложным словом, которое в русском чаще всего преобразуется в атрибутивное словосочетание. Как уже отмечалось в указанных выше работах, основной — однако не единственной — причиной появления вкраплений, заимствований является необходимость идентифицирующей референции, когда «местное» наименование более однозначно отсылает к местным же реалиям, то есть условия коммуникации порождают соответствующую им речевую практику.

Иноязычные элементы в речи являются выражением *практики переключения кода*, т. е. перехода в процессе речи на иной язык (эстонский) или вариант языка (язык диаспоры). Переход может ограничиться одним словом или словосочетанием, после чего говорящий возвращается к своему языку, однако может выглядеть и как смешение языков, как в следующем фрагменте разговора за семейным обедом:

³ Эст. *hooldaja* — в данном контексте работник дома престарелых, ухаживающий за пациентами.

⁴ Эст. *esmaspäev* — понедельник.

⁵ Эст. *maailmalõpp* — конец света.

⁶ Примеры устной речь оформлены в соответствии с нормами, принятыми исследователями разговорной речи.

А: И в Тарту / и в Отепяэ / и везде в эти // Здесь показывали еще и Вынну // Тут подряд все школы / там директора уже / куда они / там / деньги / не знаю / девали // Б: *Indrek / sinu jaoks ekstra / Karina tegi*⁷ // В: *Ataaisöö*⁸ // Г: А почему? Д: *Lõpetage ära*⁹.

Поскольку такой материал неоднократно рассматривался ранее, сейчас не будем анализировать его детали, однако для полноты картины — представленности ситуации двуязычия в обусловленных ею дискурсивных практиках — о нем следовало напомнить. Существуют многочисленные частные проявления переключения кода, описанные в исследовательской литературе, в том числе и на эстонско-русском материале (Zabrodskaja, 2009).

Распространение заимствований, являющихся кальками эстонских слов, наиболее активно происходило в начальный период восстановления самостоятельного эстонского государства, когда появлялось множество новых социальных, экономических, бытовых и иных реалий, часто не имевших названий ни в русском, ни в эстонском языках. Обще-ственно-политические организации, государственные институты, социальные структуры и т. п. обычно сначала получали наименования на государственном языке. Русские тексты в этих сферах часто были и остаются переводными, переводами являются, соответственно, и наименования типа *личный код*, *больничная касса* и др. Регулярно они появляются в результате *практики* функционирования *текстов билингва*, т. е. текстов «на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянском и русском языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках» (Панькин, Филиппов, 2011, с. 16). В Эстонии производство текстов билингва является регулярной практикой, представленной во множестве вариантов, от полного перевода текста с эстонского на русский и совместного использования оригинала и перевода до разного рода сокращений, наращений, трансформаций в процессе перевода исходного, не всегда однозначно устанавливаемого оригинала и отдельного самостоятельного функционирования каждой части текста билингва (Костанди, 2016в). Анализ их как дискурсивной практики уже был представлен нами ранее, поэтому сейчас приведем лишь один пример, демонстрирующий данный подход. Так, в сравнительно недавно открывшемся в г. Тарту новом Эстонском национальном музее описание экспонатов и иная информация приводятся на эстонском языке на небольших экранах. Посетители музея могут при покупке билета получить электронную карточку, настроенную на переключение текстов описания на английский, русский или латыш-

⁷ Индрек / специально для тебя / экстра / Карина приготовила.

⁸ Эст. *ataaisöö* — А он не есть.

⁹ Эст. *lõpetage ära* — Прекратите.

ский языки. Подборка языков обусловлена положением их в стране, регионе, мире (эстонский — государственный язык, английский — международный, русский — язык диаспоры Эстонии и распространенный в регионе, латышский — язык ближайших соседей). Разные посетители могут воспринимать эти тексты по-разному: как только эстоноязычные или как тексты на двух языках — исходном эстонском и том, на который они переключаются, то есть как тексты билингва. Русские жители нашей страны, знающие эстонский язык, могут тоже вести себя по-разному: кто-то будет читать тексты на эстонском, кто-то на русском, а кто-то частично на эстонском и частично на русском. Таким образом, текст билингва включен в коммуникативное поведение посетителя музея, что и предопределяет его рассмотрение как дискурсивной практики.

Вкрапления, заимствования, переключение кода, тексты билингва типологически близки, так как содержат в себе два языка и при обобщении могут, на наш взгляд, рассматриваться как явления одного порядка, а именно, как наиболее «простое» отражение местной языковой ситуации, или *практика воспроизведения* в конкретном коммуникативном акте ситуации двуязычия с разной степенью представленности каждого из языков. Рассмотрим далее основные компоненты данной практики.

Находясь в условиях сосуществования языков, человек может использовать один или другой язык в зависимости от собственных возможностей и условий коммуникации, что порождает также типичную для местных условий *практику выбора языка*, частично описанную в (Костанди, 2016г). Как показало последующее обобщение контекстов, содержащих информацию о выборе языка, их стандартными компонентами являются: сообщение / знание о возможности выбора языка, предложение / намерение выбрать язык, сопутствующие сведения, вопросы, комментарии, оценка выбора и его результатов, например:

Всю информацию о курсах вы найдете на сайте организации / **в том числе и на русском языке** (из телепередачи); Ну **выбери там язык сама** / какой хочешь (разговорная речь); **Скажите по-эстонски, если по-русски не можете** сразу (из диалога на экзамене); А: Слушай / думаешь надо темы конференций переводить (на эстонский язык)? Вот как такое можно перевести (читает по-польски и по-русски)? В прошлом году мы на языке оригинала подавали // **на латышском там / польском / русском** // Б: Точно / давай на языке оригинала (из телефонного разговора); Юбилей отмечался торжественно <...> Устраивался он эстонцами и русскими, и мама **очень умно** рассказывала свою жизнь — **по-русски**, когда события жизни проходили на территории России, **и по-эстонски**, когда в Эстонии¹⁰; В: Как в колледже¹¹ висят плакаты / «Здесь **можно говорить по-эстонски** — громко и неправильно!» (из телепередачи).

¹⁰ Фрагмент мемуаров: (Милютина, 1997, с. 109).

¹¹ Речь идет о Нарвском колледже Тартуского университета, где учатся в основном русскоговорящие студенты, в целом в городе Нарва большинство жителей — русские, и эстонский язык можно услышать редко.

Представленные выше речевые практики неизбежно предполагают, что человек порой не может сразу подобрать нужное слово на том или ином языке, в частности на русском. Регулярно это имеет место, когда по-русски говорят люди, для которых этот язык не родной — они чаще не могут найти нужное слово, точно выразить свою мысль, что порождает *практику «подсказки»*¹², когда адресат (А), реагируя на паузу, вопрос, интонацию, жест, взгляд и другие признаки того, что у говорящего (Г) возникла проблема, «подсказывает» подходящее слово, что мы видим, например, в следующих фрагментах телепередач:

Г: Я думаю / что двадцать пять лет назад цель была таким¹³ / что обеспечить эстонцам все ... э-э-э-м-м... / *tingimused*?¹⁴ ... А: **Условия** / Г: **Условия** ... для своей культуры / своего языка; Г: «Динамо» был / ну / мужская организация // Потому что «Динамо» не только милиция / пожарники и / ну-ну / *tuletõrjujad*¹⁵? ... А: **Ну...** / **пожарные** Г: *Piirivalvurid* / (вопросительно смотрит на ведущих). А: **Пограничники**. Г: **И пограничники** / да.

Сами русскоговорящие тоже регулярно вставляют в речь эстонские слова, в частности, когда и они не сразу находят соответствующее русское слово. В этом случае «подсказка» может стать «самоподсказкой», «самопереводом», корректировкой своей или чужой речи, как, например, в следующих фрагментах речи русскоговорящих собеседников:

А: Мы пойдем в этот... в *veekeskus*¹⁶? Б: **В водный центр** (подчеркивает интонационно русское наименование). А: Ну / в водный центр; В: А **как это называется-то** / ... **дом престарелых**? Г: **Ну** / ... *hoodekodu*¹⁷... **дом призрения что ли...** // В: Понятно; А: Записывай / первого в 21.15 ... *reede*¹⁸ ... С: **Пятница...** А: **Reede...** С: **Пятница!** А: **Ну хорошо** // **пятница**.

Регулярность практик, репрезентирующих ситуацию языковых контактов, активизирует языковую рефлексию по этому поводу. В самых разных контекстах — от лингвистических работ до повседневной речи наивных носителей языка — встречаются специальные, развернутые или попутные, косвенные комментарии, оценки и иные метаязы-

¹² В настоящее время в Даугавпилском университете готовится сборник с нашей статьей «Языковая рефлексия диаспоры: варианты», посвященной особенностям местной русской речи на материале передач русскоязычного телеканала ETV+. Так как сборник находится в печати и пока отсутствуют его выходные данные, статья не будет включена в список литературы, но отметим, что в ней впервые приводятся примеры данной речевой практики телеведущих, оперативно помогающих гостям студии. Дальнейшее исследование показало, что такая практика широко представлена не только в речи телеведущих.

¹³ В примерах сохранены все черты речи собеседников, в том числе и грамматические ошибки.

¹⁴ Эст. *tingimused* — условия.

¹⁵ Эст. *tuletõrjujad* — пожарные.

¹⁶ Эст. *veekeskus* — водный центр.

¹⁷ Эст. *hoodekodu* — дом призрения.

¹⁸ Эст. *reede* — пятница.

ковые единицы, характеризующие ситуацию языковых контактов. Такие единицы есть и в некоторых из приведенных выше примеров. Обобщение наиболее характерных метаязыковых единиц с «диаспорной» составляющей было дано в (Костанди, 2016б). Сейчас остановимся только на том аспекте языковой рефлексии, который ранее на нашем материале специально не рассматривался, — на **языковой игре**, связанной с языковыми контактами, или ее осмыслении и на том, что собственно игрой нельзя назвать, но что вызывает смех, иронию, шуточные комментарии и т. п. Факты свидетельствуют о вариативности таких практик, которые сейчас невозможно описать полностью, для этого требуется дополнительный сбор материала и его анализ, поэтому ограничимся отдельными примерами.

Наиболее очевидным вариантом является обыгрывание эстонских слов (реже других единиц), построенное на их сопоставлении с русскими. Так, например, в местной топонимике преобладают эстонские наименования, однако в повседневном общении они часто получают разные коннотации, в том числе «игровые», при сопоставлении их с потенциальными русскими вариантами. Приведем лишь некоторые примеры «русифицированных» наименований из числа собранных в г. Тарту студенткой отделения славистики О. Соколовой. Вот фрагмент записи разговорной речи¹⁹:

А: Там Лохква местечко. Мы его Деревней дураков называем на работе.
В: Почему? А: У нас потому что... как-то мы в Лохква называем, у нас эстонцы. У них... У нас эстонцы некоторые русский так более менее знают... И «По-русски переводится **Лохква?**» Мы им объясняем: «Нет, не переводится». «А **лох** — это никак не связано с **лохом?**» «Нет, не связано». **Деревня дураков** (Соколова, 2013, с. 38).

В следующем примере обыгрывается имя Якоб: место у памятника известному эстонскому деятелю Якобу Хурту получило наименование «у *якобы Хурта*» (Соколова, 2013, с.57). В обозначении жилого дома по адресу *ул. Коду, 2²⁰* как *Дом два* содержится отсылка к реалити-шоу «Дом-2» (Соколова, 2013, с. 39). В наших записях из сетевого общения есть аналогичные примеры, например, площадь Вабадузе²¹ была «переименована» в *Площадь бабы Дуси*. Подобный материал можно найти и в (Паликова, 2013). В основе такого обыгрывания лежит языковая рефлексия на базе сосуществования и сопоставления языков.

Как-то оцениваться, вызывать шуточные или иронические замечания может и не собственно язык, а языковая ситуация в целом в стране или какая-либо частная ситуация. Так, посвященная разным вопросам языка и речи (нормативность, стилистика и др.) передача, некоторое время выходившая на русском телеканале ETV+, называлась «*Языковая инспекция*». Так же называется официальный государственный орган, следящий за соблюдением Закона о языке. Сама *Языковая инспекция* как государственный институт вызывает неоднозначные, часто негативные,

¹⁹ Сохранена форма записи, использованная автором работы.

²⁰ Эст. kodu — дом.

²¹ Эст. Vabaduse — Свободы.

оценки со стороны русского населения, так как ее деятельность связана с разными требованиями к использованию и уровню знания государственного языка. В названии передачи отразился ряд местных лингвистических, социально-политических и иных, вплоть до бытовых, явлений, фактов, мнений, в самой же передаче ведущие регулярно шутили по поводу деятельности этого органа.

Рассмотрим также пример, часть которого уже была приведена выше при описании практики выбора языка. Ведущие (В1 и В2) другой регулярной телепередачи, выходящей из студии в г. Нарва и посвященной северо-западному региону Эстонии, где преобладает, особенно в городах, русское население, в одном из выпусков обсуждают проблемы с эстонским языком, возникающие у местных жителей. Вот фрагмент²² этого обсуждения:

В1: ... Статья в газете (далее пересказывает) / В Нарве учителя эстонского языка в детских садах учат неправильно произношению <...> (шутливо) Это такой определенный нарвский акцент / который скоро внедрится // В2: То / что в Нарве по-эстонски будут говорить // Как в колледже висят плакаты / «Здесь можно говорить по-эстонски – громко и неправильно!» / Что люди в Нарве будут говорить по-эстонски громко и неправильно / это было известно еще двадцать лет назад <...> Это эстонский? <...> Или (шутливо) нарвский эстонский? <...> Это просто нарвский эстонский!

По интонации, взглядам, жестам собеседников очевидно, что они иронически воспринимают факт того, что в обсуждаемой газетной статье жители города упрекают в неправильном эстонском произношении, в то время как в городе нет языковой среды и непонятно, как можно совершенствовать свои языковые навыки.

Наконец, приведем пример иного типа – в утренней телепередаче на русском языке дается обзор эстонской прессы, ведущий показывает и читает заголовок по-эстонски, комментирует заложенную в нем языковую игру и пытается адекватно передать ее по-русски:

Tark maja loll lugu / Тут заголовок забавный на первой полосе <...> Дурацкая история умного дома // игра слов такая //

Материал свидетельствует о том, что языковая игра, базирующаяся на двуязычии, имеет разные проявления. Разумеется, в одной статье невозможно привести множество примеров, однако и описанные выше дают представление о том, что ситуации языковых контактов вызывает соответствующую языковую рефлекссию, в частности и в игровой форме. Такая дискурсивная практика стала постоянной составляющей местного языкового ландшафта.

5. Выводы

Итак, условия диаспоры характеризуются постоянными языковыми контактами, что приводит к появлению в речи множества особенностей. Одна из них – формирование дискурсивных практик, в том или

²² Обсуждение развернутое, приводим лишь некоторые его части.

ином виде отражающих сосуществование языков. К числу регулярных практик такого рода относятся *воспроизведение в речи ситуации сосуществования языков*, этой же ситуацией предполагаемый *выбор языка*, своего рода *подсказки*, которые требуются в двуязычной среде, *языковая игра*, базирующаяся на взаимодействии языков, как одно из проявлений языковой рефлексии. Осмыслить и полнее понять эти, как и многие другие проявления вариативности языка, помогает обращение к экстралингвистическим факторам, к дискурсу, что и было предпринято выше. Дискурсивные практики, в свою очередь, можно рассматривать одновременно как базу и как следствие метаязыкового дискурса, являющегося частью более широкого типового дискурса диаспоры.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 136–137.
- Костанди Е.И. Номинация и референции – проблемы выбора в иноязычной среде // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире. II. Тарту, 2011. С. 142–159.
- Костанди Е.И., Кюльмоя И.П. О русском языке современной Эстонии // Русский язык зарубежья. СПб., 2013. С. 85–106.
- Костанди Е.И. Категория темпоральности в «обыденном» языке: сопоставительный аспект // *Rusistica Latviensis 5. Slavica—2015: filoloģija spētījumi*. Rīga, 2015a. С. 79–85.
- Костанди Е.И. Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов // Ежегодник финно-угорских исследований = *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. Ижевск, 2015б. Вып. 2. С. 29–40.
- Костанди Е.И. Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект // Русистика и современность. Рига, 2016а. С. 273–280.
- Костанди Е.И. Метаязыковой дискурс диаспоры: инвариант и варианты // *W poszukiwaniu tożsamości językowej*. Gdansk, 2016б. Т. 1. С. 244–253.
- Костанди Е.И. Тексты билингва: «свое» и «чужое» // *Acta Slavica Estonica*. VIII. Тарту, 2016в. С. 78–88.
- Костанди Е.И. Типовой дискурс диаспоры: языковая самоидентификация // Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее, будущее. Псков, 2016. С. 115–121.
- Кюльмоя И.П. Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000. С. 84–93.
- Кюльмоя И.П. Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры. Тарту, 2009. С. 11–28.
- Милютина Т.П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.
- Паликова О.Н. Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (На материале городского сленга и островного говора) // *Acta Slavica Estonica*. III. *Slavica Tartuensia X*. Славистика в Эстонии и за ее пределами. Тарту, 2013. С. 84–97.
- Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты. Краткий словарь. М., 2011.
- Серне А.Я. Дискурсивные практики // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003.

Соколова О. Русская неофициальная урбанонимия города Тарту: бакалаврская работа. Тарту, 2013. URL: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/36201> (дата обращения: 12.01.2018).

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000.

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI. Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002.

Щаднева В.П. Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов // Русистика и современность. Рига, 2011. С. 540–545.

Щаднева В.П. Региональные варианты русской речи в аспекте языковой рефлексии (на материале метаязыковых комментариев на интернет-форумах) // Rusistica Latviensis 5. Slavica-2015: filoloģija spētījumi. Riga, 2015. С. 112–120.

Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры. Тарту, 2009.

Zabrodskaja A. Russian-Estonian Language Contacts: Grammatical Aspects of Language Use and Change. Tallinn, 2009.

Об авторе

Елизавета Илмаровна Костанди, кандидат филологических наук (PhD), доцент, Тартуский университет, Эстония.

E-mail: jelizaveta.kostandi@ut.ee

Для цитирования:

Костанди Е.И. Дискурсивные практики русской диаспоры Эстонии: языковые контакты // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №3. С. 94–107. doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7.

DISCURSIVE PRACTICES OF THE RUSSIAN DIASPORA IN ESTONIA: LANGUAGE CONTACTS

Ye. I. Kostandi¹

¹ University of Tartu

18 Ylikooli, Tartu, 50090, Estonia

Submitted on March 14, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7

In this article, I use the concept of discursive practices to consider the speech practices of the Russian diaspora of Estonia. The findings of the study suggest the existence of an invariant discourse generated by an exemplary member of the diaspora. Such a discourse has formal (borrowings, code-switching, etc.), semantic (referential shifts, semantically re-oriented vocabulary, etc.), and pragmatic features. The results of the diasporic speech analysis show that the key components of a typical diasporic discourse are the following ones: spatial-temporal localization (space: Estonia – Russia – the West relations; significant locations, space in the past and today (the empire, the Republic of Estonia, the Soviet Union); information space; time: historical periods, dates, holidays; time in information space, etc.), linguistic reflections

(metalinguistic units denoting co-existence, knowledge, language acquisition, etc.), evaluations (objects of evaluation, types of evaluation) and self-identification (ethnic, denominational, cultural, socio-economic).

The above is not only characteristic of the diasporic speech. These components also describe the worldview of language users belonging to the diaspora and their naïve linguistic conceptualisation of reality. Within the typical diasporic discourse, I distinguish a metalinguistic discourse that rests on discursive practices stemming from language contacts. These practices were described in part earlier. In this article, I summarize my earlier findings on the topic and analyse new material.

Keywords: language contact, Russian diaspora of Estonia, local discursive practices, typical diasporic discourse.

References

Arutyunova, N.D., 1998. Discourse. In: V.N. Yartseva, ed. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Great encyclopedic dictionary]. Moscow. pp. 136-137 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2011. Nomination and references-problems of choice in a foreign language environment. In: *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. XIV. Razvoit'e i variatsionost' yazyka v sovremennom mire* [Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. XIV. The development and variability of language in the modern world]. Tartu, pp. 142-159 (in Russ.).

Kostandi, E.I., Kulmoya, I.P., 2013. About the Russian language of modern Estonia. In: *Russkii yazyk zarubezh'ya* [Russian language Abroad]. St. Petersburg, pp. 85-106 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2015a. The category of temporality in "everyday" language: the comparative aspect. In: *Rusistica Latviensis 5. Slavoica – 2015: filologija spētijumi*. Riga, pp. 79-85 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2015b. Specificity of discursive practices in the situation of language contacts. In: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugrian Studies]. Vol. 2. Izhevsk, pp. 29-40 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016a. Typical text of the diaspora: the cognitive aspect. In: *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and Modernity]. Riga, pp. 273-280 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016b. Metalanguage discourse of the diaspora: invariant and variants. In: *W poszukiwaniu tożsamości językowej*. Vol. I. Gdansk (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016b. Bilingual texts: "your" and "someone else's". In: *Acta Slavica Estonica*. Vol. VIII. Tartu. pp. 78-88 (in Russ.).

Kostandi, E.I., 2016r. Typical discourse of the diaspora: language self-identification. In: *Kul'turnyi landshaft Pogranič'ya: prošloe, nastoyashchee, budushchee* [The cultural landscape of the Borderlands: past, present, future]. Pskov, pp. 115-121 (in Russ.).

Külmoja, I., 2000. Specific features of the language of the Russian diaspora in Estonia. In: *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya. III. Yazyk diaspory: problemy i perspektivy* [Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. New episode. III. Diaspora Language: Problems and Perspectives]. Tartu, pp. 84-93 (in Russ.).

Külmoja, I., 2009. Speech of the Russian Diaspora in Estonia: Development Trends. In: *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. XII. Aktivnye protsessy v russkom yazyke metropolii i diaspory* [Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. XII. Active processes in the Russian language of the metropolis and the diaspora]. Tartu, pp. 11-28 (in Russ.).

Palikova, O.N., 2013. Informal geographical lexicon as a linguistic sign of the territorial community of people (On the material of urban slang and island dialect). In: *Acta Slavica Estonica. III. Slavica Tartuensia X. Slavistika v Estonii i za ee predelami* [Acta Slavica Estonica. III. Slavica Tartuensia X. Slavic Studies in Estonia and beyond]. Tartu, pp. 84-97 (in Russ.).

Pan'kin, V.M., Filippov A.V., 2013. *Yazykovye kontakty. Kratkii slovar'* [Language contacts. Short Dictionary]. Moscow (in Russ.).

Serne, A.Ya., 2003. Discursive practices. In: *Sotsiologiya. Entsiklopediya* [Sociology. Encyclopedia]. Minsk (in Russ.).

Sokolova, O., 2013. *Russkaya neofitsial'naya urbanonimiya goroda Tartu* [Russian unofficial urbanism of the city of Tartu]. Available at: <http://dspace.ut.ee/handle/10062/36201> [Accessed 12 January 2018].

Külmoja, I., ed., 2000. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya. III. Yazyk diaspor: problemy i perspektivy* [Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. New episode. III. Diaspora Language: Problems and Perspectives]. Tartu (in Russ.).

Külmoja, I., ed., 2002. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika. Novaya seriya. VI. Problemy yazyka diaspor* [Works on Russian and Slavic philology. Linguistics. New episode. VI. Problems of the Diaspora Language]. Tartu (in Russ.).

Shchedneva, V.P., 2011. Characteristics of the modern Estonian-Russian translation of utilitarian official business texts. In: *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and Modernity]. Riga, pp. 540-545 (in Russ.).

Szadneva, V.P., 2015. Regional variants of Russian speech in the aspect of linguistic reflection (on the material of metalanguage commentaries on Internet forums). In: *Rusistica Latviensis 5. Slavica – 2015: filologija spētījumi*. Riga, pp. 112-120 (in Russ.).

Külmoja, I., ed., 2009. *Humaniora: Lingua Russica. Aktivnye protsessy v russkom yazyke metropolii i diaspor*. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika XII* [Humaniora: Lingua Russica. Active processes in the Russian language of the metropolis and the diaspora. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XII]. Tartu (in Russ.).

Zabrodskaja, A., (2009). *Russian-Estonian Language Contacts: Grammatical Aspects of Language Use and Change*. Tallinn.

The author

Dr Yelizaveta Kostandi, Associate Professor, University of Tartu, Estonia.

E-mail: jelizaveta.kostandi@ut.ee

To cite this article:

Kostandi Ye.I. 2018, Discursive Practices of the Russian Diaspora in Estonia: Language Contacts, *Slovo.ru: baltiiskij accent*, Vol. 9, no. 3, p. 94–107. doi: 10.5922/2225-5346- 2018-3-7.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2018

Том 9

№ 3

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 01.08.2018 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,7
Тираж 121 экз. (2-й завод — 80 экз.). Заказ 199

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

